КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА и МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

„Организованный капитализм"

Дискуссия в Комакадемии

1930

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Е. Варга—Предисловие 3

ДОКЛАДЫ

Е. Варга—Основные проблемы „организованного капитализма“ 5

Ю. Гольдштейн—Организованный капитализм и буржуазные экономисты 18

М. Иоельсон—„Организованный капитализм“ и социал-демократия . . 42

М. Герцбах—„Организованный капитализм“ и ультраимпериализм . . 59

Лоуф-Бохен—Новые формы конкуренции в САСШ 72

ПРЕНИЯ

Е. Хмельницкая 90

Л. Эвентов 99

Б. Борилин 104

С. Бессонов 109

М. Рубинштейн 116

А. Иткина 123

А. Кон 133

С. Новиков 142

Марков 147

И. Бутаев 151

А. Леонтьев 157

Е. Варга—Заключительное слово 165

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. Бухарин—Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии 168

Его же—Теория „организованной бесхозяйственности“ 189

Письмо А. Кона в президиум Института мирового хозяйства 200

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

„ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ“

ДИСКУССИЯ В КОМАКАДЕМИИ

Второе издание.

1930
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Главлит № А—59449. Тир. 15.000 экз.
Тип. Изд-ва НКВД. М. Каменщики, 16. Зак. 73.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Содержанием предлагаемой книги является дискуссия об «организованном капитализме», имевшая место в Комакадемии осенью 1929 года по инициативе Института мирового хозяйства и мировой политики. Небывалый наплыв публики—свыше тысячи посетителей в течение четырех вечеров наполняли зал— свидетельствует о том живейшем интересе, какой проявляют к этому вопросу широкие круги партийного актива. Этот исключительный интерес и побудил нас издать доклады и прения по ним без изменений и сокращений, хотя прения, естественно, содержат ряд повторений, много лишнего, а подчас и неверного.

В результате дискуссии стало совершенно очевидным то внутреннее, отнюдь не диалектическое противоречие, которое коренится в самом понятии «организованного капитализма»; благодаря этому противоречию теория «организованного капитализма» не может объяснить нам капитализма сегодняшнего дня, становится тем самым неверной, политически вредной и в конечном итоге льет воду на мельницу социал-предателей, а через них — буржуазии. Фактически теория «организованного» капитализма» служит идеологическим мостиком от реформизма к социал-фашизму. В результате дискуссии стало также совершенно очевидным, что т. Бухарин стал приверженцем теории «организованного капитализма» вследствие недостаточного уяснения и усвоения диалектического метода.

Но дискуссия отнюдь не исчерпала проблемы «организованного капитализма». Прения шли исключительно в области теории: конкретные формы конкуренции в эпоху монополистического капитализма, возникновение монополий из конкуренции и конкуренции из режима монополий, — все это рассматривалось недостаточно конкретно, недостаточно исчерпывающе. Кроме того, в процессе дискуссии некоторые усердные полемисты, оспаривая взгляды т. Бухарина

по поводу теории «организованного капитализма», часто забывали о том, что империализм есть все-таки монополистический капитализм, смазывали различие между классическим капитализмом эпохи свободной конкуренции и монополистическим капитализмом, и тем самым отклонялись от учения Ленина об империализме. В моем заключительном слове я уже указал на ошибочность подобной позиции. Издавая стенограмму прений полностью, Институт мирового хозяйства и мировой политики отнюдь не солидаризируется со всем, что было высказано в дискуссии; напротив, каждый из ораторов, принимавших участие в прениях, отвечает сам за себя.

Е. ВАРГА.

ДОКЛАДЫ

Е. ВАРГА

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ „ОРГАНИЗОВАННОГО КАПИТАЛИЗМА“

Теория «организованного капитализма» служила за последнее время предметом обсуждения широких партийных кругов. Мы считали целесообразным осветить эту проблему в нашем Институте, тем более, что теория эта имеет большое политическое значение, являясь основой всего миросозерцания современного реформизма. Теория якобы начавшегося уже мирного врастания капитализма в социализм. теория о том, что современное государство не является классовым государством буржуазии. и. наконец, теория сверхимпериализма—имеют в своей основе теорию организованного капитализма.

Актуальное политическое значение эта проблема приобрела в связи с выступлением т. Бухарина. Хотя уже давно известно было, что в объяснении империалистической фазы развития капитализма т. Бухарин отклонился от взглядов Ленина, но политическое значение это теоретическое отклонение приобрело лишь в последнее время, когда выяснилось. что оно является одним из существенных элементов всей системы правого уклона т. Бухарина. Тем более необходимо заняться углубленным анализом этой проблемы.

Разрешите мне охарактеризовать в самых кратких чертах наиболее важные проблемы, возникающие в связи с теорией «организованного капитализма».

Каково содержание понятия «организованный капитализм»?

Необходимо раньше всего подчеркнуть, что само понятие «организованный капитализм» не является марксистским понятием. Содержание этого понятия, взятое в законченной форме, заключает в себе внутреннее противоречие. Ведь на самом деле, под капитализмом мы понимаем товаропроизводящее хозяйство, механизм которого регулируется законом стоимости, обусловленным, в свою очередь наличием рынка. В эпоху же «организованного капитализма» в его завершенном виде должен существовать один мировой генеральный картель, должен быть один предприниматель, один собственник всех средств производства. В таком обществе нет ни рынка, ни распределения, ни товаров, ни закона стоимости.

ни конкуренции, ни анархии производства, ни необходимости производить накопление, т. е. нет существеннейших атрибутов капиталистического строя.

Посмотрим, как сторонники «организованного капитализма» определяют это понятие.

Гильфердинг в своем докладе на Кильском партейтаге дает следующее определение:

«Эпоха свободной конкуренции, когда капитализм был во власти законов слепых сил, осталась позади, и мы теперь имеем капиталистическую организацию хозяйства; иначе говоря, хозяйство, построенное на свободной игре сил, превратилось в хозяйство организованное...

«Организованный капитализм» означает... принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планового производства...»

Что же в этом определении правильно и что неправильно?

Правильно то, что «эра свободной конкуренции» миновала,—этот факт является одним из основных элементов ленинского определения империализма.

«Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще: монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции; но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастало и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков» [1].

И в связи с этим Ленин дает известное краткое определение.

Империализм есть монополистическая стадия капитализма.

Однако констатирование того обстоятельства, что «эра свободной конкуренции миновала», является единственно правильным и соответствующим действительности моментом в гильфердинговском определении организованного капитализма. Его положение о том, что образование монополий будто бы вообще устраняет конкуренцию, или что капиталистическое хозяйство в эпоху монополий управляется «социалистическим принципом планового производства» (выражение Гильфердинга), представляется абсолютно неправильным. Несмотря на образование монополий, конкуренция продолжает существовать: о «плановом хозяйстве» не может быть и речи.

Мы попытаемся возможно более ясно представить различные виды конкуренции, существующие при монополистическом капитализме.

Мы должны при этом различать два вида конкуренции: конкуренцию между остающимися существовать при монополистическом капитализме немонополистическими элементами и монополиями, с одной стороны, и конкуренцию между монополистическими организациями — с другой.

---

[1]) Ленин. Империализм как новейший этап капитализма, изд. 3-е, Гиз. с. 71

а) К первому виду конкуренции относится конкуренция всех мелких товаропроизводителей или. согласно марксовой терминологии, «независимых товаропроизводителей» города и деревни между собой.

б) Ко второй группе этого же вида конкуренции относится конкуренция аутсайдеров с монополиями. Абсолютные монополии, охватывающие 100% производства, до сих пор составляют только очень редкое исключение.

Но даже в том случае, если мы предположим, что образование монополий в пределах государственных границ полностью завершилось, то этим самым конкуренция еще не устраняется.

Существуют следующие главнейшие формы конкуренции внутри монополий и между ними:

а) В тех случаях, когда образование монополий еще не достигло степени полного слияния, т. е. уничтожения самостоятельности отдельных предприятий в деле распределения прибыли, происходит постоянная борьба внутри картеля: борьба за производственные квоты, за расширение производственной способности предприятия, независимо от возможностей сбыта, с целью увеличения квоты и усиления конкурентоспособности на случай ликвидации картеля. Так как вследствие противоречий интересов буржуазии различных стран в международном масштабе почти никогда не достигается полное слияние предприятий, об'единяемых международным картелем, то такая форма конкуренции внутри международных горизонтальных монополий имеет огромное значение.

б) В тех же случаях, когда образование монополий уже достигло степени полнейшего слияния, эта внутренняя конкуренция отпадает, как мы это иногда видим при национальных монопольных объединениях. Это, однако, ни в коем случае не обозначает прекращения конкуренции вообще. Возникают новые формы конкуренции:

1. Одна и та же потребительская потребность может быть удовлетворяема с помощью различных товаров. Так, например, топить можно углем, нефтью, дровами, торфом; строить можно из стали, кирпича, цемента или дерева; путешествовать можно по железной дороге, на автомобиле, аэроплане и т. д. Поэтому существование полной монополии в отношении определенного рода товаров еще ни в коем случае не означает возможности произвольно устанавливать цены; оно не означает устранения конкуренции, ибо даже при полной монополии в каждой отдельной отрасли продолжает существовать конкуренция между производителями различных товаров, могущих служить одной и той же потребительской цели.

2. Так как при капиталистическом строе покупательная способность широких масс отстает от производительной способности общества, то и в том случае, когда производство и сбыт всех видов товаров сосредоточены в руках монополии, все же продолжает существовать конкуренция, имеющая целью завоевание на рынке большей доли в пользу данного вида товара. Мы наблюдаем эту «борьбу за потребителя» в ее наивысшей стадии в Соед. Штатах, где образование монополий сделало наибольшие успехи. Американские автомобильные фабрики заявляют, что каждый американец должен иметь свой автомобиль, в то время как строительная промышленность старается направить потребление в сторону

улучшения жилищ: производители плодов и фруктов агитируют за увеличение потребления таковых и т. д. Разумеется, все они воздействуют на потребителя не только с помощью одной рекламы, но и путем снижения цен. Это означает, что конкуренция продолжается, несмотря на существование монополий.

3. Если создание новых предприятий, конкурирующих с существующими монополиями, и затруднено благодаря об'единению банковского и промышленного капитала в финансовый капитал, — ибо во многих отраслях собрать без помощи банков капитал, необходимый для создания нового конкурентоспособного предприятия, чрезвычайно трудно, — то все же мы видим, что монополистические организации сами создают конкурирующие предприятия в принадлежащих другим монополиям областях; таковы, например, производство жидкого угля—азота германской тяжелой промышленностью или вторжение I. G. в область металлургии и т. д.[1]. Лишь всеобщий международный трест, как его представляют себе сторонники теории «организованного капитализма», т. е. слияние в одно целое всех капиталистических предприятий всякого рода, могло бы совершенно устранить конкуренцию. Однако, если логически развить эту нереальную перспективу, то, во-первых, хотя это и было бы построенное на эксплоатации классовое общество, но это было бы уже не капиталистическое общество, поскольку вместо товарного обращения мы имели бы планомерное распределение рабочей силы и товаров; во-вторых, в таком обществе были бы настолько обострены классовые противоречия, что оно в процессе своего развития должно было бы привести капиталистическое общество к гибели, как это подчеркивал Ленин в противовес Бухарину.

4. Даже в том случае, если предположить, что внутри отдельных стран конкуренция сведена, благодаря образованию монополий, к указанным выше формам, то на мировом рынке еще продолжает существовать конкуренция в старом смысле слова, т. е. конкуренция в форме понижения цен национальными монополиями. Международные монополии пока все еще являются исключениями. Общеизвестно, что преобладающее влияние, которое национальные монополистические организации отдельных стран имеют на их экономическую политику, дают этим организациям возможность получения внутри страны сверхприбылей, часть которых они жертвуют для завоевания большей доли сбыта на мировом рынке: они продают на мировом рынке по ценам ниже производственных цен, часто даже ниже издержек производства, для того чтобы полнее использовать свои производственные возможности и не допустить возникновения лишних товарных масс, оказывающих давление на внутренний рынок.

Здесь мы наталкиваемся на своеобразное противоречие. Если бы на мировом рынке выступали друг против друга национальные монополии равной силы, из которых каждая опиралась бы на находящийся во власти монополий и за-

[1] Другой интересный пример: Акц. о-во Маннесмановских трубопрокатных заводов построило собственный сталелитейный завод для производства стали высшего качества, которую она раньше покупала у Круппа. Теперь Крупп угрожает построить трубопрокатный завод, чтобы иметь возможность сбывать свою сталь. Такой образ действий может привести к распаду Трубопрокатного картеля, а при известных обстоятельствах — к ликвидации всего Стального картеля.

щищенный таможенными тарифами внутренний рынок, то выгоды, получающиеся от образования монополий, были бы, благодаря взаимному демпингу, сведены на-нет, и цены повсюду неминуемо упали бы до уровня цены производства.

Итак, мы видим, что, несмотря на высокую ступень образования монополий, достигнутую современным капитализмом, об устранении конкуренции не может быть и речи. Даже если бы монополии овладели целиком всеми видами производства, то между ними происходила бы конкурентная борьба за то, чтобы определенная потребность удовлетворялась с помощью именно их товаров, а не путем замены их другими товарами, производимыми другой монополией, за то, чтобы при выборе способов возможного расходования своего дохода потребитель останавливался на закупке их товаров.

Итак, мы видим, как это — в отличие от Бухарина — правильно подчеркивал Ленин, что монополии ни в коем случае не уничтожают конкуренции. Он говорит в «Империализме» следующее[1]:

«И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов».

Образование монополий и плановое хозяйство

Социал-демократы полагают, что с развитием элементов организованного капитализма связано преодоление анархии производства, «замена капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планового производства»: так как при монополии производство сосредоточено в одних руках, то имеется-де возможность привести производство в соответствие с потребностями. Если бы даже существовала такая возможность, это ни в коем случае не означало бы планового хозяйства, а лишь одностороннее приспособление производства к анархическому спросу, между тем как плановое хозяйство предполагает полное соответствие между производством и потреблением.

Это означает, что и при так называемом «организованном капитализме», т. е. капитализме, находящемся под властью монополий, кризисов избегнуть нельзя. Это определенно подчеркнул Ленин: «Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов... Напротив, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом»[2]. Характер кризисов мог бы несколько измениться постольку, поскольку существование монополий и непосредственная связь между производителями и потребителями, в конечном итоге создающаяся в результате далеко идущего вытеснения торгового капитала, дали бы возможность не накоплять в сфере обращения лишних запасов производимых монополиями товаров, т. е. быстрее

---

[1] Гиз, изд. 3-е, с. 71.

приводить производство в соответствие со спросом. Это устранило бы также необходимость ликвидации произведенных сверх общественной потребности товарных запасов с помощью резкого снижения цен, сводящего общую сумму цен товаров к общественно-необходимой рыночной стоимости, как это имело место при кризисах классического капитализма, а следовательно, уменьшило бы число банкротств. Однако это ни в коем случае не означало бы, что мы имеем дело с плановым хозяйством и что возможность кризисов исключается. Если мы под кризисом понимаем вызываемую трудностями сбыта необходимость значительного сокращения производства, что, разумеется, связано с массовым увольнением рабочих, то ясно, что об «организованном капитализме» в смысле устранения монополиями кризисов не может быть и речи. Стоит лишь взглянуть на кривую производства всей американской промышленности или отдельных, целиком монополизированных отраслей промышленности в послевоенный период, и сразу станет ясно, что нельзя говорить о планомерном ходе производства, об устранении кризисов. Я приведу пример: продукция стали в почти целиком монополизированной железоделательной и сталелитейной промышленности Соед. Штатов составляет (в млн. тонн):

1920	42,8	1925	46,1
1921	20,1	1926	49,0
1922	36,2	1927	45,0
1923	45,7	1928	50,0
1924	38,5	1929	55,0

Мы видим, что ни о какой плановости здесь не может быть и речи. Недаром Ленин говорил о «росте хаотичности» в процессе образования монополий [1].

Другой пример — цены на медь в 1929 г., несмотря на существование Интернационального картеля, подверглись значительным колебаниям (до 50%). Очевидно, что такие колебания цен уничтожили бы всякую плановость в производстве медных изделий.

Но даже и наиболее далеко идущее развитие монополий, охватывающее все капиталистическое хозяйство, не привело бы к плановому и свободному от кризисов хозяйству. Такой охват хозяйства монополиями мог бы — в соединении с широко развернутой постановкой статистики — устранить диспропорцию между отдельными отраслями производства, но он ни в коем случае не уничтожил бы противоречия между ограниченной потребительной способностью и производственными возможностями общества при антагонистических отношениях распределения. Приведем цитату из Маркса, в которой он наиболее ярко формулирует свой взгляд на причины кризисов:

«Условия непосредственной эксплоатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной способностью общества, вторые — пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной спо-

---

[1] «Империализм», с. 18.

собностью общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной способностью и не абсолютной потребительной способностью, а потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самых методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели»[1].

Ясно, что и при существовании монополий «последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и ограниченность потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества»[2]. Наоборот, исполинские монополии, держащие в своем подчинении государственный аппарат, являются для буржуазии скорее средством для того, чтобы уменьшить долю рабочих в произведенном продукте, увеличить норму эксплоатации, но тем самым и обострить действие «конечной причины всех истинных кризисов».

«Организованный капитализм» и государственный капитализм

С понятием «организованного капитализма» тесно связано понятие государственного капитализма. Экономическое значение государства все более и более возрастает. Основой такого развития является присущее капитализму стремление к обобществлению производства. Ленин говорит об этом в своем «Империализме следующее (с. 14):

«Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц».

Сущность государственного капитализма заключается в стремлении как-нибудь преодолеть противоречия между обобществляющимся производством и частным присвоением при одновременной защите общих интересов буржуазии как класса, или ее наиболее влиятельных слоев, от посягательств отдельных капиталистов (монополий), преследующих лишь одну цель — получение возможно более высокой прибыли.

Чем резче выступают основные противоречия капитализма, чем меньше внутренний механизм капитализма оказывается в состоянии периодически пре-

---

[1] «Капитал», т. III, ч. 1, с. 225, Гиз, М.
[2] Там же, с. 21.

одолевать эти противоречия, тем все более исчезают политика и идеология так называемого ««laissez faire» и государство решительно выступает на сцену в роли регулятора хозяйства (Наряду с государством аналогичные функции выполняют области, города, общины, чем и об'ясняется немецкий термин «Gemeinwirtschaft» — общее хозяйство). Вот почему регулирующая деятельность государства проявилась сильнее всего в период так называемого «военного социализма» в Германии.

Регулирующаяся деятельность государства изменяется вместе с изменением характера господствующей с помощью государственного аппарата буржуазии. В течение долгого времени, пока еще удельный вес неорганизованной буржуазии был больше, чем вес вновь возникающих монополий, государство пыталось задержать процесс образования монополий изданием законов, направленных против картелей. В настоящее время государство фактически управляется монополиями: государство ведет свою внешнюю экономическую политику (таможенные тарифы, торговые договоры, колониальная политика, войны) под диктовку монополий. Если интересы монополистических организаций сталкиваются, то побеждает более сильная сторона (Общеизвестно, что франко-германский договор мог быть заключен лишь после того, как германские и французские железные и стальные картели пришли к соглашению; что германско-японский торговый договор связан с заключением частного договора между I. G. и японским правительством, и т. д.). Государство, которое играет большую роль также в качестве собственника организованных на капиталистических началах предприятий, само вступает с этими предприятиями в соответствующие картели (Германский калиевый картель, Англо-Персидская нефтяная компания и т. д.).

Во внутренней политике государству часто приходится выступать на защиту интересов буржуазии как класса в целом против стремлений к увеличению прибылей со стороны отдельных капиталистов. Отсюда — двойственное отношение буржуазии к государственному капитализму. Так, Я. Гольшмидт, являющийся в настоящее время идейным руководителем германского финансового капитала, пишет в отчете Darmstädter Bank'a:

«Государство как высшая авторитетная инстанция не должно было покидать своего об'ективного поста, с высоты которого ему приходится наблюдать за всем ходом событий. Между тем оно все более стало вмешиваться в этот естественный процесс развития и становится определяющим фактором нашей хозяйственной жизни. Оно фиксирует высоту квартирной платы, руководит жилищным строительством, диктует цены на железо, уголь, калий, руководит крупнейшими предприятиями, во все возрастающей степени принимает участие в банковском и кредитном деле, взимает налоги не только с дохода, но и с самого имущества, а также определяет диктаторски размер заработной платы и продолжительность рабочего дня».

Мы видим, что между «организованным капитализмом» и государственным капитализмом существует тесная связь: государственный капитализм является, наряду с монополиями, весьма существенным элементом «организованного капитализма».

«Организованный капитализм», социальное государство и хозяйственная демократия

С понятием «организованного капитализма» тесно связаны понятия «социального государства» и «хозяйственной демократии». Реформисты, как известно, утверждают, что современное государство представляет собою не орудие буржуазной диктатуры, а социальное государство. При этом они ссылаются прежде всего на мероприятия буржуазного государства в области социального обеспечения. Так, известный немецкий социал-демократ Лебе пишет следующее [1]:

«Государство — разумеется, всегда только в определенных границах — заботится о беременной матери и новорожденном ребенке; оно не только понуждает подрастающее поколение к посещению школ, но и контролирует их здоровье, поощряет их физические упражнения и их игры. Оно берет на себя часть их профессиональной подготовки не только к роли будущих чиновников и ученых, но и ремесленников, крестьян и рабочих. Оно регулирует страхование больных, инвалидов, пострадавших от несчастных случаев, стариков; оно в некоторых пределах обеспечивает безработных. Оно вмешивается в конфликты о зарплате, посредничает между сторонами, понуждает их к возвращению на работу или к открытию фабрик. Оно берет на себя заботы о миллионах пострадавших во время войны с возмещением убытков беглецам и изгнанникам. От колыбели до гробовой доски государство вмешивается как в дела частных лиц, так и целых групп населения в небывалой прежде степени».

Реформисты обманывают массы, изображая деятельность государства в области социального обеспечения, как заботу «надклассового» государства о трудящихся массах. В действительности вся социальная политика государства служит интересам буржуазии:

а) При помощи социальной политики буржуазное государство пытается воспрепятствовать той безграничной эксплоатации рабочего класса отдельными капиталистами, которая могла бы повести к преждевременному изнашиванию рабочих, к вырождению и вымиранию рабочего класса, этого необходимого фундамента для процесса воспроизводства капитала в целом (сюда относится: запрещение детского труда, ночного труда для женщин, ограничение рабочего времени и т. д.).

б) С помощью пособий (для безработных, больных и т. д.) оно пытается ослабить возмущение выброшенных на улицу порабощенных и эксплоатируемых масс против капиталистического общественного строя. В этом смысле социальная политика помогает сохранению классового господства буржуазии. Об этом определенно говорит один из идеологов германской буржуазии Бонн в своей книге о рационализации:

«В итоге рационализации должен получиться некоторый лишний доход, который следовало бы предназначить для поддержки безработных, ибо в совре-

---

[1] Цитировано по статье тов. Лапинского «Социальное государство» (журн. «Большевик», № 13—14, 1928 г.).

менном народном хозяйстве нельзя миллионы безработных просто-на-просто игнорировать. Современные организованные массы не умирают с голоду молча. Необходимо с помощью социальных мероприятий либо предупреждать социальные катастрофы, либо ставить им преграду».

Вовсе не случайно, что в тех странах, и в те периоды, где и когда буржуазии еще удавалось из своих сверхприбылей подкупать достаточно широкие круги рабочей аристократии для укрепления своего классового господства, не было страхования от безработицы и т. д., как этого нет в Соед. Штатах и по сей день.

в) То, что преподносится в виде социальной политики, в известной части (например, обязательное арбитражное разбирательство конфликтов) является политикой, прямо враждебной интересам рабочих: государство выступает в роли диктатора на защиту интересов капиталистов, чтобы помешать пролетариату защищать свои требования путем забастовок (это представляет собой элемент фашизации).

г) Наконец, предоставление реформистам хорошо оплачиваемых должностей во всем аппарате социального обеспечения служит делу персонального подкупа реформистских кадров, означает сращивание государственного аппарата с реформистской верхушкой и является одним из существенных способов борьбы с революционным движением.

К области государственного капитализма принадлежит и так называемая «хозяйственная демократия».

«Хозяйственная демократия, — заявил Гильфердинг в Киле, — означает подчинение частных экономических интересов интересам общества».

Между тем, как мы видели, фактически государственный капитализм обозначает подчинение экономических частных интересов отдельного капиталиста общим интересам буржуазии, каковые и выдаются за «общественные интересы». Обман реформистов заключается в высказываемом ими «убеждении», будто государство при капитализме защищает еще какие-то други · общие интересы, помимо интересов буржуазии как класса. Участие государства в управлении монопольными организациями путем назначения национальных советов, составленных из капиталистов, рабочих и потребителей (Отто Бауэр); воздействие на хозяйственную политику путем участия социалистических партий в правительстве; хозяйственная демократия в виде деятельности профсоюзов и фабрично-заводских комитетов; участие рабочих в прибылях капиталистов в форме так называемого «участия в прибылях», рабочих паев и т. д.; вытеснение капитала путем накопления сбережений рабочего класса в кооперативах, производственных предприятиях и т. д.—все это представляется в качестве средств к осуществлению хозяйственной демократии. Само собой разумеется, что, пока существует власть буржуазии, не может быть и речи о влиянии рабочих на хозяйство. Теория «хозяйственной демократии», точно так же, как и теория брандлеровцев о «контроле над производством», служит только тому, чтобы создавать препятствия рабочим в их революционной борьбе.

«Организованный капитализм» и сверхимпериализм

По вопросу о характере современного капитализма, который Ленин называет монополистическим капитализмом, а буржуазные экономисты и социал-демократы — организованным капитализмом, существуют три основных точки зрения: Ленина, Бухарина и реформистов.

Точка зрения Ленина сводится в основном к следующему: Монополии не уничтожают конкуренции; не вносят плановости в хозяйство, не устраняют кризисов. Они обостряют внутренние и внешние противоречия и ведут к гибели буржуазии в связи с войнами или независимо от них, — к гибели, которая должна наступить гораздо раньше, чем развитие в направлении всемирного объединения отдельных национальных финансовых капиталов могло бы достичь своей цели. Монополистический капитализм содержит в себе значительные элементы загнивания и ни в коем случае не является «лучшей» формой капитализма в том смысле, как ее понимают реформистские защитники «организованного» капитализма. Но он является «высшей формой» в том смысле, что в нем созревают все предпосылки для падения капитализма, и вопрос о пролетарской революции ставится в порядок дня.

Положение Бухарина гласит: Монополии уничтожают конкуренцию внутри хозяйственной территории данного государства [1]. Они смягчают экономические противоречия капитализма в пределах территории одной страны, но чрезвычайно обостряют внешние противоречия, борьбу за рынки сбыта и за колонии, неизбежно ведут к новым войнам, превращение которых в войны гражданские приводит к гибели капитализма.

Положение реформистов: В эпоху организованного капитализма конкуренция уничтожается, хозяйство ведется на плановой основе, кризисы исчезают. Организованный капитализм представляет собой новую высшую форму капитализма, сулящую последнему новый продолжительный подъем. Внутренние и внешние противоречия смягчаются. Государство становится социальным государством. На почве развития демократии рабочий класс приобретает все большее влияние на государство через посредство своих политических партий (одних реформистов или в коалиции с буржуазными партиями в правительстве), а также влияние при проведении «хозяйственной демократии» [2]. Международное переплетение капитала (картели, тресты и т. д.) смягчает противоречия между отдельными государствами и создает экономическую базу для сверхимпериализма, надгосударственным органом которого является Лига Наций.

---

[1] «Государственный капитализм в его завершенной форме означает... замирание конкуренции внутри капиталистической страны и величайшее обострение конкуренции между капиталистическими государствами» (Бухарин, «Правда» от 26 мая 1929 г.).

[2] Помещение сережений рабочих в кооперативные т-ва, рабочие банки, профсоюзы является главнейшим средством для этой цели. Недавно, вследствие разоблачений в «Rote Fahne», правление германского реформистского союза химиков вынуждено было сознаться, что оно вложило 3 млн. мар. союзных денег в акции треста.

Уже из изложенных выше наших соображений ясно следует, что точка зрения тов. Бухарина неверна и имеет много общего с теорией реформистов.

Точка зрения тов. Бухарина по вопросу об уменьшении внутренних противоречий капитализма в отдельных странах неверна потому, что, хотя с образованием монополий число отдельных борющихся друг с другом капиталистических предприятий и уменьшается (и, следовательно, мы имеем уменьшение числа конкурирующих хозяйственных единиц), но зато, с другой стороны, обостряется конкуренция между монополистическими предприятиями, реализующими монопольную норму прибыли, и огромной массой неорганизованных капиталистов, прибыли которых под давлением монополий в среднем падают ниже этой нормы, и само существование которых ставится в зависимость от монополий. Дальше. Противоречия между потребительной способностью общества и производственными возможностями рационализированных монополистических предприятий; противоречия между возможностями производства и сбыта, между общественным производством и частным присвоением, — все эти противоречия неизбежно и непрерывно возрастают. Вследствие этого и противоречия между рабочим классом в целом и буржуазией все более обостряются и могут и без внешних войн привести к острореволюционным ситуациям и гибели буржуазии.

Реформисты из теории организованного капитализма выводят теорию сверхимпериализма. Они полагают, что международное переплетение капиталов лишает войны экономической почвы. Опасными для дела мира могут быть только такие государственные образования, которые стоят вне организованного капитализма и которые, как, например, Советский Союз, по мнению Каутского, представляют собой более «низкую ступень развития капитализма» или «плохой капитализм». Поэтому-де в целях обеспечения мира должен был быть создан надгосударственный орган — Лига Наций. Несостоятельность этой теории очевидна. Неравномерность развития опрокидывает всякую попытку надгосударственной организации капитализма. Создать надгосударственную организацию мог бы лишь абсолютно прогнивший капитализм, в котором не было бы ни технического прогресса, ни накопления, т. е. капитализм, застывший в своем экономическом развитии и прозябающий на основе простого воспроизводства. Но до тех пор пока имеется технический прогресс, до тех пор пока с прогрессом техники решающее значение приобретают новые виды сырья и новые промышленные центры (Standort) обгоняют старые, до тех пор экономическое развитие будет происходить неравномерно. Но на неравномерно развивающемся экономическом базисе нельзя построить постоянную международную надгосударственную организацию иначе, как путем насилия, путем подчинения более слабых государств наиболее сильной в настоящий момент империалистической державе, что полностью противоречит теории сверхимпериализма...

Тем самым мы подошли к вопросу о будущем развитии капитализма. Возникает основной вопрос: мыслимо ли, что образование монополий приведет в своем развитии к созданию международного всеобщего треста или нет? Ленин (в своем малоизвестном предисловии к книге Бухарина «Мировое хозяйство и империализм») следующим образом отвечает Бухарину, допускающему такую возможность:

«Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к одному единственному тресту — всемирному, поглощающему все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистического» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность».

Это критическое замечание Ленина по вопросу о возможности единого свободного от конкуренции капитализма внутри одной страны (Бухарин) или в мировом масштабе (социал-демократы) одновременно является критикой всего сверхимпериализма, основанного на реформистской теории организованного капитализма. К этой критике нам ничего не остается прибавить.

Ю. ГОЛЬДШТЕЙН

„ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ“ И БУРЖУАЗНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ

Постановка вопроса

Тема моего доклада—« «Организованный капитализм» и буржуазные экономисты». В связи с большим интересом, который проявляет наша широкая партийная общественность к вопросу об «организованном капитализме», необходимо подробно остановиться также на отношении буржуазных экономистов к этой проблеме. Тов. Бухарин в статье «Теория организованной бесхозяйственности», напечатанной в «Правде» [1], а также в предыдущей своей статье «О некоторых проблемах современного капитализма у буржуазных экономистов» [2], излагает теории буржуазных экономистов, которые служили для него некоторым доказательством, отражением того, какие тенденции в развитии капитализма намечаются в настоящее время. Поэтому разрешите мне заняться анализом того, что действительно говорят буржуазные экономисты о современной фазе развития капитализма. Бытие определяет сознание,— и я ставлю вопрос, каково сознание современных буржуазных экономистов и каково то бытие, которое в их сознании отражается?

Вопрос об «организованном капитализме» тесно связан с вопросом о с у д ь б а х к а п и т а л и з м а. Нельзя говорить о том, какие формы принимает или примет капитализм в ближайшем будущем, не затрагивая основного вопроса, каковы вообще судьбы капитализма; поэтому вся дискуссия в среде буржуазных экономистов, которая имела место в прошлом году, шла по линии вопросов о долговечности капитализма, о дальнейших перспективах развития капитализма в целом. Я вынужден поэтому точку зрения буржуазных экономистов на вопросы «организованного капитализма», вопросы конкуренции и монополии, вопросы плановости или, вернее говоря, возможности плановости в капиталисти-

---

[1] «Правда» от 30/VI-29 г

[2] «Правда» от 26/V-29 г

ческом хозяйстве и вопросы госкапитализма рассматривать в связи с их общей оценкой развития капитализма.

Что послужило причиной того, что буржуазные экономисты поставили этот вопрос? Речь маэстро буржуазной политэкономии Вернера Зомбарта, произнесенная им на съезде Союза социальной политики в Цюрихе, разразилась как гром среди ясного неба. Дело в том, что буржуазные экономисты утверждали в течение почти всего послевоенного времени, и в особенности в течение последних лет, что капитализм залечивает свои раны, нанесенные войной, что мы имеем, как они уверяют, стабилизацию капитализма, поражение рабочего класса, что наступил промышленный расцвет и т. п. Что побудило их вдруг поставить вопрос о том, как дальше будет развиваться капитализм, и даже вопрос о «конце капитализма» — и поставить его именно в Германии, откуда буржуазные экономисты не переставали трубить на весь мир о том, что капитализм вступил в полосу стабилизации всерьез и надолго? В том самом Союзе социальной политики, который был создан в 70-х гг. корифеями буржуазной экономической науки того времени (Шмоллером, Вагнером, Брентано и Конрадом) для борьбы с марксизмом, для влияния на буржуазное государство в смысле выправления его социально-политической линии, в этом Союзе, где буржуазные экономисты предпочитали заниматься конкретными вопросами развития капитализма, много писали и говорили о положении ремесла, о налогах, о самоуправлении, о судоходстве, вдруг в порядок дня была поставлена такая важная проблема! Что заставило представителей буржуазии изменить характер обсуждаемых вопросов и выдвинуть на авансцену такую проблему, как вопрос о будущности капитализма? Я думаю, что эта постановка вопроса имеет некоторую историю и вызвана рядом причин, которые я здесь попытаюсь указать.

Буржуазно-экономическая наука послевоенного времени, в особенности в Германии, пережила в своем развитии три этапа. на первом этапе буржуазные экономисты больше всего занимались вопросами денег и кредита, в связи с инфляцией и тем хаосом в области денежного обращения, который создался в результате войны и наступившего кризиса. Они искали, как один из авторов по этому вопросу выразился, «душу» денег для того, чтобы найти выход из инфляционного состояния. На втором этапе центр внимания буржуазной экономической мысли в Германии и в других странах был направлен, главным образом, на изучение вопросов конъюнктуры. В связи с наступлением стабилизации,—правда, весьма относительной стабилизации, но, с точки зрения буржуазных экономистов, стабилизации длительной,— буржуазные ученые полагали, что они сами должны определить развитие конъюнктуры и установить законы, определяющие эту конъюнктуру, найти объяснение изменениям и колебаниям конъюнктуры и выявить возможность влияния на нее. Наконец,—третий этап, на котором вопросы конъюнктуры были отодвинуты на задний план по сравнению с вопросами о судьбах капитализма в целом. Конечно, еще сегодня во многих странах продолжают и впредь будут продолжать изучать конъюнктуру, но острие внимания уже направлено на другие вопросы. Эти

три этапа в известной мере отображают три периода кризиса капитализма. Если в первый период распада мирохозяйственных связей и подъема революционной волны в целом ряде стран буржуазия искала выхода из положения, и ей казалось, что раньше всего нужно разрешить вопрос валютный, то во второй период, при быстрой смене различных фаз конъюнктуры и относительной стабилизации восстанавливающегося хозяйства, буржуазия стремилась найти ключ к пониманию конъюнктуры. Наконец, в третий период, при росте производительных сил и при одновременном росте всех основных противоречий капиталистического строя, она неизбежно должна была поставить самый основной вопрос — вопрос о судьбах капитализма в целом.

Как буржуазные экономисты объясняют эту перемену и постановку такого большого вопроса? Я не буду утомлять вашего внимания многими цитатами, но все-таки в докладе, где речь идет о буржуазных экономистах, мне придется не только говорить самому, но в известной мере дать слово буржуазным экономистам, чтобы они сами за себя говорили. Карл Диль, профессор Фрейбургского университета, в докладе, который он читал в клубе при Кильском Институте мирового хозяйства, говорит следующее:

> «Интенсивное изучение вопросов конъюнктуры привело нас к убеждению, что здесь речь идет о специальной проблеме теоретической экономии. Но теория конъюнктуры в известном смысле является теорией хозяйства; явления конъюнктуры так тесно переплетены со всей хозяйственной жизнью, что исследование конъюнктуры все больше приводит к выяснению основ капиталистической системы вообще. Слишком смелы надежды некоторых исследователей конъюнктуры, что можно хозяйственными и политическими мероприятиями стабилизировать конъюнктуру и даже перейти к бесконъюнктурному хозяйству» [1].

Среди буржуазных экономистов все чаще встречается мнение, что для того, чтобы уничтожить колебания конъюнктуры, необходимо устранить основы капиталистической хозяйственной системы. Теоретики, стремившиеся дать диагноз о предстоящей конъюнктурной фазе, убедились в том, что они должны дать прогноз о развитии капиталистического хозяйства. Бернгард Гармс поставил своей задачей — от изучения конъюнктурных изменений перейти к изучению структурных изменений [2].

Геркнер, профессор Высшей технической школы в Шарлоттенбурге, председательствовавший на съезде Союза социальной политики в Цюрихе, открывая съезд, указал еще на одно чрезвычайно важное обстоятельство, побудившее буржуазных экономистов поставить эти вопросы. Он обращает внимание на значительные размеры безработицы в различных странах (правда, он их преуменьшает, но все-таки называет цифру в 2 — 3 млн. чел. в Америке и 600 тыс. в Германии) и говорит:

[1] Karl Diehl, Die rechtlichen Grundlagen des Kapitalismus. S. 4.
[2] «Die Strukturwandlungen der deutschen Volkswirtschaft», B. I.

«Перед нами стоит вопрос, может ли существующая хозяйственная система полностью использовать огромные производительные силы рабочего класса для поднятия общего благосостояния, или мы должны искать другую хозяйственную систему?» [1]

Конечно, не только те причины, на которые указывает Геркнер, сыграли свою роль. Быстрая смена фаз конъюнктуры во всех капиталистических странах, на основе неравномерного развития капитализма, заставила буржуазных экономистов задуматься над тем, почему изменилась цикличность капиталистического развития. Усилившаяся борьба за рынки, обострившиеся классовые противоречия, в частности, вопрос о безработице, были причиной того, что пришлось поставить вопрос о живучести капитализма. Но я думаю, что интерес к этому вопросу связан прежде всего с всеобщим кризисом капитализма и с существованием нашего Союза. Как бы буржуазные экономисты ни относились к СССР, многие из них серьезно задумываются над социальной природой советского хозяйства. Когда Германии угрожала пролетарская революция, буржуазные экономисты не решались говорить об этом. Но сейчас имеется достаточно предпосылок для того, чтобы поставить проблему о дальнейшем существовании капиталистического общества.

Вся постановка этого вопроса имеет огромное революционное и пропагандистское значение. К сожалению, в нашей печати недостаточно внимания было уделено всем этим вопросам.

Закат капитализма и «новый хозяйственный строй»

Всех буржуазных экономистов, изложивших свою точку зрения на современное положение капитализма, обыкновенно делят на два лагеря: пессимистов, с одной стороны, и оптимистов — с другой. Я думаю, что такое деление ничего не дает. Я имел возможность ознакомиться с целой гаммой воззрений и течений по вопросу о развитии капитализма, которые правильнее всего было бы уложить между двумя крайними полюсами. На одном полюсе, я считаю, можно было бы поместить такого видного представителя буржуазной экономики, как Бернгард Гармс, который указывает, что мы только находимся в начале развития капитализма, что XIX век, как говорил Гармс на съезде Союза социальной политики в Вене в 1926 г., был только подготовительным периодом для развития капитализма, и только в XX веке начинается настоящее развитие капитализма; а на другом — Вернера Зомбарта, который через два года в том же Союзе социальной политики говорил о наступлении такого периода, в котором капитализм заканчивает свое развитие. Перед нами, таким образом, две крайние оценки — от восходящего капитализма до умирающего капитализма. Конечно, можно было бы указать еще целый ряд оттенков буржуазной мысли, так как некоторые экономисты идут еще дальше Гармса, другие — дальше Зомбарта. Но достаточно в рамках этих двух полюсов дать

---

[1] «Wandlungen des Kapitalismus», «Schriften des Vereins für Sozialpolitik». B. 175. S. 10.

краткий обзор различных мнений буржуазных экономистов о современной фазе развития капитализма.

Гармс в упомянутом докладе в Вене на тему о кризисе мирового хозяйства не нашел ничего другого. как сказать, что во всем мировом хозяйстве произошел ряд структурных изменений. Эти структурные изменения выражаются. например, в том, что один вид сырья заменяется другим: уголь — нефтью, хлопчатая бумага — искусственным шелком и т. д. Произошли также структурные изменения в смысле географического перемещения производственных центров: «Сердце мирового капитализма,— говорит Гармс,— перестало биться в Европе и бьется за океаном» [1],— теория, которую мы давно слышали не только от Гармса. Последний доходит в своем анализе структурных изменений до того, что даже изменению дамских мод (короткие волосы, короткие платья) придает большое значение. Мы можем успокоить Гармса. что если бы моды действительно были причиной структурных изменений мирового хозяйства, то кризис, вызванный ими, давно прошел бы, ибо моды часто меняются. По существу говоря, из доклада Гармса на тему о кризисе мирового хозяйства выходит, что кризиса мирового хозяйства вообще нет. Весь вопрос, по Гармсу, сводится к приспособлению мирового хозяйства к происходящим в настоящее время структурным изменениям. Тем не менее, кроме буржуазных экономистов, выступавшие в прениях против Гармса два социал-демократа, которых следует отнести также к буржуазному лагерю — Эмиль Ледерер, профессор Гейдельбергского университета, и Гильфердинг — оба доказывали, что мы имеем принципиально новую ситуацию. Ледерер указывал, что эра свободной конкуренции прекратилась, и мы идем к «связанному хозяйству». Гильфердинг более определенно уже говорил на этом съезде буржуазных экономистов о наступающей эре организованного хозяйства и — что является наиболее интересным в его докладе — он указал, что «социалисты заинтересованы в расцвете капитализма, потому что они, как наследники, хотят получить богатое наследство» [2]. Гармсу пришлось заявить, что повидимому, на этом закончить дискуссию нельзя и придется в будущем снова поставить эти вопросы. Он перефразировал известное изречение: «Le roi est mort, vive le roi!» таким образом: «Die Debatte ist tot, es lebe die Debatte!».

Эта дискуссия возобновилась через два года в связи с выступлением профессора Кельнского университета Шмаленбаха также в Вене, но на другом съезде, на съезде преподавателей новой дисциплины — учения о хозяйстве предприятия [3].

---

[1] «Schriften des Vereins Sozialpolitik», B. 172, S. 33.

[2] Ibid., S. 51.

[3] Этот предмет, которым еще 20 лет тому назад интересовались очень мало, в настоящее время изучается не только во всех торговых вузах, но и на экономических факультетах университетов, и считается одной из самых модных дисциплин. По существу, это есть учение о частном капиталистическом предприятии в его хозяйственной связи с другими, но я бы не сказал, как говорит т. Бухарин в своей статье, что эта наука сводится только к «органи-

Шмаленбах произнес речь, нашумевшую во всей буржуазной прессе, которую «Vorwarts» назвал «Дворцовая революция в эпоху зрелого капитализма». В чем была эта революция? Я здесь вкратце передам основные моменты шмаленбаховской теории[1].

Шмаленбах изучает, главным образом, вопрос об издержках предприятия. Он различает два вида издержек предприятия: издержки основные и переменные, или, вернее говоря, пропорциональные. К основным издержкам он относит, во-первых, все издержки по руководству предприятием, во-вторых, издержки по организации связи внутри предприятия и, в-третьих, все издержки по оборудованию. Тов. Бухарин ошибочно считает, что это деление соответствует делению на основной и оборотный капитал. Вы могли убедиться, что у Шмаленбаха нет деления на основной и на оборотный капитал, а есть другое, шмаленбаховское, деление. Конечно, в нем можно найти зерно того деления, которое мы привыкли давать о составе капитала. Шмаленбах утверждает, что, с ростом размеров предприятия, с концентрацией предприятий происходит больший рост основных, чем переменных (пропорциональных), издержек, и что, когда предприятие достигает больших размеров, то даже при изменяющейся конъюнктуре оно не в состоянии сократить свои основные издержки, а может только приспособить переменные или пропорциональные издержки к размерам производства. В зависимости от конъюнктуры оно может увеличить или уменьшить производство, увеличить или уменьшить количество вырабатываемых продуктов, т. е. увеличить или уменьшить расходы на сырье и на зарплату, но основные издержки оно сокращать не может. Шмаленбах считает, что это заставляет предпринимателей образовывать картели; в особенности, в горной промышленности, в транспорте, тяжелой индустрии образуются картели. А последние, в свою очередь, ведут к «связанному» или «скованному» хозяйству и, как говорит Шмаленбах, к паразитизму, бюрократизму, неподвижности и бесхозяйственности. Картели убивают капиталистический дух. Во главе картелей стоят не предприниматели, а чиновники. Происходит усиленная борьба за квоты. Отсталые предприятия не закрываются, а растут наравне с другими и т. д. Каждый стремится расширить свое производство, не считаясь с производитель-

———

зационной науке». В названии этого предмета т. Бухарин упустил одно слово и вместо «Betriebwirtschaftslehre» называет его «Betriebslehre». Это не случайно. Среди представителей этой дисциплины существуют разногласия по вопросу о том, следует ли изучать только частные капиталистические предприятия или нужно изучать их в народнохозяйственной связи. Во всяком случае, насколько я знаком с работами Никлиша, Шмаленбаха, Вальба, Шера, Гирша, Кальверама, Геллауэра, Ригера и др., я не нашел такой чистой науки об организации предприятий, о которой говорит т. Бухарин. Они даже претендуют своей новой научной дисциплиной заменить политэкономию. Шмаленбах в настоящее время является одним из самых видных представителей этой новой дисциплины. В своей науке он ближе всего подходит к изучению капиталистического предприятия.

[1] См. «Буржуазные экономисты о закате капитализма», Гиз, стр. 93—150

постью своего предприятия. Конкуренция ведется при помощи бросовых цен. Поэтому в стране, производящей уголь, существуют более высокие цены на уголь, чем в стране, которая его потребляет и не производит. Шмаленбах утверждает, что эра связанного хозяйства означает начало нового периода в развитии капитализма, или, как он говорит, «создается новый хозяйственный строй» Необходимо также упомянуть, что в начале своего доклада Шмаленбах указывал на то, что прогноз Маркса по вопросу о развитии капитализма в полной мере оправдался. В связи с этим вполне понятно, что вся буржуазная печать приняла теорию Шмаленбаха в штыки [1].

Что особенно возмутило буржуазию — явствует из слов Роберта Лифмана, который говорит следующее:

«Нельзя по малейшему поводу говорить о новом хозяйственном строе. В таком случае, широкие массы, которые верят в социализм, могут понять неясные намеки Шмаленбаха, как его согласие с еще менее ясной идеей о социализме и плановом хозяйстве. Эта установка еще более усугубляется тем, что Шмаленбах в своем связанном хозяйстве видит не что иное, как выполнение предсказаний Маркса» [2].

Вот в чем буржуазия усматривает опасность, и поэтому она забила тревогу в связи с выступлением Шмаленбаха. Я так подробно остановился на теории Шмаленбаха и на критике последней потому, что в его выступлении имеется чрезвычайно много интересного. Правильность предсказаний Маркса еще в самом начале развития промышленного капитализма, когда он формулировал свой знаменитый закон о повышении органического состава капитала, правда, в скрытом, замаскированном виде, в настоящее время подтверждается буржуазным экономистом. То, что Ленин говорил о новом этапе развития капитализма как о монополистическом капитализме, сейчас уже признается даже буржуазными экономистами. Но в то же самое время последние не признают закона капиталистического накопления в целом, формулированного Марксом. Если они видят концентрацию и централизацию капитала на одном полюсе, то они не видят

---

[1] «Bergwerkszeitung» три раза обсуждала его доклад. В первый раз в газете указывалось, что издержки меняются не в той пропорции, какую указывает Шмаленбах. Второй раз газета доказывала, что основные издержки не являются причиной образования картелей, а в третий раз подчеркивалось, что если таким путем образуются картели, то это еще не означает, что образуется связанное хозяйство. В «Frankfurter Zeitung» от 5 июня 1928 г указывалось, что, несмотря на все это, свободное хозяйство, особенно в настоящее время, гораздо сильнее, чем тенденция к связанному хозяйству, и нельзя судить об общих тенденциях развития хозяйства по одному железу и углю, как это делает Шмаленбах Я могу привести еще мнение «Hamburger Fremdenblatt» от 8 июня 1928 г., в которой подчеркивалось, что мы действительно вступаем в новую эру неограниченного свободного хозяйства. «Industrie- und Handelszeitung» от 9 июня 1928 г. использовала фамилию Шмаленбаха для игры слов и поместила статью под названием: «Что плавает в узком ручейке?». Эта газета должна была притти к заключению, что если верно то, что говорит Шмаленбах, то мы лучше, закрыв глаза, поплывем по этому узкому ручейку.

[2] «Kölnische Zeitung» от 30 июня 1928 г.

обобществления производства, не видят образования новых сил на другом полюсе. Поэтому весь их анализ бесплоден. Если буржуазные экономисты и говорят о «новом хозяйственном строе», то они не в состоянии сказать, в чем сущность его.

Еще больший интерес представляет выступление Зомбарта. Если Гармс является певцом восходящего капитализма, то выступление Зомбарта является лебединой песнью умирающего капитализма. Зомбарт в большой речи на конгрессе в Цюрихе заявил не больше и не меньше, как то, что дальнейшее развитие капитализма невозможно — ни экстенсивное, ни интенсивное развитие[1]. Почему невозможно экстенсивное развитие капитализма? Зомбарт разъясняет это следующим образом: нас ждет эра «цветного капитализма» (не знаю — черного или желтого, во всяком случае, цветного капитализма); но старый европейский капитализм,— указывает он,— не сможет принять активного и пассивного участия в этом экстенсивном развитии капитализма потому, что европейский капитализм не в состоянии экспортировать капитал. Европа не в состоянии экспортировать капитал, потому что падает производительность труда, а падает она, главным образом, не столько в обрабатывающей промышленности сколько в добывающей, а в особенности в сельском хозяйстве. Последние две отрасли он считает ведущими отраслями хозяйства. Зомбарт в XX веке почему-то в сельском хозяйстве не видит никаких перспектив для развития техники. Пригодная для обработки земля вся поделена. Земля обрабатывается хищническим способом, и никакой технический прогресс в сельском хозяйстве невозможен. Я не стану опровергать этих рассуждений Зомбарта,— всем широко известен тот технический прогресс, который наблюдается в сельском хозяйстве, и дальнейшие перспективы в этом отношении. Зомбарт в своем докладе идет дальше и говорит, что невозможно также и интенсивное развитие капитализма потому что старый европейский капитализм не в состоянии будет принять, как он выражается, даже пассивного участия в развитии цветного капитализма еще и по другим причинам, а именно: мирохозяйственные связи между различными странами не усиливаются, а ослабляются — старая излюбленная теория Зомбарта, что мы идем к национальному хозяйству, а не к мировому хозяйству, несмотря на развитие других стран «цветного капитализма», на индустриализацию этих стран. Если последние и будут вывозить, то только промышленные изделия, но не сельскохозяйственные продукты, а Европе, которая, по мнению Зомбарта, будет аграризироваться, нечем будет платить за необходимый ей импорт из других стран. Я и на этом «доводе» не буду останавливаться и не буду критиковать Зомбарта, потому что темп развития мировой торговли достаточно известен и по этому вопросу в докладе не нужно приводить соответствующих цифр[2]. Но Зомбарт этим не ограничивается и говорит, что интенсивное развитие капитализма невозможно еще и потому, что мы имеем не один господствующий способ производства, а, как он выражается, «социальный плюра-

[1] «Wandlungen des Kapitalismus», S. 25—42.

[2] См. в «Ежегоднике мирового хозяйства и мировой политики» на 1929 г., статью «Мировая торговля», изд. Ком. Академии, 1929 г.

лизм», т. е. наряду с капиталистическим способом производства сохраняется ремесло, в жизнеспособность которого Зомбарт верит до настоящего времени; развиваются, кроме того, новые формы хозяйства: смешанные, государственные, кооперативные предприятия и т. д. Все это не дает возможности интенсивно развиваться капитализму. Но самое главное доказательство заката капитализма Зомбарт видит в том, что дух предприимчивости изживается, изживается дух спекуляции, калькуляции, любовь к риску ослабевает, или, как он говорит в другом месте, «смелость», «напористость» капитализма исчезают. Даже Соед. Штаты, по мнению Зомбарта, превращаются в государство-рантье. Капиталисты как уверяет Зомбарт, превращаются в чиновников и даже рабочие получают зарплату в виде жалованья, так как они обеспечиваются социальным страхованием и пенсией на случай старости. Это изменение внутренней структуры всего духа капитализма заставляет Зомбарта утверждать, что мы идем к концу капитализма. Действие рыночного механизма, влияние спроса и предложения, по мнению Зомбарта, в корне изменилось. Оно ведет к тому, что хозяйственный период, в который мы вступили, является наиболее поздней эпохой господствующего зрелого капитализма и началом новой хозяйственной системы. Чем характеризуется эта новая система — неизвестно. Одновременно с этим докладом Зомбарт в «Neue Freie Presse» высказался по этому вопросу еще более определенно:

> «Господство капитализма приближается к концу, новая хозяйственная система прокладывает себе путь. Капитализм, это замечательное создание человеческого духа, это великое чудо в истории человечества, чудо которого мы никогда не понимали, лишь восторгаясь колоссальной и блестящей его техникой, вступил в возраст сорокалетнего человека, когда он находится в полном расцвете сил и способностей, но все же не может скрыть своей грузности и становится спокойнее и умереннее» [1].

Выступление Зомбарта на самом конгрессе вызвало целый ряд возражений со стороны буржуазных экономистов. Разрешите мне из каждого выступления привести только основные моменты, его «изюминки»:

Эккерт был назначен Союзом социальной политики в качестве содокладчика. Его точку зрения пресса назвала оптимистической, между тем как его оптимизм выражается в следующем: во-первых, Эккерт утверждает, что техника делает и будет делать огромные успехи; во-вторых, жажда прибыли, которой больше не находит Зомбарт, по мнению Эккерта, полностью сохранилась; в-третьих, свободной конкуренции, по его мнению, вообще никогда не существовало, и нечего беспокоиться, если она сейчас исчезает; в-четвертых, государство всегда вмешивалось в хозяйственную жизнь предприятий; и, в-пятых, связывающие организации — монополии — существовали и раньше и т. д.

Другой буржуазный экономист, редактор «Frankfurter Zeitung», Артур Файлер, полемизируя с Зомбартом, рассуждает следующим образом: Можно,— говорит он, — спорить о том, представляет ли современная фаза развития позд-

[1] «Буржуазные экономисты о закате капитализма», с. 29.

ный капитализм или умирающий, дряхлеющий капитализм; для меня важно одно, — что это есть капитализм вообще. Во-вторых, — говорит он, — ваш «социальный плюрализм» (Зомбарта) включает кооперативные предприятия: скажите, пожалуйста, какая разница между мыловаренным заводом, принадлежащим кооперативной организации или коммерческому советнику? Я ее не вижу. В-третьих, — говорит он, — жизнеспособность капитализма подтверждается его значительным влиянием на прессу, на печать, на театр и кино и т. д.[1]. В вопросе о влиянии капиталистов на прессу Файлер является весьма компетентным, и с ним спорить об этом не приходится.

Буржуазный экономист Зайцев, который сейчас в Цюрихе занимает профессорскую кафедру, выступил с рядом замечаний по докладу Зомбарта. Зайцев высказал тот взгляд, что вопрос не в том, уменьшается или увеличивается прибыль, а в том, что стремление к власти осталось, что является основным стимулом капиталистического развития. Он называет такие крупные концерны, как Рояль-Дэтч, Стандарт-Ойл, и говорит, что для них сотни тысяч марок не играют роли, но важно, что они сохраняют власть[2]. И в этом отношении он действительно прав.

Я считаю необходимым остановиться здесь еще на некоторых выступлениях. Более зрелые буржуазные экономисты, как Шульце-Геверниц и Альфред Вебер, видят дальше, чем Зайцевы и Файлеры. Шульце-Геверниц считает, что существуют три пути развития. 1) или мы идем по пути загнивания, о котором говорил Зомбарт. 2) или мы идем по пути мировой революции, 3) или третий путь состоит в том, что, если мы хотим избегнуть мировой революции, мы должны через религию и мораль преобразовать человечество. Шульце-Геверниц опасается, что мы идем к мировой революции, которая ему представляется в виде всеобщего хаоса, и приходит к заключению, что если противоречия интересов империалистических держав в дальнейшем обострятся, то произойдет буквально следующее: «Новая война означала бы самоубийство Европы, и Европа превратилась бы в представляющий лишь археологический интерес полуостров Азии»[3]. Мы имеем перед собою рост милитаризма во всем мире и стоим перед опасностью мировой революции; европейская революция — это буря в стакане воды, речь идет о мировой революции. Он намечает единственный выход: мораль и религия, по его мнению, должны спасти человечество от революции и хаоса.

Альфред Вебер указывает, что мы имеем в мировом хозяйстве три сектора: докапиталистический, капиталистический и антикапиталистический (имея в виду, конечно, СССР). Таким образом, мы добились признания со стороны Вебера, в то время как другие говорят о хозяйстве СССР, как о возрождающемся капиталистическом хозяйстве. Альфред Вебер ставит вопрос иначе. Он находит, что идет борьба между капиталистическим сектором и антикапиталистическим сектором за влияние на докапиталистический сектор; мы еще несколько лет тому назад, — говорит Вебер, — стояли перед угрозой, что этот антикапита-

[1] «Wandlungen des Kapitalismus», S. 73.
[2] Ibid., S. 73.
[3] Ibid., S. 67

листический сектор будет иметь бо́льшее влияние на докапиталистический сектор, чем капиталистический [1]. Он полагает, что эта опасность уже миновала, и, конечно, ошибается.

Интересно отметить еще два выступления на этом с'езде—выступление промышленников и социал-демократов. Почтенный Зильверберг, генеральный директор Объединения Рейнско-Вестфальской тяжелой индустрии, говорит следующее: «Я всех ваших книг не читал (ему можно поверить), но мне представляется, что особенность нашего времени заключается в том, что у нас развиваются монополии. По вопросу о смешанных предприятиях. в которых принимает участие государство, я могу возразить Зомбарту, что в них нет ничего социалистического. Они являются такими же капиталистическими предприятиями, как и все остальные». В этом вопросе Зильверберг весьма компетентный человек, и ему можно верить. Представитель промышленности заканчивает свою речь в высоком стиле. Зомбарт, по его мнению, рисует развитие капитализма в стиле барокко: Зильверберг считает, что мы вступаем в полосу нового ренессанса.

Выступление Зильверберга произвело на съезд сильное впечатление. Кроме него выступал еще один представитель промышленности, владелец автомобильного завода Гейнс Людвиг, который указывал на то, что автомобили плохо продаются, что это товар сезонный и что в связи с этим приходится приспособляться к конъюнктуре, которую заранее трудно угадать. Он ждет от Союза социальной политики, что последний найдет ключ к пониманию конъюнктуры. Единственный выход из этого положения, по его мнению, в образовании картелей и других монополистических организаций.

Я мог бы этим ограничиться, но я хочу сказать еще несколько слов о выступлении социал-демократа Ледерера. Последний высказывал в Цюрихе наиболее оптимистические взгляды. Он говорил, что мы имеем продолжающуюся стабилизацию капитализма и т. д. и т. п. Зомбарт после всей этой дискуссии указал, что, собственно говоря, серьезных возражений он не встретил. Он подчеркнул, что считает свою точку зрения правильной и полагает, что если через 70—80 лет оправдается столько, сколько оправдалось до настоящего времени из всего того, что предсказывал Карл Маркс 70—80 лет тому назад, то он будет доволен [2]. Современных буржуазных экономистов можно разделить на два лагеря: одни считают самым характерным и важным для капитализма свободную конкуренцию, другие — монополии. В связи с изменением форм и характера конкуренции первые считают, что капитализм идет к концу; вторые, наоборот, видят в этом расцвет капитализма. К первой группе относятся: Шульце-Геверниц, Альфред Вебер, Густав Кассель и Вернер Зомбарт, которые являются выразителями интересов промышленного капитала в период его расцвета, период «бури и натиска». В них еще живы традиции манчестерской либеральной школы, и они не представляют себе капитализма иначе, как на основе свободной конкуренции. Другие, более молодые, буржуазные экономисты: Адольф Вебер, Бернгард Гармс, Шмаленбах, Файлер, Зайцев и др.— являются защитниками монополистического

[1] «Wandlungen des Kapitalismus», S. 89.
[2] Ibid, S. 134.

капитализма. Они признают и новые формы монополистического капитализма, лишь бы это был капитализм [1].

После выступления Зомбарта и всей той критики, которую вызвал его доклад на конгрессе, происходили еще большие арьергардные бои. Было пущено в ход одно из самых тяжелых орудий современной буржуазной экономической мысли, профессор Адольф Вебер из Мюнхена. Адольф Вебер написал специальную книгу под названием «Конец капитализма» [2], в которой он указывает следующее: во-первых, не может быть и речи о том, что прогноз Маркса оправдался, так как в сельском хозяйстве еще господствуют мелкое и среднее производства; ремесло также не исчезло. Единственная концентрация, по мнению Вебера, в полном смысле этого слова, осуществляется в эмиссионных банках и то только благодаря тому, что в законодательном порядке банки получили функции центрального органа. Машины, говорит Вебер, не вытесняют рабочих, и в виде доказательств он приводит тот факт, что в 1924 году в Германии были заняты даже иностранные рабочие (как будто это что-нибудь доказывает). Второе доказательство Вебера—это то, что большевистский эксперимент не удался. Он говорит: если большевики еще держатся, то только на костылях прежнего капиталистического строя, на той церковной утвари, которую они конфисковали (!), и на костылях настоящего капитализма — на иностранных кредитах (это, действительно, только костыль!). Вебер, конечно, приводит в качестве доказательств: очереди, жилищную нужду и даже якобы существующую в СССР учетную ставку в размере ежемесячных 5—6% (для частного рынка)

Разрешите еще указать, что Вебер, на которого т. Бухарин ссылается как на одного из свидетелей, которые показывают, что конкуренция исчезает или становится «регулируемой конкуренцией», на самом деле говорил о том, что конкуренция сохраняется в полной мере, что при монополии она меняет лишь свою форму, но остается «режиссером за кулисами» и что ни о какой плановости не может быть и речи. По Веберу, остается одно: надо служить («dienen») тя

---

[1] Во время этой дискуссии повторялось многое из того, что было сказано еще 25 лет назад на съездах того же Союза социальной политики в Гамбурге и в Мангейме, когда обсуждался вопрос о картелях. Тогда выступал Шмоллер и говорил, что мы идем к централизованному руководству, к росту предпринимательских организаций, к полной или частичной монополии их, к общественной и государственной организации национального труда и, возможно, даже, как умозаключал Шмоллер, к «социалистическому хозяйству». Ему возражали, что нет оснований беспокоиться, что капитализм может и будет развиваться и при развитии монополий. В таком духе выступали тогда те самые экономисты, которые сегодня говорят об умирающем капитализме, но тогда они были моложе и верили в развитие капитализма. Это были: Вернер Зомбарт, Альфред Вебер, Макс Вебер и др. Любителям «старины и роскоши» мы рекомендуем ознакомиться с дискуссией, которая имела место 35 лет назад в том же Союзе социальной политики по вопросу об отношении к картелям, которые тогда только впервые начали создаваться; в ней принимали участие Бюхер и Штидо.

[2] Adolf Weber, Ende des Kapitalismus, Max Hueber Verlag, München 1929.

того, чтобы зарабатывать («verdienen»). Это — излюбленный девиз новейшей буржуазной экономической мысли.

Из остальных выступлений я упомяну только выступление Карла Диля. Диль находит, что сущность капитализма заключается в его правовых основах; поскольку сохранились правовые основы, нельзя говорить о конце капитализма. Диль также полагает, что образование картелей не ослабляет капиталистического духа, духа предприимчивости, а, наоборот, его усиливает [1].

Не приходится доказывать всю никчемность и вздорность положений Адольфа Вебера и Карла Диля. Мы приводим мнение этих «почтенных» представителей буржуазной науки только для того, чтобы показать, что в состоянии была выдвинуть буржуазная экономическая мысль, стремясь ослабить впечатление, которое было произведено выступлениями Шмаленбаха и Зомбарта. Одно несомненно: вопрос о недолговечности капитализма стоит в порядке дня. Наиболее дальновидные представители буржуазной науки вынуждены признать тот процесс загнивания, который гигантскими шагами развивается в современный период развития капитализма, в связи и в результате развития монополистических организаций.

Конкуренция и монополии

Вопросы конкуренции в эпоху монополий, характер конкурентной борьбы и ценообразования при современной фазе развития капитализма оживленно обсуждаются буржуазными экономистами, в особенности после выступления Шмаленбаха и Зомбарта. Я уже говорил о том, что Зомбарт считает, что «рыночный механизм» в период «позднего капитализма» в корне изменился и не играет больше роли основного регулятора. Шмаленбах, давая определение «скованного хозяйства», придает также большое значение изменению характера конкуренции. Тов. Бухарин в подтверждение своего положения о «замирании конкуренции внутри капиталистической страны...» [2], приводит выдержки из работ четырех германских буржуазных экономистов: фон-Беккерата, Леница, Эккерта и Адольфа Вебера. Разрешите и мне остановиться на этих выдержках и со своей стороны для «равновесия» привести также цитаты из работ не менее видных буржуазных экономистов: Лифмана, Диля, Грунцеля и того самого Бенте, на которого в своей второй статье ссылается т. Бухарин. Здесь я должен заранее оговориться, что, если я толкованию т. Бухарина противопоставляю мнение буржуазных экономистов, то это не значит, что я в какой-либо мере солидаризируюсь с точкой зрения приводимых мною авторов. Я в данном случае пользуюсь лишь тем же методом, к которому прибегает т. Бухарин при обсуждении стоящей перед нами проблемы.

Адольф Вебер в своей уже цитированной мною работе «Конец капитализма» утверждает, что конкуренция является вообще основным принципом

---

[1] Karl Diehl, Die rechtlichen Grundlagen des Kapitalismus, Verlag Gustav Fischer, Jena 1929.

[2] Н. Бухарин, Теория «организованной бесхозяйственности», «Правда», 30/VI 29 г.

существующей капиталистической хозяйственной системы, что «конкурентные цены, в качестве регулятора народного хозяйства, не могут быть ничем заменены, что могло бы хотя бы в отдаленной степени служить тем же целям» (28). Как могло случиться, что этот автор, который, как мы уже видели, является апологетом буржуазного строя вообще и конкуренции в самой обнаженной форме, говорит о «регулируемой конкуренции»? Тов. Бухарин цитирует Адольфа Вебера следующим образом:

«Картели — это организации, которые превращают разрушительную и поэтому нецелесообразную конкуренцию в конкуренцию регулируемую» [1].

Но тут с т. Бухариным случилась маленькая неприятность: он цитировал всех четырех экономистов не по подлинникам, а двух из них (Вебера и Эккерта) по статье А. Брауиталя, напечатанной в социал-демократическом журнале «Die Gesellschaft» [2], и остальных двух (фон-Беккерата и Леншха) по статье Вольферса в буржуазном журнале «Archiv für Sozialwissenschaft», о чем т. Бухарин и пишет в примечании к той же статье в «Правде». Но беда в том, что соц.-дем. Брауиталь не цитирует приводимых авторов полностью, и т. Бухарин в данном случае падает жертвой социал-демократии, ибо вслед за вышеприведенной цитатой Адольф Вебер пишет буквально следующее:

«Это не отрицание, а подтверждение конкурентного хозяйства. Конкуренция является по существу определяющим принципом существующей хозяйственной системы» [3].

Поэтому вполне понятно, что тот же автор, Адольф Вебер, приходит к совершенно иному заключению, чем цитировавший его т. Бухарин:

«Во всяком случае не может быть и речи об исключении конкуренции при картелях. Даже монополии существуют не вне, а внутри хозяйства конкуренции» [4].

Мы скажем от себя, что этот буржуазный экономист во всяком случае не может быть причислен к сторонникам «регулируемой конкуренции», как это делает т. Бухарин.

Христиан Эккерт, с выступлением которого мы уже успели познакомиться при рассмотрении доклада Зомбарта и прений, имевших место по этому докладу в Цюрихе, также убежден в расцвете капитализма, как и его коллега Адольф Вебер. Тов. Бухарин приводит следующую цитату из работы Эккерта:

«Распыленная конкуренция отдельных предприятий заменяется регулирующей конкуренцией организованных предприятий («улучшение капиталистического хозяйственного положения»)» [5].

---

[1] «Правда» от 26/V-29 г.
[2] «Die Gesellschaft» № 5, VI Jahrgang, S. 398.
[3] Adolf Weber, Ende des Kapitalismus, S. 41.
[4] Ibid., S. 42.
[5] «Правда» от 26/V-29 г.

Но дело в том, что, наряду с приведенным мнением Эккерта, последний сказал и кое-что другое, что существенно меняет весь смысл приведенной т. Бухариным цитаты (опять соц.-дем. подвели), а именно:

«Если, путем улучшения организации. место распыленной конкуренции занимает регулируемая конкуренция, то это не что иное, как ценное усовершенствование структуры хозяйства. Этим осуществляется тот принцип рационализации, который начинает господствовать над хозяйством неурегулированной конкуренции. И я не могу усмотреть в этом необходимости угасания существующего и нарождения нового *хозяйственного строя*»[1].

В этом свете нельзя и Эккерта причислять к сторонникам угасающей конкуренции. Тов. Бухарин обвиняет буржуазных экономистов в трусости (в чем, действительно, им нельзя отказать), указывая на то, что они не решаются продумать вопрос до конца и не видят предела централизационной тенденции, каковым т. Бухарин считает госкапитализм. Но вопрос конкуренции т. Бухарин еще меньше продумал до конца. Об этом говорят две другие цитаты, приводимые т. Бухариным, с которыми ему повезло не более, чем с первыми (тут уже виноват не только буржуазный экономист Вольферс, по статье которого т. Бухарин цитирует фон-Беккерата и Лениха). Фон-Беккерат представлен в таком виде:

«Происходит замена свободной конкуренции, борьбы индивидуумов борьбой и обменом у больших групп»[2].

Но если читать фон-Беккерата в подлиннике, то на странице, которая следует за вышецитированной, фон-Беккерат говорит следующее:

«Наоборот. здесь существует тенденция... последствия конъюнктурных колебаний переложить на другие, менее организованные хозяйственные группы»[3].

Мы в данном случае вполне разделяем вышеприведенное соображение автора. В действительности монополистические организации всегда используют изменения конъюнктуры,— как повышение, так и понижение ее,— чтобы всю тяжесть ее переложить на плечи аутсайдеров или менее организованных групп предпринимателей. Но во всяком случае о таком авторе, который, в отличие от т. Бухарина, подметил эту правильную тенденцию, нельзя сказать. что он видит только борьбу больших организованных групп.

Из работы Лениха т. Бухарин приводит только термин: «организованная конкуренция (соревнование)». Эти два слова. действительно. можно найти в большой работе цитируемого автора: «Картели и государство»[4]. Экономистом Лених никогда не был и не претендовал на это звание. а является только юристом. Но в той же статье, на которую ссылается т. Бухарин, Вольферс аттестует Лениха следующим образом:

---

[1] «Wandlung des Kapitalismus», S. 68.

[2] «Правда» от 26/V-29 г.

[3] H. v. Beckerath, Reparationsagent und deutsche Wirtschaftspolitik, Verlag Kurt Schweder, Bonn 1928, S. 56.

[4] Dr Oswald Lehnich, Kartelle und Staat, Verlag von Reimar Hobbing, Berlin 1928.

> «Опровержение этой вульгарной экономической мысли в экономическом научном журнале является излишним. К сожалению, конгресс немецких юристов при обсуждении такого серьезного вопроса как законодательство о картелях, имел перед собой в заключении Лениха такую теорию, несостоятельность которой в научной политической экономии уже свыше 100 лет не вызывает сомнений» [1].

Эту характеристику т. Бухарин имел перед собой, когда он использовал приведенную цитату. С ней можно было не согласиться, но т. Бухарин должен был с большей осторожностью отнестись к Лениху, и во всяком случае не преподносить его мнение, как последнее теоретическое слово буржуазного экономиста об «организованной конкуренции».

При всем этом мы, конечно, учитываем, что буржуазные экономисты вообще заинтересованы в том, чтобы скрыть монопольный характер защищаемых ими монополистических организаций; они заинтересованы также в том, чтобы переоценивать значение конкуренции, ибо такая оценка дает им возможность отстаивать интересы монополистического капитала против мелкого потребителя и не выявлять истинного назначения монопольных цен — получение сверхприбыли. Но вместо переоценки конкуренции, которую мы у них встречаем, найти у буржуазных экономистов отмирание конкуренции — довольно трудно. Если уже речь идет о «свидетельских показаниях», то заслушаем и других представителей буржуазной науки:

Роберт Лифман, один из наиболее видных буржуазных исследователей вопроса о картелях, пишет:

> «Монополия на базисе свободной конкуренции, монополия наиболее дешевого предложения, при которой конкуренция, т. е. конкурентная борьба, всегда остается в основе; конкуренция должна всегда действовать латентно, чтобы всегда вести к конкурентной борьбе, которая мешает использовать монопольное положение. Монополия и конкуренция в этом смысле, т. е. возможность конкурентной борьбы, должны в известной мере сосуществовать в подвижном равновесии» [2].

Не менее определенно о соотношении конкуренции и монополии выражается другой буржуазный экономист — Карл Диль:

> «Постановлениями картеля свободная конкуренция и основной принцип капиталистического хозяйства — стремление к прибыли — ни в коем случае не устраняются, но капиталистическая форма хозяйства этим только усиливается. Если в картелях фиксируются минимальные цены и размеры производства ограничиваются, то все-таки «очищающая воздух конкуренция» остается, несмотря на ее ограничение» [3].

---

[1] «Archiv für Sozialwissenschaft». B. 60, Heft II. S. 389.
[2] Цит. по Adolf Weber, Ende des Kapitalismus S. 43.
[3] Karl Diehl. Die rechtlichen Grundlagen des Kapitalismus. S. 61

Диль, конечно, глубоко неправ в том, что монополии усиливают капиталистическую систему хозяйства. Он не видит всех тех элементов загнивания, которые неизбежно возникают в результате роста монополистических объединений и о которых так красочно говорят Зомбарт и Шмаленбах. Диль все-таки считает, что конкуренция и даже свободная конкуренция, несмотря на ограничение последней, продолжает существовать и в период монополистического капитализма:

Небезызвестный представитель австрийской школы Иосиф Грунцель считает, что через концентрацию «никогда не будет уничтожена конкуренция» [1]. Такого чудодейственного влияния концентрации на конкуренцию хотя бы «внутри страны», как говорит т. Бухарин, не предвидел ни Маркс, ни Ленин.

Наконец, Бенте, которого т. Бухарин особо выделяет среди современных буржуазных экономистов, приравнивает «конкуренцию стоимостей к холодному купанью, которое ведет к постоянному омолаживанию». Здесь Бенте не различает ни внутреннего, ни внешнего рынка. Он говорит о конкуренции как о присущей всей хозяйственной системе в целом. Тем не менее, т. Бухарин выводит Бенте в ином свете:

«Главное зло-де в том, что жало конкуренции с ростом монополий исчезает и исчезает стимул хозяйственной деятельности капиталиста, грозит хозяйственная летаргия. Но как же можно в таком случае пробудиться от этой летаргии? В одном месте Бенте говорит, что конкуренция все же остается между отраслями производства. А вертикальная концентрация, а комбинаты? И где действительно остается главным образом конкуренция? Мы об этом уже говорили выше: она разыгрывается с особой силой на мировом рынке» [2].

В той же статье т. Бухарин, действительно, говорил о том, что «проблема рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации» [3]. Если они заменяются, то надо полагать, что «внутри страны» эти проблемы теряют свое значение. Как тогда понимать вышеприведенные слова, что конкуренция действует «главным образом», т. е. «с особой силой», на мировом рынке? Это значит, что в известной степени (в какой?) и в меньшей мере, чем на мировом рынке, конкуренция продолжает действовать «внутри страны». Но в таком случае здесь проблема конкуренции остается?

Вертикальные концерны и комбинаты, по т. Бухарину, уничтожают конкуренцию между отдельными отраслями производства. Но т. Варга сегодня здесь указывал на то, что если организация комбинатов и вертикальных объединений уничтожает конкуренцию тех предприятий, которые таким путем объединились, то возникает конкуренция между комбинатами и вертикальными объединениями. Если Манесман идет от производства труб к производству стали, то Крупп идет в обратном направлении — от производства стали к производству труб; концерны могут объединить производство одних изделий и конкурировать в производстве других.

---

[1] Joseph Grunzel, Die wirtschaftliche Konzentration, S. 62.

[2] «Правда» от 30/VI-29 г.

[3] Там же.

Другие буржуазные экономисты даже открывают **новые формы конкуренции** и стараются выявить те причины, в силу которых конкуренция продолжает существовать и при развитии монополий. Недавно появилась специальная работа **Георга Гальма** по вопросу о конкуренции. Гальм находит, что и при монополистической тенденции в капиталистическом хозяйстве существует семь видов конкуренции, а именно[1]:

1. Конкуренция из-за спроса (борьба за потребителя).
2. Конкуренция субститутов (Ersatzprodukte) с монопольными товарами.
3. Конкуренция с outsider'ами.
4. Конкуренция со стороны высвобождения средств производства при ограничении производства (высвобождение основного капитала, проблема загрузки предприятий).
5. Конкуренция среди картелированных предприятий даже со стороны новых предприятий, лучше оборудованных в техническом отношении.
6. Латентная конкуренция внутри монополий.
7. В некоторых случаях издержки конкуренции ниже издержек, необходимых для приобретения предприятий при создании монопольных организаций, и поэтому предпочтительнее.

Гальм, несмотря на обилие перечисленных им видов конкуренции, упустил еще три существенных вида конкуренции, а именно:

8. Конкуренция между монополиями.
9. Конкуренция между вертикальными концернами или комбинатами.
10. Конкуренция между разными (даже монополизированными) отраслями народного хозяйства — между промышленностью, торговлей, транспортом и банками из-за участия в прибавочной стоимости, если они не объединены в одних руках.

Во всех этих случаях идет речь о конкуренции на внутреннем рынке, которой не видит т. Бухарин. Сохраняющаяся конкуренция в монополистическом капитализме находит интересное теоретическое объяснение в работе Эриха Кареля, специально написанной на эту тему: «Существование рыночного механизма в современном хозяйстве»[2]. Автор в начале своей статьи ставит следующие вопросы: Как происходит ценообразование при наличии монопольных организаций? Могут ли картели во время заседаний правления устанавливать цены? Существуют ли какие-нибудь пределы при фиксации цен? Что такое, наконец, «регулируемая конкуренция»? Карель отвечает:

«Регулируемая конкуренция — это contradictio in adjecto». Для того, чтобы была регулируемая конкуренция, должны быть какие-то нормы, при помощи которых регулируется рыночная стихия. Но кто устанавливает эти нормы? Определяются ли они картелями или они являются результатом действия сил

---

[1] Ergänzungsband, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 4 Aufl., S. 690.

[2] **Erich Carell**. Das Bestehen des Marktmechanismus in der gegenwärtigen Wirtschaft. Jahrbücher der Nationalökonomie; B. 76, August 1929, S. 193.

лежащих вне монополистических объединений? Такой силой Карель считает конкуренцию капиталов. Влияние этого фактора он объясняет следующим образом:

«В сфере производства конкуренция может быть выключена. Но на рынке капиталов (в широком смысле этого понятия) конкуренция остается. Здесь конкурируют владельцы капиталов между собою, как партия, предлагающая капиталы, конкурируют предприниматели между собою из-за предлагаемого капитала, как партия, предъявляющая спрос на капиталы».

«Конкуренция капиталов» — это есть тот «режиссер за кулисами» (о котором говорил Адольф Вебер), который направляет конкуренцию в период монополистического капитализма. Поэтому вполне понятно, что Карель заканчивает свою статью признанием:

«Таким образом, фиксирование цен картелями является выявлением настоящей конкуренции. Поэтому мы в современном хозяйстве имеем дело с настоящей конкуренцией».

«О конце хозяйства конкуренции не может быть и речи»,— говорил также Эрих Карель.

Если уже говорить о буржуазных экономистах и об их отношении к конкуренции и монополиям, то необходимо считаться и с такими голосами, тем более, когда они вскрывают действие таких сил, как конкуренция капиталов, которую трудно игнорировать. Борьба капиталов остается и при монополиях. Предложение и спрос капиталов не могут устранить конкуренции; монополистические объединения (тресты, концерны, комбинаты) часто переходят из рук одной группы капиталистов в руки другой. Разве это не борьба за монополии? И эта борьба ведется вследствие конкуренции капиталов. Мы считаем весьма ценным такое признание в устах буржуазного экономиста.

Какие же выводы мы можем сделать из этого небольшого обзора воззрений буржуазных экономистов на конкуренцию в эпоху монополий? Большинство буржуазных экономистов признает действие конкуренции при наличии монополии. Те немногие, которые ограничивают ее влияние, продолжают, тем не менее, считать конкуренцию основным действующим принципом в капиталистической системе хозяйства и главным фактором ценообразования. Тов. Бухарин стоит на противоположной точке зрения и разделяет другую крайность: существуют монополии и замирает конкуренция на внутреннем рынке.

Ленин говорит, что «монополия, вырастая из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над ней, рядом с ней, порождая этим ряд острых и крупных противоречий, трений, конфликтов» [1].

Бенге и Бухарин

Теория «организованной бесхозяйственности» Германа Бенге занимает особое место в ходе доказательств т. Бухарина о современных тенденциях развития

[1] «Империализм как новейший этап капитализма», изд. 3-е. Гиз, с. 71.

в направлении государственного и «организованного» капитализма. Тов. Бухарин знакомит советского читателя на страницах «Правды» с работой Бенте, как с одним из самых значительных явлений теоретической буржуазной мысли последнего времени [1]. Что на самом деле представляет собою труд Бенте и какова его теория?

Тов Бухарин начинает характеристику Бенте следующими словами:

«Автор в «предисловии» к своей работе прямо говорит о переходе к организованному капитализму, как о характернейшей черте современности».

Между тем Бенте в упомянутом предисловии пишет о том, что характернейшей чертой эпохи «организованного капитализма» является бесхозяйственность, при чем необходимо отметить любопытную деталь: в то время, как Бенте говорит об «организованном капитализме» в кавычках [2], т. Бухарин, излагая его взгляды, считает нужным опустить кавычки.

В самом объекте исследования Бенте и Бухарина существует большое различие. Бенте строит свою теорию на том, что в основе всякой организации лежит «смысл». Подобно тому, как воля, по Бенте, управляет силой и материей, смысл управляет организациями и образованиями. «Организация—это есть осмысленный, т. е. целевой или идейный, порядок (отдельных) членов или частей — образование (Gebilde)» [3]. Все существующие организации Бенте делит на два вида: организации, имеющие ценность (Wertorganisationen), и организации, не имеющие ценности (Unwertorganisationen) [4]. К первым он относит частные капиталистические хозяйственные предприятия, ко вторым — государственные, публичные учреждения. Последние составляют объект изучения Бенте. Они-то и по существу составляют «организованную бесхозяйственность». В них Бенте и находит подмечаемые им формы и методы бесхозяйственности: эгализация благ и заданий (предписание, приказ), эгализация людей, особые методы управления (чиновничьи), бюрократизм, преобладание формы над содержанием и т. д. Работа Бенте представляет собой большой интерес с точки зрения борьбы с бюрократизмом, но необходимо учитывать всю разницу в

[1] Бенте—сотрудник Кильского Института мирового хозяйства (а не профессор, каким его изображают на страницах «Большевика») Бернгард Гармс мне указал, что в прошлом году в Киле был Шпан (это—самый реакционный представитель буржуазной экономической науки, теоретик Гитлера) и обратил свое внимание на Бенте, как на наиболее близкого ему по своим воззрениям «Того, что Бенте за один год сделает такую карьеру — от Шпана до Бухарина — никто не ожидал», — сказал Гармс

[2] В первой статье т Бухарин еще цитировал «организованный капитализм» Бенте в кавычках, во второй статье т Бухарин почему-то решил опустить их, хотя в книге Бенте за это время ничего не изменилось.

[3] Hermann Bente, Organisierte Unwirtschaftlichkeit. Verlag von Gustav Fischer Jena 1929. S 12

[4] «Ценность» Бенте ничего общего не имеет с марксистским понятием ценности. Он включает в нее всякую хозяйственную деятельность, имеющую определенную целевую установку (zielbezogene Ordnung), в организации которой достигается «совершенство».

условиях нашей борьбы с советским бюрократизмом и борьбы с бюрократизмом в капиталистических странах.

Но что делает т. Бухарин с теорией «организованной бесхозяйственности» Бенте? Он распространяет ее на всю современную фазу капитализма, в то время как Бенте говорит о современном государственном аппарате. Известные черты «организованной бесхозяйственности» Бенте находит и в монополистических организациях, но центр тяжести его исследования — в государственных, публичных управленческих органах, в то время как т. Бухарин передвигает его в сторону хозяйственных капиталистических предприятий, чтобы этим оправдать свою теорию организованного хозяйства. Тов. Бухарин цитирует Бенте:

«Область наивысшего процветания организованной бесхозяйственности — это общественно-управляемые предприятия, культурные учреждения и т. д., где обычно эффективность не измеряется в цене» [1].

Здесь опять-таки т. Бухарин допускает две ошибки, которые извращают весь смысл приведенной цитаты [2]. Вместо «по существу (das eigentliche Gebiet) т. Бухарин переводит «наивысшая» (как будто есть еще другая область организованной бесхозяйственности), а «публичные управления» (öffentliche Verwaltungen) т. Бухарин переводит «общественно-управляемые предприятия» (что это за предприятия?), и в итоге получается, как будто речь идет о хозяйственных организациях, а не о государственном управлении.

Своим исследованием Бенте ставит себе и практическую задачу: он связывает свою работу с предстоящей реформой управления. Тов. Бухарин эту теорию также практически использует для совершенно иных целей, чтобы доказать наличие организующих начал на современном этапе развития капитализма (хотя бы в «бесхозяйственности», лишь бы она была «организованной»).

Основная установка Бенте—та, что бесхозяйственность даже в организованных формах ведет, как он выражается, к летаргии, к окаменению и к смерти. Тов. Бухарин из всего этого контекста берет лишь одно: «организованность». Этим самым он выхолащивает самое ценное, что имеется в работе Бенте — усиливающееся загнивание монополистического капитализма.

Какой выход из этого состояния капитализма находит Бенте? Он считает что вместо индивидуалистического принципа главную роль должен играть хозяйственно-целостный принцип (и здесь тов. Бухарин заменяет «Gesamtwirtschaft» совершенно другим понятием «Gemeinwirtschaft»; вместо «хозяйственно-целостный» т. Бухарин переводит «общественно-хозяйственный принцип») [3]. В чем сущность этого хозяйственно-целостного принципа? По Бенте, каждый должен руководиться в своей работе деловыми соображениями. Каждый предприниматель

---

[1] Н. Бухарин. Теория «организованной бесхозяйственности», «Правда» от 30/VI-29 г.

[2] Hermann Bente, Organisierte Unwirtschaftlichkeit, S. 51.

[3] Ibid., S. 114. Н. Бухарин, Теория «организованной бесхозяйственности», «Правда» от 30/VI-29 г. В одном месте Бенте даже специально оговаривается, что «целостное хозяйство» не есть коллективное» или «общественное хозяйство» (С. 116).

должен стремиться производить свои изделия наиболее выгодным образом. Надо придерживаться трехчленной формулы Форда: низкие издержки производства — высокая заработная плата—наивысшая прибыль. Рабочий должен также стремиться улучшить качество своей работы, так как он заинтересован в успешности дел и развитии завода, на котором он работает, ибо от этого зависит уровень его заработной платы. Что это такое, как не восхваление фордизма в чистейшем виде? Таким образом, гора родила мышь.

Книга Бенте безусловно представляет большой интерес и является еще одним звеном в той цепи буржуазной литературы и воззрений, которые характерны для эпохи заката капитализма. Вскрывая бесхозяйственность, Бенте безусловно свидетельствует о том, что буржуазия и представители буржуазной науки отдают себе отчет в происходящем процессе загнивания монополистического капитализма. Вместо того, чтобы взять то положительное, что имеется в работе Бенте, т. Бухарин приписывает ему взгляды, которых Бенте никогда не высказывал.

В некоторых вопросах т. Бухарин идет даже гораздо дальше Бенте. В упомянутой статье т. Бухарина мы читаем:

«Т е п е р ь явления загнивания, которые есть налицо и которые отмечает сам Бенте, парализуются международной конкуренцией».

В последней т. Бухарин видит т о р м о з, задерживающий разложение капитализма, предел, ограничивающий его. Бенте ограничений не знает. Он говорит о разложении, несмотря на существование конкуренции, не подразделяя ее на внешнюю и внутреннюю. Тов. Бухарин считает, что Бенте вообще ставит вопросы «чисто-организационно» (Бухарин), а мы полагаем, что он ставит их с ч и с т о - к л а с с о в о й б у р ж у а з н о й т о ч к и з р е н и я. Мы ни в коем случае не можем обезличить выступления Бенте; по нашему мнению, последний является ярким выразителем буржуазных интересов в эпоху заката капитализма.

Спор идет не из-за Бенте, из-за этого не стоило бы копья ломать. Наш спор с т. Бухариным идет по вопросу об отношении к «организованному капитализму» и госкапитализму. В этом споре, если уже ссылаться на Бенте, нужно различать воображаемого и действительного Бенте.

Вообще нельзя вопросы так называемого «организованного капитализма» и госкапитализма сваливать в одну кучу, как это делает т. Бухарин. Вопрос о госкапитализме необходимо отделить от вопроса об «организованном капитализме». Вопрос о госкапитализме есть вопрос конкретного развития капитализма, соотношения сил различных групп буржуазии и отношения буржуазии, как класса в целом, к буржуазному государству, которое является орудием его классового господства.

В зависимости от соотношения классовых сил и всей социально-экономической обстановки в каждой стране буржуазия решает вопрос об ее отношении к хозяйственной деятельности государства, т. е. к госкапитализму. Но вряд ли приходится доказывать, что буржуазия предпочитает сама развивать и непосредственно управлять своим хозяйством. Но в моменты обострения классовой борьбы, войны, расшатывания хозяйственного организма, угрожающего ее классовому

господству, она вынуждена итти на усиление вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Так было во время войны и в первые годы после революции в Германии. Но уже сейчас буржуазия меняет свое отношение к этому вопросу.

Недавно состоялся съезд Всегерманского союза промышленников, который принял резкую резолюцию против вмешательства государства и хозяйственной демократии. Съезду предшествовала артиллерийская подготовка в виде издания специального приложения к органу тяжелой промышленности «Bergwerkszeitung»[1], причем были мобилизованы все силы для того, чтобы дискредитировать идею хозяйственной демократии и доказать невозможность ее осуществления. До этого появилась книга Мизеса «Против хозяйственного интервенционизма». Было время, когда германская буржуазия в первые годы после войны готова была итти на некоторые несущественные уступки в этом вопросе, чтобы питать иллюзии о хозяйственной «демократии». Но сейчас положение буржуазии в корне изменилось. Она упрочила свое положение на данной стадии развития капитализма настолько, что может позволить себе сделать «оргвыводы» и сказать: «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти!». Такое отношение буржуазии к хозяйственной демократии в настоящее время необходимо учесть при оценке перспектив развития госкапитализма.

Выводы

Какие выводы мы можем сделать из всего этого обзора буржуазных теорий о современном состоянии капитализма:

I. По этому вопросу нет единого мнения среди буржуазных экономистов:

а) одни считают, что капитализм находится только в начале своего развития (Бернгард Гармс);

б) другие полагают, что в развитии капитализма никаких существенных перемен не произошло (Карл Диль, Адольф Вебер, Эккерт и др.);

в) третьи признают разложение и закат капитализма и не видят выхода из положения и просвета (Зомбарт);

г) четвертые также констатируют загнивание и паразитизм капитализма, предсказывают наступление «нового хозяйственного строя», не определяя, чем характеризуется этот новый строй (Шмаленбах);

д) пятые видят новые формы хозяйства в развитии картелей и считают их основой дальнейшего процветания капитализма (Лифман, Файлер, Зайнев);

е) шестые сознают опасность мировой революции и призывают к принятию мер для ее предотвращения (Шульце-Геверниц, Альфред Вебер);

ж) наконец, очень немногие из буржуазных экономистов решаются говорить о переходной эпохе, не отдавая себе отчета, каковы характерные черты будущего строя (Иосток, Бенте), но во всяком случае они его мыслят на основе капитализма.

II. Во всех этих оценках мы должны различать диагноз и прогноз. Если в д и а г н о з е буржуазных экономистов по вопросу о современной фазе разви-

---

[1] «Bergwerkszeitung» от 20/IX-29 г.

тия капитализма имеется много правильно подмеченных черт, характерных для загнивающего монополистического капитализма (так как одни замечают элементы загнивания, а другие — только элементы монополистического капитализма, не связывая одно с другим), то все они не в состоянии установить причины упадка капитализма и еще меньше хотят или могут наметить пути дальнейшего развития.

III. Вся дискуссия велась под знаком признания тенденций и законов, давно открытых Марксом. Но ни один из буржуазных ученых не решился признать, что те новые черты капитализма, о которых они сейчас говорят, уже давно выявлены Лениным в его «Империализме». К этим чертам монополистического капитализма буржуазные ученые ничего нового не могли прибавить.

IV. Замечая только одну сторону развития капитализма, сторону концентрации и централизации, повышения органического состава капитала, увеличения безработицы, сторону роста монополистических объединений и связанных с ними моментов загнивания и упадка капитализма, никто из буржуазных теоретиков не решился признать, что одновременно с этим в капиталистическом обществе назревают те объективные предпосылки и субъективные силы, которые положат конец капитализму.

V. Не о замирании или уничтожении конкуренции говорят буржуазные экономисты, а об изменении форм конкуренции и даже об усилении конкурентной борьбы. Не о необходимости плановости или об организованности капиталистического хозяйства трактуют представители буржуазной науки, а о развязывании сил капиталистического развития. Вмешательству государства они вообще противопоставляют свободную игру капиталистических сил, но когда капиталистическому господству угрожает опасность, то они, конечно, предпочитают усиление государственной власти, чем расшатывание самого капитализма. Немногие из них, которые говорят о «связанном» или о «скованном» хозяйстве, мыслят его не иначе, как на основе капиталистической системы хозяйства.

VI. Во всех этих признаниях и писаниях буржуазных экономистов имеется очень многое из того, что было предначертано Марксом и Лениным в качестве перспективы грядущего развития капитализма, но мы не находим в них того, что желает видеть т. Бухарин. Его диагноз состояния буржуазных теорий так же неправилен, как и его прогноз развития капитализма. Ни сознание, ни бытие, которые т. Бухарин приписывает буржуазному миру в своих выступлениях об «организованном капитализме», не соответствуют действительности.

М. ИОЕЛЬСОН

ТЕОРИЯ „ОРГАНИЗОВАННОГО КАПИТАЛИЗМА“ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ И ТОВ. БУХАРИНА

Тов. Варга подчеркнул политическое значение обсуждаемой нами проблемы и остановился на основных ее моментах. Моей задачей является более детальное освещение следующих элементов указанной проблемы «организованного капитализма»:

а) Социал-демократическая концепция «организованного капитализма» ее значение во всей теории современной социал-демократии.

б) Концепция т. Бухарина, ее отношение к социал-демократическим теориям.

в) Далее должна быть показана теоретическая несостоятельность концепции «организованного капитализма» и, наконец, разоблачена политическая вредность этой теории для революционных задач рабочего класса.

Социал-демократические теории «организованного капитализма»

Современная теория «организованного капитализма» уходит своими корнями в далекое прошлое. Уже первые буржуазные экономисты, исследовавшие концентрационные процессы, выставляли гипотезу о возможности уничтожения свойственной капитализму анархии производства благодаря нарождающимся картелям и трестам. Так, в 80-х гг. прошлого столетия Клейнвехтер писал:

«Мыслимо слияние картелей и различных предприятий в единое гигантское предприятие. Благодаря этому будет создано регулирование общего производства в зависимости об общего спроса и будут устранены таким путем кризисы перепроизводства и задержки сбыта» [1].

Известно также, что реформистское крыло социал-демократии во главе с Бернштейном задолго до войны утверждало, что дальнейшая концентрация капитала может привести к уничтожению кризисов. Наконец, во время войны эта же реформистская концепция нашла свое выражение в преувеличении значения военного государственного капитализма.

Однако законченную и цельную форму социал-демократическая теория

[1] Kleinwächter, Die Kartelle, 1883, S. 46.

«организованного капитализма» получила лишь к началу второго периода развития послевоенного капитализма, «периода постепенно складывающейся частичной стабилизации капиталистической системы» [1].

Это вполне понятно. Теория «организованного капитализма» непосредственно связана с апологией послевоенного капитализма. «В период острейшего кризиса капиталистической системы» (Резолюция VI конгресса, с. 56), когда даже самые яркие представители буржуазной науки говорили о развале капитализма, социал-демократы не могли, конечно, утверждать, что наступил новый подъем капитализма.

Когда же капитализм начал несколько оправляться после огромных разрушений военного времени, социал-демократы не преминули объявить эти попытки капитализма к восстановлению своего прежнего положения новым этапом в развитии капитализма. С тех пор они не перестают петь дифирамбы организационным способностям буржуазии. Известно, что впервые после войны в наиболее законченной форме развил теорию «организованного капитализма» Гильфердинг, который в статье «Проблемы нашего времени» [2] указал, что новейшие процессы концентрации означают «переход от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному».

Я не буду останавливаться на подробной конкретизации понятия, вкладываемого социал-демократами в термин «организованный капитализм». Об этом говорил уже т. Варга. В основе под «организованным капитализмом» социал-демократы подразумевают уничтожение анархии производства, уничтожение кризисов, создание планового хозяйства.

Но, как мы уже говорили, теория «организованного капитализма» в первую очередь нужна социал-демократам как обоснование того, что капитализм находится в периоде нового подъема, в периоде развития на новом базисе.

По мнению социал-демократов, перед послевоенным капитализмом имеются еще широчайшие перспективы развития, перспективы подъема. Эту мысль формулировал, например, следующим образом бывший русский меньшевик Беништок, который в настоящее время подвизается в качестве авторитета по вопросам мирового хозяйства при германской социал-демократии. Он писал в своем «Введении в мировое хозяйство» [3] следующее:

«Мир находится не в конце, но в середине, а может быть и в начале могущественного процесса индустриализации (конечно, капиталистической. *М.И.*). Прежде всего это относится к таким колоссальным хозяйственным областям, как Россия, Китай и Индия, население которых вместе составляет почти половину человечества».

Именно для того, чтобы обосновать эту возможность дальнейшего развития производительных сил капитализма, и необходимо было выдвинуть теорию, что послевоенный капитализм принципиально отличается от довоенного, что

---

[1] Резолюция VI конгресса Коминтерна, Стенограммы, вып. VI, с. 56.
[2] «Gesellschaft» № 1, 1924.
[3] Берлин 1927 г., с. 161.

это капитализм более высокой формации, капитализм «организованный», капитализм, преодолевший все отрицательные черты, характеризовавшие старый капитализм.

Поэтому теория «организованного капитализма» кладется в основу всех резолюций теоретического характера, принимаемых современной социал-демократией.

Так, в резолюции Брюссельского конгресса II Интернационала, происходившего осенью 1928 г., мы читаем:

«Послевоенное десятилетие характеризуется гигантским развитием могущественных монополистических организаций. Во все возрастающем числе отраслей производства индивидуалистический капитализм свободной конкуренции вытесняется организованным капитализмом» [1].

Таким образом теория «организованного капитализма» непосредственно связана с восхвалением капитализма и служит теоретическим обоснованием того, что капитализм еще имеет перед собой широкие перспективы.

Вместе с тем теория «организованного капитализма» является фундаментом, на котором строятся две другие современные социал-демократические теории: теория мирного врастания в социализм—«хозяйственная демократия» и «теория сверхимпериализма». Остановимся подробнее на каждой из этих теорий:

а) Если, как мы указывали выше, по мнению социал-демократов, капитализм будет еще существовать продолжительное время, то это как будто должно отодвинуть и наступление эры социализма на многие десятилетия. Рисовать такую перспективу перед рабочими массами вряд ли в интересах социал-демократов. Поэтому *теория организованного капитализма нужна современной социал-демократии для того, чтобы обосновать тезис, что современный капитализм принципиально отличается от старого капитализма, что он фактически ведет к мирному врастанию в социализм.*

Таким образом «организованный капитализм» является, с одной стороны, высшей формой капитализма, но, с другой,—как формулировал это Гильфердинг на Кильском конгрессе,—он означает «принципиальную замену капиталистического принципа социалистическим принципом планомерного производства».

Единственным отличием современной фазы капитализма от социализма является, по формулировке того же Гильфердинга, то, что «теперешнее хозяйство, хотя и организованное хозяйство, но организованное иерархически, в антагонистической форме».

И вот, по мнению социал-демократов, возможно мирное превращение этого организованного антагонистического капиталистического хозяйства в гармоническое социалистическое, причем, чем больше будут развиваться производительные силы капитализма, тем легче будет происходить этот процесс врастания. На Венском конгрессе Союза социальной политики в 1926 г. Гильфердинг так формулировал задачи социал-демократии:

---

[1] Протокол III конгресса Социалистического Интернационала, т. II. Брюссель 1928 г., с. 9—20.

«Перед нами стоит проблема, как это уже и без того организованное хозяйство перевести из его иерархической формы в другую, демократическую форму» [1].

В резолюции Кильского конгресса социал-демократов в 1927 г. эта мысль нашла свое конкретное выражение. В резолюции сказано:

«Борьба за постепенное преобразование капиталистически организованного хозяйства в демократическое и социалистическое является, таким образом, непосредственной задачей рабочего движения».

«Хозяйственная демократия» должна явиться таким средством врастания капиталистического хозяйства в социалистическое. Понятие это пока остается довольно неопределенным. Один из творцов этой теории Нафтали формулирует ее следующим образом:

«Хозяйственная демократия есть устранение всякого господства и передача руководящих хозяйственных организаций из органов капиталистических интересов в органы всего общества» [2].

По мнению современных реформистов, вопреки фактам, вопреки бьющей в глаза действительности, теперешнее развитие «организованного капитализма» идет в направлении демократизации хозяйства. В резолюции Гамбургского конгресса германских профсоюзов, происходившего в сентябре 1928 г., мы читаем:

«Современное развитие ясно ведет от единичного капиталистического предприятия к организованному монополистическому капитализму; в ногу со все более ясно видимыми, структурными изменениями капитализма идет демократизация хозяйства. Демократизация хозяйства ведет к социализму [3].

Социал-демократы придают особое значение роли государства в деле преобразования капитализма. Социал-демократы считают, что современное государство все более подчиняет себе капиталистическое хозяйство. Гильфердинг писал еще в 1924 г. («Проблемы нашего времени»):

«Мы имеем организованное хозяйство, которое во все большей и большей степени подвергается сознательному организованному воздействию со стороны общества, со стороны государства».

Государство же, по новейшей концепции социал-демократов, подчиняется интересам широких масс и проводит политику последних. Гильфердинг на Кильском конгрессе говорит об этом следующее:

«Перед нашим поколением стоит задача—с помощью сознательного общественного регулирования—преобразовать это организованное и руководимое капиталистами хозяйство в хозяйство, руководимое демократическим государством. Отсюда следует, что проблема, поставленная нашему поколению, не может быть ничем иным, как социализмом».

---

[1] Конгресс Союза социальной политики в Вене вып. CLXXI, Лейпциг, 1926 г., с. 115.

[2] Нафтали. Хозяйственная демократия, Берлин 1928 г., с. 21.

[3] Протоколы XII конгресса профсоюзов Германии, Гамбург, 1928 г., с. 125

Получается стройная теория: «Послевоенная концентрация привела к организованному капитализму и сращиванию последнего с государством.

Современное государство есть государство демократическое выполняющее волю широких масс трудящихся. Последние могут, таким образом, пользуясь своим влиянием на государство, преобразовать мирным путем современный капитализм в социализм.

Вместе с тем «хозяйственная демократия», по мнению социал-демократов, проявляется в том, что рабочие приобретают все большее влияние на капиталистические предприятия благодаря рабочему законодательству, благодаря вмешательству профсоюзов и, таким образом, осуществляют своего рода совместное участие с предпринимателями в области руководства капиталистическими предприятиями. Происходит врастание в социализм, таким образом, как бы с двух сторон.

Мы остановимся ниже на критике этого положения. Она была отчасти дана т. Варгой. В свое время о теории социального государства писал т. Лапинский в своей статье в «Большевике» (№ 13—14 за 1928 г.). Нужно подчеркнуть, что эта теория, как и вся теория организованного капитализма, не является специфической теорией германской социал-демократии, хотя на долю последней приходится наибольшее число выступлений. В недавно вышедшем капитальном труде Коля, одного из идеологов гильдейского социализма в Англии, в книге, озаглавленной «Следующие 10 лет британской социальной и экономической политики», мы находим аналогичные мысли о новом капитализме, хозяйственной демократии и т. д.

Интересно в заключение привести критику этой концепции, которую дал Каутский в то время, когда он был еще марксистом и издевался над теориями, видящими в росте монополистических организаций постепенное врастание в социализм.

«То, что реформистам кажется мирным врастанием в социализм, есть лишь рост силы обоих противоположных классов, которые стоят друг против друга в непримиримой борьбе. Врастание в социализм есть только иное выражение постоянного обострения классовых противоречий, врастание в эпоху великих и решительных классовых битв, которые мы называем «социальной революцией»» [1].

б) Третьим элементом теории «организованного капитализма»—является теория сверхимпериализма.

Зачатки этой теории мы находим, как известно, уже у Каутского в начале войны, когда он выступил со следующим заявлением:

«Теперешняя империалистическая политика может быть вытеснена новой сверхимпериалистической, которая означает вместо борьбы национальных финансовых капиталов между собой общую эксплоатацию мира интернационально объединенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во

[1] Карл Каутский Путь к власти, Гиз. 1923 г., с. 28—29.

всяком случае мыслима. Осуществима ли она? Для решения этого вопроса нет еще достаточных предпосылок?» [1].

Это было написано в 1915 г. Через несколько лет Каутский выступил уже более определенно. Он писал:

Ни в коем случае не исключена возможность, что теперешняя война кончится тем, что империалисты руководящих великих держав обоих лагерей сговорятся о совместном разделе и эксплоатации мира» [2].

Свое утверждение о возможности наступления мирной эры в развитии империализма Каутский обосновывал в значительной мере «усиливающимся международным переплетением различных групп финансового капитала».

Теперь эта теория получила свою законченную форму. По мнению социал-демократов, не только внутри отдельных стран создалось организованное хозяйство, но это организованное хозяйство перерастает уже национальные границы. Так теперешний председатель американской социалистической партии Хилквит указывал на Брюссельском конгрессе, что «гигантский рост трестов и монополий уничтожает национальные рамки и создает интернациональные рамки и интернациональные экономические силы первостепенной важности» [3].

На этом переплетении международных связей и теперь строится теория мирного империализма. В одной из своих статей, озаглавленной «Реалистический пацифизм», Гильфердинг прямо говорит:

«Ложно утверждение, что капиталистическая конкуренция должна вести к противоречиям между государствами».

Наконец, Каутский недавно выступил со следующим утверждением о наступлении новой эпохи:

«Мы вступили в период международной организации финансового капитала, в период международных картелей и трестов,—и они оказывают влияние на внешнюю политику великих держав. Финансовые капиталисты знают теперь менее дорогие и менее опасные методы для реализации своих стремлений чем война между великими державами» [4].

По мнению социал-демократов этот мировой организованный капитализм может контролировать демократия, для каковой цели возможно приспособить Лигу Наций и ее органы. В результате получается цельная и стройная теория современной социал-демократии, в основе которой лежит теория организованного капитализма. Эта теория может быть формулирована следующим образом:

Послевоенный подъем мирового капитализма происходит на базе небывалого технического прогресса и роста концентрационных процессов. Этот подъем происходит на новом базисе «организованного капитализма». Это организованное капиталистическое хозяйство все больше сращивается с демократическим государством и одновременно с этим все больше усиливается влияние рабочих на управление капиталистическими предприятиями. С помощью «хозяйственной демократии» это «организованное» капиталистическое хозяйство постепенно мир-

[1] «Neue Zeit» от 30 апреля 1915 г. № 5, с. 44.
[2] «Neue Zeit» от 16 февраля 1917 г., № 20, с. 473.
[3] Протоколы заседаний конгресса, т. II, с. 6—27.
[4] Karl Kautsky. Wehrfrage und Sozialdemokratie.

ным путем врастает в социалистическое хозяйство. Организация капитализма ведет к усилению международных связей, что создает условия для превращения мирового капитализма в единое целое. Этот мировой капитализм через Лигу Наций подвергается все большему контролю широкой демократии. Последняя втягивает все мировое капиталистическое хозяйство в мировой социализм.

Это, может быть, несколько упрощенное, но по существу правильное изложение теории мирного врастания в социализм.

Теория т. Бухарина

Прежде чем перейти к критике теории «организованного капитализма» необходимо остановиться на теории т. Бухарина.

Последние теоретические выступления т. Бухарина по вопросам современного капитализма, осужденные X пленумом Коминтерна, фактически вытекают из всей его теоретической концепции о современном империализме. Уже в первых выступлениях т. Бухарина в начале империалистической войны наметились расхождения его взглядов на империализм со взглядами Ленина. Тов. Бухарин рассматривал империалистическую эпоху, как эпоху «чистого» или сплошного империализма, в котором исчезли все характерные черты домонополистической эпохи капитализма. В такой постановке вопроса было явно идеалистическое понимание характера смены одного этапа капитализма другим. Ведь марксизм учит, что «каждый последующий этап народнохозяйственного развития не исключает предыдущего а является одновременно его развитием и преодолением. Следовательно, хотя каждая стадия в развитии товарного хозяйства отличается от предыдущих различием своих конкретных специально производственных отношений, но в то же время сохраняет не только общие, а и конкретные черты, свойственные уже пройденным и превзойденным стадиям. Рядом с новыми типами социальных связей еще долго сохраняются и развиваются типы общественных связей, характерные для предыдущей стадии» [1]. Только в такой постановке возможно понимание империалистической эпохи. Рассматривая уже в то время империализм, как сплошной, т. Бухарин делал ошибки в вопросе о праве наций на самоопределение, о роли империалистического государства и о программе-минимум. В одном из своих писем к т. Коллонтай, касаясь британской Рабочей социалистической партии, Ленин писал следующее:

«Кажись, «Social Labour» выкидывает свою программу-минимум. Вот соблазн и опасность для Бухарина, который на «эфтом самом месте» спотыкался у нас с 1915 г.» [2].

Тогда же начала складываться теория т. Бухарина о замирании конкуренции внутри отдельных стран. В статье «Теория империалистического государства», относящейся также к первым годам войны и предназначенной для сборника «Социал-Демократ», но не принятой редакцией, т. Бухарин писал:

«Отдельный капиталист исчезает, он превращается в «фербанд-капитали-

---

[1] Эта формулировка дана т. Трахтенбергом в его книге «Современный кредит и его организация», изд. Ком. Академии, 1928 г., с. 22.

[2] Письмо от 17 февраля 1917 г., Ленинский сборник II, с. 282.

стен», члена организации, он уже не конкурирует со своими земляками, он ко оперирует с ними, ибо центр тяжести конкурентной борьбы переносится на мировой рынок, а внутри страны конкуренция замирает» [1].

Здесь же мы находим концепцию империалистического государства, которое «обнаруживает тенденцию овладеть всей производственной сферой и всей сферой товарного обращения, и в котором рыночные цены назначаются государством, рабочим же дается паек, необходимый для поддержания рабочей силы и т. д.

В развернутом виде вся эта теория получила свое выражение в 1917 г. во время дискуссии по вопросам программы. Свои взгляды т. Бухарин изложил в московском журнале «Спартак», который начал выходить в мае 1917 г. Уже в первом номере в статье «Война и революционный социализм» т. Бухарин следующим образом формулирует свои взгляды на империалистическую эпоху.

«В нашу эпоху конкуренция между капиталистами значительно изменила свой вид. Для передовых капиталистических стран она всецело перенеслась в область внешней конкуренции, т. е. конкуренции с иностранными капиталистами на мировом рынке» [2].

И в дальнейших статьях т. Бухарин излагает свою концепцию «организованного капитализма». Приведем несколько цитат:

В статье «Государственный капитализм и социалистическая революция» т. Бухарин писал:

«Экономическое достояние каждой страны превращается все более и более в коллективную (общую) собственность немногочисленного класса крупных капиталистов. Прежний раздробленный и неорганизованный капитализм заменяется капитализмом организованным» [3].

И дальше в статье «Крушение капитализма» т. Бухарин указывает:

«Не только почти замерла свободная конкуренция (этот процесс зашел далеко еще до войны, благодаря картелированию и трестизации промышленности, образованию картелированных предприятий и проникновению банковского капитала в промышленность), но образовалась сильная тенденция к урегулированию производства путем его огосударствления» [4].

И наконец т. Бухарин ставит вопрос: «уничтожает ли этот новый тип капиталистических отношений противоречия капиталистического общества, уничтожает ли он прежде всего анархию современного производства?»—и отвечает на него следующим образом:

«Если ограничиваться рамками государственной организации. т. е. рамками капиталистического отечества, то можно ответить на этот вопрос в утвердительном смысле».

Переоценивая уже тогда организационные возможности капитализма. т. Бухарин переоценивал и социально-политические последствия империализма.

---

[1] «Революция права» сборник, изд. Комакадемии, 1925 г., с. 17.
[2] «Спартак» № 1, 20 мая 1917 г.
[3] «Спартак» № 2.
[4] «Спартак» № 10.

На VI съезде партии Бухарин следующим образом характеризует создаваемые империализмом социальные отношения:

«Промежуточный слой и мелкий производитель исчезает. За первый год войны мелкая буржуазия вымерла на 40%. Все средства производства концентрируются в руках капиталистического государства. Нарастает государственный капитализм. последняя мыслимая форма капитализма»[1].

Мы полагаем, что в основе «левых ошибок» т. Бухарина в период Бреста лежало своеобразное понимание империализма, о котором мы говорили выше. Но этот вопрос выходит из рамок нашей темы.

Далее известно, что на VIII съезде партии т. Бухарин полемизировал с Лениным по вопросам программы. предлагая, по выражению Ленина, «вычеркнуть из программы все то, что говорилось о старом капитализме[2].

Отрицая, что монополистический капитализм непосредственно связан со старым капитализмом. т. Бухарин не мог согласиться с Лениным, что:

«Финансовый капитализм есть какая-то надстройка над капиталистическим обществом, что свободная конкуренция является реальной сутью дела, а над ней какая-то финансово-капиталистическая скорлупа»[3].

Поэтому он далее подчеркивает:

«Разве скорлупа или надстройка может быть коренным или основным? Ясно, что это—два понятия, исключающие друг друга»[4].

Наконец, в период перехода к мирному хозяйственному строительству т. Бухарин еще раз изложил свою теорию «организованного» капитализма в своей попытке теоретического обоснования «экономики переходного периода». Мы не входим здесь также в обсуждение этой последней. Но нужно отметить, что его концепция переходного периода в известной мере базировалась также на понимании периода империализма, поэтому и переходный период рисовался т. Бухарину в своеобразном виде. Недаром Ленин указывал:

«Если перед нами был бы целый империализм, который насквозь переделал капитализм. задача была бы во сто тысяч раз легче. Это давало бы такую систему когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно. но этого нет в действительности. Развитие в действительности таково, что приходится поступать совершенно иначе»[5].

Как мы уже указывали. в нашу тему не входит непосредственно критика «Экономики переходного периода», но нужно отметить. что в первых главах этой работы была дана еще раз концепция организованного капитализма. Приведем несколько цитат:

«Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри капиталистических стран. Монополистические союзы предпринимателей, комбиниро-

---

[1] Стенографический отчет VI съезда РСДРП. изд. «Коммунист», 1919 г., с. 92

[2] Ленин, т. XVI, с. 112.

[3] Заключительное слово т. Бухарина. Стенографический отчет VIII съезда РКПб), изд. «Коммунист», 1928 г., с. 93.

[4] Там же.

[5] Ленин, т. XVI, с. 115.

ванные предприятия и проникновение банковского капитала в промышленность создали новый тип производственных отношений, превратив неорганизованную товарно-капиталистическую систему в финансово-капиталистическую «организацию» [1].

И далее:

«Капиталистическое народное хозяйство превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из бессубъективного хозяйства в хозяйствующий субъект... Меновая связь, выражающая общественное разделение труда и разрыв общественно-производственных организаций на самостоятельные капиталистические предприятия, заменяется техническим разделением труда внутри организованного народного хозяйства» [2].

В свете предыдущего изложения становится вполне понятным выступление т. Бухарина. Как и раньше, так и теперь, ошибки в вопросах «организованного капитализма», как это правильно отметил и т. Варга, связаны с другими ошибочными взглядами т. Бухарина. И если раньше они составляли основной базис «архилевых» уклонов, то теперь они являются частью ошибок правого уклона, переоценки стабилизации современного капитализма. Приведем несколько цитат из последних статей в «Правде» т. Бухарина:

«Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организации» [3].

И дальше:

«Поскольку речь идет не о мировом хозяйстве, а о национальных капиталистических организмах, все ярче и отчетливее пробивается тенденция к рационализации хозяйственного процесса... Проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации» [4].

Здесь мы видим, таким образом, буквальное повторение всех старых формулировок.

Мы указывали выше, что на основе своей теории организованного капитализма социал-демократы делают далеко идущие выводы о сверхимпериализме и о радикальном изменении классовой борьбы, которая превращается у социал-демократов в классовое сотрудничество. Как рефлектирует теория Бухарина в отношении указанных проблем? Известно, что в своей теории организованного капитализма т. Бухарин делает следующий вывод относительно характера и форм классовой борьбы:

«Даже проблема всех проблем, так называемый социальный вопрос, проблема соотношения классов и классовой борьбы, является проблемой, в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны **на мировом рынке**» [5].

---

1 Н. Бухарин. Экономика переходного периода, М. 1920 г., с. 10.
2 Там же, с. 11 и 14.
3 «Правда» от 30 VI-29 г.
4 «Правда» от 26 V-29 г.
5 Статья «Теория организованной бесхозяйственности» в «Правде» от 30 VI-29 г. Разрядка т. Бухарина. *М. И.*

Здесь таким образом совершенно обходится вопрос об усилении классовой борьбы вследствие роста противоречий капитализма внутри этих стран. Перегибая палку в вопросе о значении внешних противоречий в современном капитализме, стоя на точке зрения, что эти внешние противоречия заставляют капитализм внутри отдельных стран создавать единое организованное хозяйство, т. Бухарин неправильно оценивает и характер современной классовой борьбы. В своей первой статье в «Правде» т. Бухарин выступает со следующим положением:

«На базе эксплоатации колоний создается известная относительная «общность интересов» между буржуазией и пролетариатом, которая означает величайший т о р м о з революции, огромную консервативную силу» [1].

Здесь совершенно смазывается вопрос о том, что только верхушка рабочего класса подкупается капиталистами за счет колониальных прибылей.

Кроме того, нужно иметь в виду, что, именно после войны в связи с ростом сопротивления колоний и развитием революционного движения в этих странах, как раз наблюдается тенденция к уменьшению колониальных прибылей, т. е к уменьшению возможностей подкупа верхушки рабочего класса.

Тов. Бухарин вопрос ставит совершенно так же, как ставят его английские вожди реформизма, доказывая, что на почве обострившейся борьбы за рынки сбыта имеется общность интересов между английским рабочим классом и английскими капиталистами, а отсюда выводят они необходимость «мира в промышленности». Вышеуказанные два положения т. Бухарина ведут к тому, что рабочий класс обрекается на своего рода фатализм, на откладывание социальной революции до военных столкновений, до новой империалистической войны, ибо, по мнению т. Бухарина, внутренняя организация капитализма создает т о р м о з р е в о л ю ц и и, и развитие классовой борьбы зависит в величайшей степени от внешних столкновений. Между тем Ленин подчеркивал, что:

«Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки, уличной демонстрации или голодного бунта, военного восстания или колониального мятежа, но из-за любого политического кризиса» [2].

Что касается социал-демократической теории сверхимпериализма, то, на первый взгляд, имеется явное различие между концепцией организованного капитализма т. Бухарина—теорией организованного капитализма в одной стране и социал-демократическими теориями организованного капитализма, охватывающего весь мир и не знающего ни внутренних, ни внешних противоречий. Это различие как будто бы усугубляется еще тем, что, по мысли Бухарина, конкурентная борьба за внешние рынки заставляет капиталистов внутри отдельных стран побороть все антагонизмы, создать организованное хозяйство и выступать на мировом рынке как единое целое. Так, в одной из своих последних работ, Бухарин подчеркивает, что на мировом рынке «субъектами конкуренции являются не отдельные предприниматели и не отдельные тресты, а кон

[1] «Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии», «Правда» от 26 V-29 г.
[2] Л е н и н, т. XIX, изд. 2-е, с. 32.

солидированные государственно-капиталистические тресты, т.-е. организованные буржуазией народнохозяйственные тела [1].

Однако, если стать на точку зрения т. Бухарина, то этим чрезвычайно ослабляется возможность критики социал-демократических теорий организованного капитализма в мировом масштабе.

Социал-демократические теории сверхимпериализма выводятся также из предпосылки высокой степени организованности капитализма в каждой отдельной стране. Так, упомянутый уже нами меньшевик Биншток следующим образом излагает условия, способствующие образованию «интернационалистических союзов». Новая структура капитализма сводится, по его мнению «к регулированию производства и цен, к исключению конкуренции между отдельными капиталистами одной и той же страны и выступлению их вовне как единое целое».

Таким образом,—подчеркивает Биншток.—создаются необходимые предпосылки для того, чтобы эти национальные, борющиеся друг с другом капиталистические организации пришли к соглашению об экономической эксплоатации мира» [2].

Отсюда только один шаг к тому, что «конкуренция на мировом рынке будет ограничена, будет происходить распределение рынков сбыта товаров, экспорт капитала будет производиться по взаимному соглашению, другими словами—капиталистическое мировое хозяйство организуется» [3].

Известную неувязку в своей теории чувствовал и сам т. Бухарин, когда он впервые в развернутом виде излагал ее. В одной из упомянутых выше статей, напечатанной в журнале «Спартак» в 1917 г., т. Бухарин, после того как он изложил свою концепцию замирания конкуренции внутри страны, замечает:

«Как это ни странно, но организация внутри страны влечет за собой обострение анархической конкуренции между странами» [4].

В другом месте т. Бухарин сам должен был признать, что наличие государственно-капиталистических трестов создает тенденцию к соглашению между ними. В этом отношении чрезвычайно характерна следующая цитата из «Экономики переходного периода»:

«Нам следует упомянуть, говоря об основных тенденциях к организации капиталистической системы, также о синдикатах государственно-капиталистических трестов, о своеобразных синдикатах «второго порядка», которые своими составными частями имеют государственно-капиталистические тресты. Таковы государственные «коалиции», такова Лига Наций. Предпосылки для этих организаций были созданы финансово-капиталистическими связями, общей суммой взаимного «участия». Здесь тенденция к организации выступает за пределы

---

[1] Бухарин, Империализм и накопление капитала, с. 128.

[2] Биншток, Введение в мировое хозяйство, Берлин, 1927 г., с. 152. Разрядка наша. *М. И*

[3] Там же, с. 153

[4] Н. Бухарин, Крушение капитализма, «Спартак» № 10, 1917 г., с. 7.

отдельного государства. Следовательно, в этих попытках капиталистического мира организующий процесс нашел свое высшее выражение»[1].

Из таких предпосылок, как мы видели выше, социал-демократы выводят свою теорию сверхимпериализма. Ясно поэтому, что теория т. Бухарина об «организации» капитализма внутри отдельных стран дает оружие в руки прямых защитников социал-демократической теории империализма и пробивает брешь в ленинской критике сверхимпериализма.

Критика теории «организованного капитализма»

Мы уже указывали, что в основе концепции «организованного капитализма» социал-демократов и т. Бухарина лежит утверждение, что современная монополия уничтожает конкуренцию, уничтожает свойственные старому капитализму характерные черты, как анархия производства, кризисы и т. д. Правильно ли такое положение в отношении одной страны или капитализма в целом? Известно, как критиковал такую концепцию Ленин. Ленин подчеркивал:

«Империализм является продолжением развития капитализма в его высшей стадии. На самом деле империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, опутывает со свободной конкуренцией монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может»[2].

Это определение попадает не в бровь, а в глаз всем, которые доказывают возможность устранения организованным капитализмом конкуренции, рыночных отношений и т. д. В своем анализе Ленин целиком опирался на Маркса и Энгельса. Энгельс еще в своей ранней работе «Очерки критики политической экономии» писал:

«Монополия не может остановить потока конкуренции,—мало того, она сама порождает конкуренцию вроде того, как запрещение ввоза или ввозные пошлины как раз порождают конкуренцию контрабанды»[3].

Известно указание Маркса в «Нищете философии», которое повторяется им также в письме к Анненкову:

«В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и антагонизм, но также и их синтез, который является не формулой, а движением. Монополия порождает конкуренцию, а конкуренция монополию. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она ведет постоянную конкурентную борьбу»[4].

Ленин подчеркивал, что «соединение противоречащих друг другу начал конкуренции и монополии существенно для империализма».

Наиболее четко это свое положение формулировал Ленин, как известно, на VIII съезде партии, выступая против Бухарина. Приведем несколько известных цитат:

«Никогда в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать... Империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом».

---

[1] Н. Бухарин, Экономика переходного периода, с. 35—36.
[2] «Материалы к пересмотру партийной программы», т. XX, с. 297.
[3] Энгельс, Соч., т. II изд. 1929 г., с. 308.
[4] Маркс. Нищета философии. Гиз, 1928 г., с. 144.

«Чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, никогда не существует и никогда существовать не будет».

«Если написать программу так, как хотел т. Бухарин,—эта программа будет неверна. Она будет, пожалуй, воспроизводить лучшее, что сказано о финансовом капитализме и империализме, но не воспроизведет действительности, потому что в этой действительности как раз такой цельности нет»[1]

Именно в этом сочетании конкуренции и монополии Ленин видел основное противоречие империалистической эпохи, подготовляющей крах империализма Ленин подчеркивал, что критика Каутского «обходит и затушевывает как раз самые глубокие противоречия империализма: противоречия между монополиями и существующей рядом с ним свободной конкуренцией, между картелями и трестами, с одной стороны и некартелированной промышленностью, с другой, и т. д.».

И дальше Ленин подчеркивал, что противопоставление конкуренции монополии «именно... подготовляет крах, т. е. социалистическую революцию»[2].

Мы не будем приводить других высказываний Ленина. Они общеизвестны

Отрицая возможность «организованного» капиталистического хозяйства Ленин, конечно, категорически отрицает правильность теорий сверхимпериализма и хозяйственной демократии: Известна беспощадная критика Лениным взглядов Каутского по вопросу об ультраимпериализме. Ленин неоднократно подчеркивал, что «ультраимпериалистические союзы, в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистической коалиции против другой империалистической коалиции, или в форме всеобщего союза всех империалистических держав — являются неизбежно лишь передышками между войнами».

Ленин подчеркивал несостоятельность тезиса, что финансовое переплетение капитала может привести к уничтожению противоречий между империалистами.

«Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах; из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению — значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их»[3].

Что касается различных теорий хозяйственной демократии, то Ленин, как известно, доказывал, что участие рабочих в контроле над промышленными предприятиями в условиях капиталистического строя «есть лучший способ надувания рабочих буржуазией, лучший способ утонченного подкупа в политическом смысле».

---

[1] Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 112—114.
[2] Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 121.
[3] Ленин, Крах II Интернационала т. XIII, с 152

И дальше Ленин говорит следующее:

«Когда мы говорим — рабочий контроль, ставя этот лозунг всегда рядом с диктатурой пролетариата, всегда вслед за ней, то мы раз'ясняем этим, о каком государстве идет речь»[1].

Рассматривая вопрос абстрактно, мы должны подчеркнуть, что вообще понятие «организованный капитализм» заключает в себе внутреннее противоречие. Логически в конечном итоге организованный капитализм должен был привести к всеобщему тресту. Всеобщий же трест, как указывал т. Варга, и с экономической стороны невозможен в условиях капитализма. Об экономической невозможности всеобщего треста говорит Гроссман в своей книге «Das Akkumulations- und Zusammenbruchgesetz des Kapitalismus», которая, несмотря на неверные исходные теоретические предпосылки, дает в общем правильную критику «всеобщего треста».

Наконец, в современном капитализме мы в действительности не видим уничтожения конкуренции, анархии производства, кризисов — ни внутри отдельных капиталистических стран, ни в мировом масштабе. О формах конкуренции говорил т. Варга. Я хотел подчеркнуть только одну мысль. Современный третий период характеризуется обострением борьбы за рынки. Но разве это значит, что борьба обострилась только за внешние рынки? Для Соед. Штатов, напр., экспорт составляет всего лишь 7% их продукции. Это не значит, что эти 7% не играют большой роли. Но за остальные 93% должна итти не менее ожесточенная борьба. И она идет в самых разнообразных формах, о которых и говорил т. Варга. Мы видим, напр., что между двумя монополистическими гигантами в области автомобильной промышленности в САСШ—Фордом и General Motors—идет ожесточенная борьба как на внутреннем рынке, так и на внешнем.

Подчеркивая сохранение конкуренции и других свойственных капитализму характерных черт, не следует, однако, перегибать палку в другую сторону и затушевывать различие между монополистическим капитализмом и домонополистическим капитализмом (что теперь проскальзывает в некоторых выступлениях). Никто иной, как Ленин, подчеркивал, что настоящая эпоха, в отличие от предыдущих, характеризуется «сменой свободной конкуренции монополистическим капитализмом»[2].

Отрицать коренное различие между этими двумя эпохами — значит лить воду на мельницу буржуазных экономистов, которые часто указывают, что конкуренция осталась такой же, какой была раньше, и что вообще теперешний капитализм ничем не отличается от предыдущего. Поэтому, мол, нечего говорить, что создаются предпосылки для нового социалистического строя. В этом вопросе нужно отличать господствующие типы отношений. Под господствующим типом отношений надо понимать тот тип отношений, который подчиняет себе все остальные и закономерности которого определяют закономерности всего хозяйства в целом. Господствующим фактором в теперешнюю эпоху является монополия. Но наряду с этим сохраняются все характерные

[1] Ленин, т. XIV, ч. 2, с. 230.
[2] Ленин, т. XX, с. 237.

черты домонополистической эпохи — конкуренция, анархия производства и т. д.

Вместе с тем нужно помнить, что Ленин также подчеркивал, что «государственный монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [1].

Однако монополистический капитализм, даже в высшей своей форме государственно-монополистического капитализма, никогда не переставал быть капитализмом со всеми свойственными последнему чертами: анархией производства, бесплановостью, рыночными отношениями и т. д.

Наоборот, по мере того, как капитализм поднимался на более высокую ступень, все более обострялись свойственные ему противоречия, которые ведут не к врастанию в социализм, а неизбежно должны повести к взрыву капиталистической системы.

Политическая несостоятельность теории «организованного капитализма»

Подведем итоги:

а) Теория организованного капитализма непосредственно связана у социал-демократов с прямой апологией послевоенного капитализма, у правых в Коминтерне — с переоценкой стабилизации капитализма, со взглядами на теперешнюю стабилизацию, как «крепкую и крепнущую». Таким образом теория организованного капитализма затушевывает самое важное, самое центральное в ленинской концепции империализма: что монополистический капитализм есть «загнивающий», «умирающий» капитализм.

Если капитализм все еще поднимается на более высокую ступень развития, если он способен преодолеть внутри одной страны или в мировом масштабе свойственную ему анархию производства и ввести плановость, если буржуазия в состоянии создать организованное хозяйство, то из этого неизбежно вытекает оптимистический взгляд на будущее капитализма, вера в то, что возможен еще длительный под'ем капитализма.

б) Из переоценки успехов организованного капиталистического хозяйства вытекает и теория возможности мирного врастания капитализма в социализм. Если капитализм уничтожил главнейшие, свойственные ему противоречия, следовательно, это уже не капитализм, это уже есть некий переходный этап к социализму.

в) Из теории организованного капитализма т. Бухарина, из теории организованного капитализма внутри одной страны вытекает пессимистическая оценка перспектив революционной борьбы пролетариата в капиталистических странах, зависимость социальной революции от военных столкновений. Отсюда — у других правых уклонистов создаются теории об оборонительном характере современных классовых боев, об их чисто-экономическом харак-

[1] Ленин. Грядущая катастрофа и как с ней бороться, т. XIV, ч. 2, с. 209.

тере. А отсюда — недалеко и до требования рабочего контроля, выставлявшегося Брандлером.

г) Наконец, как мы уже указывали, постановка вопроса т. Бухарина пробивает брешь во всей ленинской критике теории сверхимпериализма, — и можно даже сказать, что бухаринская теория может логически привести к теории сверхимпериализма. В силу всего сказанного, мы должны со всей категоричностью подчеркнуть, что теория организованного капитализма не имеет ничего общего с ленинской теорией монополистического капитализма.

Ленинская теория монополистического капитализма есть учение о загнивающем, умирающем капитализме, по Ленину — монополистический капитализм есть эпоха социалистической революции.

Теория организованного капитализма есть теория, в основе преувеличивающая силу и способности капитализма, теория, ослабляющая революционную волю пролетариата, теория в корне неправильная, теория антимарксистская антиленинская. Полная несостоятельность этой теории должна быть разоблачена нами до конца.

М. ГЕРЦБАХ

„ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ" и УЛЬТРАИМПЕРИАЛИЗМ

Мой краткий доклад посвящен проблеме сверхимпериализма. Сверхимпериализм является одним из конститутивных элементов социал-демократической теории «организованного капитализма». Эта теория сводится к тому, что развитие ведет к созданию единого, всеобщего картеля, или единого сверхтреста, обнимающего определенные отрасли производства не только одной капиталистической страны, но всего мира, и уничтожающего войны между народами. Я подчеркиваю, что эта теория сверхимпериализма является конститутивной частью социал-демократической теории организованного капитализма. В бухаринской концепции «организованного капитализма», по крайней мере с внешней стороны, этой теории сверхимпериализма, этой теории всеобщего универсального картеля или сверхтреста, вы не найдете.

В основном теория сверхимпериализма не нова, уже до войны в 1911 г. вышла известная в свое время очень нашумевшая книга—Norman Angel «The great Delusion», в которой автор указывает на международное переплетение финансовых капиталистов, как на фактор, уменьшающий военную опасность. Еще раньше, в 1902 г. известный радикальный буржуазный критик Гобсон в своем «Империализме» указывал на то, что после англо-бурской войны определенные слои английского клерикализма, английские попы, проповедывали идею об «интеримпериализме», о совместной эксплоатации земного шара кучкой империалистов, которые между собой в финансовом и экономическом отношении переплетены. Однако в наиболее развитом виде теория сверхимпериализма была предложена Карлом Каутским в начале мировой войны. В конце 1914 и в начале 1915 гг. появляются первые статьи Карла Каутского о сверхимпериализме, которые встретили тотчас же чрезвычайно ожесточенную критику со стороны Владимира Ильича. Только теперь, после выхода в свет нового собрания сочинений Ленина, мы имеем полное издание «Империализма», где мы находим наиболее развернутую критику этой теории сверхимпериализма. Как обосновывает свою теорию Карл Каутский? Вот самая определенная, самая ясная формулировка сверхимпериализма, данная Каутским до войны: «С чисто-экономической точки зрения, — пишет Каутский, — не исключена возможность,

что капитализм переживет еще одну новую фазу, усиление влияния картелей на внешнюю политику, фазу сверхимпериализма, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплоатацию мира интернациональным объединением финансового капитала». Эта статья была помещена в «Neue Zeit» в апреле 1915 г. Нужно сразу сказать, что в то время сверхимпериализм проповедывали с большой осторожностью; Каутский великолепно понимал, что обстановка 1915 года меньше всего гармонировала с этой теорией сверхимпериалистического дележа мира. Каутский в своих довоенных статьях неоднократно подчеркивает. что такая эпоха сверхимпериализма мыслима. но осуществима ли она,—об этом он сказать с определенностью не может, за это он не ручается.

В настоящее время социал-демократы гораздо смелей. Тов. Иоельсон уже указал. что в эпоху наступления второго периода послевоенного капиталистического кризиса социал-демократы не стесняясь говорят о росте и укреплении капиталистической стабилизации: неудивительно поэтому, что теперь социал-демократы снова освежают теорию сверхимпериализма; но теперь они говорят уже с большей уверенностью и определенностью. Вполне законченную формулировку сверхимпериализма. относящуюся уже к послевоенному периоду, мы имеем опять-таки у того же Каутского. Я имею в виду его небольшую книжечку «Wehrfrage und Sozialdemokratie», появившуюся в конце 1928 г. Там Каутский определенно заявляет: «Мы уже вступили в период международных картелей и трестов, интернациональных организаций финансового капитала, который воздействует на внешнюю политику великих держав».

Если вы сопоставите нынешнюю формулировку и ранее приведенную, то вы имеете почти дословное совпадение, но теперь Каутский уже не говорит, что «он не ручается», а определенно заявляет, что мы уже вступили в эту эпоху сверхимпериализма. Каутский не одинок: он в данном случае, как и во многих других случаях. выявляет всю социал-демократическую концепцию послевоенного капитализма и послевоенного империализма. Для иллюстрации разрешите привести ряд мнений о той же проблеме видных теоретиков и практиков международного реформизма. У Гильфердинга вы найдете фразу. относящуюся еще к 1924 году, где он говорит. что ложно утверждение. будто капиталистическая конкуренция должна привести к противоречиям между государствами, иначе говоря. что возможен мирный сговор. мирный дележ мира между империалистическими силами. У Georg'a Dekker'a, в статье более позднего периода (в 1928 г.), вы найдете такую фразу: «Международные картели вызвали экономический и политический интернационализм и оппортунистический пацифизм». Тут много витиеватых выражений. но они скрывают определенную тенденцию мирного дележа мира со стороны финансовых, переплетенных между собой империалистических сил. «Vorwärts» писал в статье. посвященной образованию европейского Стального картеля, состоявшемуся в 1926 г., что европейский Стальной картель означает «уменьшение политического и хозяйственного напряжения в Европе». Все является лишь развитием идей сверхимпериализма, идей возможности мирного дележа мира кучкой империалистов. Привожу еще мнение Пауля Уфермана, известного в социал-демократических кругах экономиста Германии: «Междунаpод-

ные картели создают плановое хозяйство и делают излишними кризисы и войны». Это он пишет в брошюре, которая носит название «Интернационал предпринимателей». Наконец, мы имеем чрезвычайно авторитетный социал-демократический документ, а именно: резолюцию о послевоенном капитализме последнего Брюссельского конгресса II Интернационала, где, между прочим, говорится: «интернациональные картели и тресты показывают, что развиваются предпосылки уничтожения анархии производства и начинается переход к планомерному регулированию мирового хозяйства». Здесь мы имеем почти развернутую теорию о тенденции развития капитализма в сторону ультраимпериализма, к мирному разделу мира между финансовым капиталом разных стран. Социал-демократы делают из всей этой теории совершенно определенные выводы, выводы пацифистские, выводы о хозяйственной демократии уже не в одной капиталистической стране, а о хозяйственной демократии во всем мире. В последних документах о мировом экономическом положении и задачах пролетариата Амстердамского Интернационала, как и ряд других реформистских организаций, выставил ряд определенных требований об участии в экономическом комитете при Лиге Наций, который якобы должен заниматься регулированием мирового хозяйства. Все это, конечно, блеф, необходимый социал-демократии для обмана масс, о чем писал еще Ленин в первое время появления этой сверхимпериалистической теории.

Переходя к ее критике, нужно прежде всего отметить, что сверхимпериалистическая теория, как и теория организованного капитализма, исходит из неверной предпосылки об уничтожении конкуренции. Если т. Бухарин ограничивается в своей концепции утверждением, что конкуренция исчезает в одном государстве, в одной капиталистической стране, то для теории сверхимпериализма эту конкуренцию необходимо уничтожить в мировом масштабе. Необходимо отметить, что Ленин в новом издании «Империализма» определенно указывает, что монополия при капитализме никогда не может полностью и надолго устранить конкуренцию с всемирного рынка, и добавляет: «В этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультраимпериализма». Итак, мы имеем первое указание со стороны Владимира Ильича, где искать порочность ультраимпериалистической теории; эта порочность лежит в том, что **невозможно допустить длительного уничтожения конкуренции в международном масштабе**, а именно это длительное уничтожение конкуренции, этот длительный сговор империалистов и лежит в основе сверхимпериалистической теории; без этого длительного соглашения невозможен сверхимпериализм, невозможен мирный раздел мира между империалистическими силами.

Если взглянуть на действительное положение вещей, на теперешнее лицо финансового капитала в мировом масштабе, если взглянуть на международную борьбу, борьбу, ведущуюся финансовыми капиталистами разных стран, то совершенно невозможно констатировать такого длительного уничтожения или полного уничтожения конкуренции. Если мы возьмем наиболее интернационализированные, наиболее монополизированные отрасли мирового хозяйства, то мы всюду замечаем бешеную борьбу, борьбу в разных формах, в разных видах, скрытую иногда картельными, иногда трестовскими соглашениями, иногда конвенциями

по борьбу мы имеем во всех решительно отраслях промышленности и не только промышленности. Тов. Варга в своем вводном докладе дал целую гамму различных форм и видов конкуренции, которая не уничтожается внутри капиталистических стран в эпоху финансового капитала. Эта гамма еще более разнообразна, отливает еще более разнообразными цветами, если мы обратимся к мировому хозяйству. Если мы возьмем такие монополизированные отрасли производства, как нефть, железо, как химическую промышленность, то тут мы имеем в отдельных странах почти полную монополию. огромной мощности тресты и картели в национальном масштабе, а вместе с тем, мы имеем напряженную борьбу в мировом масштабе. В химической промышленности мы имеем определенные 3 группировки: Франко-германский картель, который имеет ряд подсобных предприятий в ряде стран Европы и в других странах мира; конкурирующий с ним могущественный картель Монда в Англии. который, в свою очередь, связан с рядом предприятий в Бельгии и за океаном: третий картель—американский «Du Pont de Nemours». Эти три концерна являются руководителями мировой химической промышленности, и. по крайней мере в ближайший период, нет видов на длительное соглашение между этими тремя крупными финансово-капиталистическими группировками. В области нефти мы имеем опять-таки громадной мощности капиталистические образования. Я думаю, что не стоит описывать ни Роял-Дэтч, ни Стандарт-Ойл. Если взглянуть на теперешнее положение в нефтяной промышленности. то никогда не было такой дезорганизации, никогда не было такой напряженной борьбы, как именно за последние несколько лет, несмотря на наличие ряда переговоров и временных соглашений. Это в тех отраслях промышленности, которые не имеют между собой международного картеля (в химической промышленности есть отдельные соглашения. но общего мирового картеля еще не имеется). Если взглянуть на те монополии, где имеется международный картель. обнимающий ряд стран, например, самый крупный из них—европейский Стальной картель. то мы замечаем на протяжении трех лет его существования самую неприкрытую, самую напряженную конкурентную борьбу. которая происходит, правда, в рамках внутрикартельных соглашений, но проявляется наружу каждые 2—3 месяца, когда правления эти картелей съезжаются в каком-нибудь из городов Европы. Эта борьба основана на том. что изменилось то соотношение сил, которое имело место при образовании европейского Стального картеля. Европейский Стальной картель был образован в 1926 г., и в основу тех квот, которые являются обязательными для всех его участников, было заложено то соотношение сил в области производства, которое имело место в первый квартал 1926 года. Это было до английской стачки, это было в эпоху, когда во Франции и в Бельгии началась и держалась острая инфляция. С тех пор соотношение сил в корне изменилось. Во Франции кончилась инфляция, ее заменила дефляция; все это изменило соотношение сил; тут закон неравномерности развития капитализма проявился с максимальной силой; и чем более изменилось соотношение сил. тем сильнее стала борьба внутри европейского Стального картеля. И если теперь ответственные руководители этого картеля заявляют, что трехлетнее существование европейского картеля ни на йоту не облегчило положения европейской стальной промышленности. если мы слышим о том. что

с большими усилиями на последнем совещании представителей европейского Стального картеля удалось на 3 месяца отсрочить ликвидацию картеля, то это показывает, что в самом сильном и самом организованном международном картеле конкуренция не исчезла и что, наоборот, ленинский анализ закона неравномерного развития капитализма в конкретном применении к международной монополии себя полностью оправдал. Такое же, примерно, явление, т. е. внутрикартельная, внутримонопольная борьба, имеет место и в Рельсовом картеле и в ряде других международных образований.

Мы имеем также острую борьбу между отдельными картелями, между отдельными промышленными международными картелями и аутсайдерами. Очень характерно, что даже в таких международных монополиях, как Международный картель электрических ламп, который регулирует 95—98% мирового производства, не исчезли аутсайдеры, не исчезла внутрикартельная борьба, ибо сама монополия своей политикой монопольных цен вызывает, стимулирует появление аутсайдеров. Очень любопытное явление имело место также в Ртутном картеле, который поднял на несколько пунктов цены, и это вызвало появление аутсайдеров в одной из стран Латинской Америки. Чрезвычайно характерно для механизма современного капитализма, что повышение монопольных цен вызывает появление аутсайдеров в виде субститутов. Тов. Варга говорил об этом очень интересном виде конкуренции, о конкуренции так называемых субститутов, т. е. о замещении, о появлении определенного вида сырья или нового товара, которые заменяют прежние монополизированные отрасли производства. Если взглянуть на международную конкурентную борьбу, то мы имеем также очень сильную, очень напряженную борьбу субститутов, т. е. новых отраслей промышленности, или новых продуктов, которые вытесняют старые. Мы имеем очень любопытную конкурентную борьбу между медью и алюминием, которая стала возможна именно благодаря политике высоких картельных цен международного медного синдиката. Медный международный синдикат контролирует чуть ли не 95—96% мирового производства, он бешено поднимал цены, за один год он поднял цены чуть ли не на 60%; но стоило ему немного превысить эту норму, как усилился спрос на алюминий, ибо на данной ступени цены потребителям уже выгоднее было покупать алюминий, а не медь. Мы имеем еще пример борьбы субститутов; это борьба искусственного шелка, натурального шелка и текстиля; есть уже сведения о том, что искусственный шелк вытесняется более дешевым продуктом—мерсеризованным хлопком. Мы имеем интересную борьбу субститутов в области азотной промышленности. Чилийской естественной монополии на селитру уже нет; она закончилась тем, что германскому химическому тресту и всей германской химической промышленности удалось изобрести искусственный азот и искусственные удобрители. Азот теперь начинает вытеснять чилийскую селитру. Мы имеем борьбу субститутов в области связи, идет бешеная борьба между кабелем, радио и телеграфом, идет не менее острая борьба, хотя еще не вылившаяся наружу, в области авиации, железных дорог и морского транспорта. Мы имеем очень интересную борьбу, которая вскрывает всю степень загнивания современного монополистического капитализма, борьбу между нефтью

естественной и искусственной, искусственным бензином. В лабораториях германского Химического треста уже несколько лет с коммерческой целью вырабатывается искусственный бензин, который вытесняет естественные нефтяные продукты; и уже имеется соглашение между германским Химическим трестом и Стандарт-Ойл об использовании, вернее: о неиспользовании этого патента на ряде рынков, особенно на американском рынке. На этом примере виден не только рост технического прогресса и вытеснение старых сырьевых монополий новыми сырьевыми монополиями или новыми продуктами синтетического характера; в данном случае мы имеем доказательство правильности тезиса Ленина о том, что в эпоху монополии, несмотря на развитие техники, идет процесс загнивания, в значительной степени нейтрализующий влияние технического прогресса. Я не имею возможности подробнее остановиться на этих моментах, хотя они заслуживают большого внимания. Итак, первый основной тезис теоретиков сверхимпериализма, — уничтожение конкуренции, — совершенно не оправдывается в свете современной экономической действительности.

Теория сверхимпериализма совершенно неверна, ибо она, помимо всего прочего, абстрагируется от закона неравномерного развития капитализма. Я думаю, что этот закон всем знаком, и на нем не приходится останавливаться много Этот закон подробно разработан Лениным, который в ряде сочинений указывает на то, что возможны соглашения между монополистами и национальные и международные, но что эти соглашения носят временный характер, и не могут носить длительного характера, ибо они основаны на соотношении сил, которое постоянно меняется. Есть определенная неравномерность в развитии внутри отдельных капиталистических стран. Одна из причин неправильности бухаринской концепции организованного капитализма и заложена в том, что т. Бухарин совершенно абстрагируется от этого закона неравномерности развития капитализма и внутри отдельных капиталистических стран и в международном масштабе. Ленин указывает, что возможен ультраимпериалистический союз, как временное соглашение для совместной эксплоатации, и приводит ряд ярких примеров, когда на определенный период времени было такое соглашение в ех империалистов, например, во время боксерского восстания в Китае. Не исключена возможность такого объединения, хотя бы части империалистов, для борьбы с Советским Союзом. Но усматривать возможность длительного соглашения между империалистами невозможно в эпоху монополистического капитализма с его неравномерностью развития. Ультраимпериалистическая теория тесно связана с теорией уменьшения военной опасности в эпоху роста монополии. Социал-демократы теперь спекулируют на этом, и каждый международный картель встречает большое сочувствие со стороны социал-демократов, ибо он дает им возможность утверждать развитие пацифистской идеи или уменьшение военной опасности. Социал-демократы не раз на своих съездах в резолюциях указывают, что международное переплетение капиталов не ускоряет, а отодвигает военную опасность. При этом любопытно, что социал-демократы нигде не вспоминают, нигде в их сочинениях вы не найдете указания на существование до мировой войны международных монополий, а этот факт бьет в самый корень социал-демократического утверждения о том, что с развитием международных мо-

нополий война исчезает или военная опасность смягчается. До войны существовало не меньше 100 крупных международных монополий и в области горной промышленности, и в области промышленности цветных металлов, и в области морского транспорта, и эти международные монополии, однако, не отодвинули мировой войны. Более того, есть некоторые монополии, которые продолжали существовать и во время мировой войны. В небольшой, но очень ценной книжке Рубинштейна «Империалистские войны будущего» указано на то, что Интернациональные Динамитный и Пороховой тресты продолжали существовать в течение нескольких месяцев после объявления мировой войны, представители этих трестов съезжались в нейтральные государства и распределяли квоты. Это говорит о том, что международные монополии не только не заинтересованы в прекращении войны, в уменьшении милитаризма и самих войн, а, наоборот, они заинтересованы в росте милитаризма. Приведу еще один любопытный пример, когда два брата Де-Вендель накануне войны сидели один в германском рейхстаге, а другой во французской палате, оба они были горнозаводчиками и оба сидели в картеле горнозаводчиков, один по одну сторону Рейна, другой по другую сторону Рейна. Мы имеем такое же явление теперь, когда самый ярый инициатор различных антисоветских проектов А. Рехберг имеет брата, который орудует по ту сторону Рейна над созданием того же антисоветского блока, который должен основываться на международном антисоветском соглашении.

Владимир Ильич особенно хорошо в своем сочинении «Крах Второго Интернационала» показывает, что, собственно говоря, интернационально-переплетенный капитал делает прекрасные дела на вооружениях. Владимир Ильич, выступая против ультраимпериалистического утверждения Каутского, что тенденция международного переплетения клик финансового капитала должна привести к уменьшению военной опасности и милитаризма, пишет:

> «Но почему из нее должно вытекать разоружение, а не вооружение, как до сих пор? Возьмем любую из всемирных «пушечных» (и вообще производящих предметы военного снаряжения) фирм, например, Армстронга... Переплетенность финансового капитала здесь очень велика и все возрастает; немецкие капиталисты «участвуют» в делах английской фирмы; английские фирмы строят подводные лодки для Австрии и т. д. Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению—значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их» [1].

Мы имеем в настоящее время как раз такое же положение: мы имеем ряд международных монополий в горной промышленности, в промышленности цветных металлов, в химической промышленности; не случайно именно эти отрасли промышленности, которые более всего связаны с войной, более всего и переплетены друг с другом. В самом деле, какой интерес Международному медному синдикату

[1] ... XVIII (изд. 1929 г.) ... 255.

в уменьшении милитаризма? Наоборот, тот рост потребления, который замечается на медном рынке, то, что Медному синдикату удалось так повысить цены в течение 1928 г., являются следствием роста милитаризма в главных странах: электролитная проволока идет, главным образом, на военные нужды, по той же причине Химический картель и европейский Стальной картель заинтересованы не в уменьшении, а в увеличении милитаризма. Вот почему является прямой изменой делу рабочего класса утверждение, что международные монополии могут уменьшить военную опасность. Я еще раз считаю необходимым указать на Арнольда Рехберга, я считаю, что мы мало обратили внимания на эту персону, которая заслуживает большего внимания не потому, что она имеет самостоятельный интерес, а потому, что он ведет открытую и упорную подготовку антисоветского окружения, потому, что он пытается путем различных комбинаций создать франко-германский экономический, политический и военный блок, направленный в первую очередь против Советского Союза. Последние разоблачения говорят о том, что подготовка этого блока уже далеко вышла за рамки литературных произведений самого Рехберга и стала достоянием крупных и влиятельных фигур в международном масштабе; она стала достоянием официальных представителей Англии, Германии и Франции, и,— что имеет для нас большое значение,—весь проект антисоветского окружения основывается на международных монополиях. Прочтите последние выступления Рехберга, в особенности те выступления, которые были в связи с последними разоблачениями органа Штреземана, и вы увидите, что это не преувеличение, а реальность: международные монополии сейчас становятся важнейшим фундаментом антисоветской политики.

Последний вопрос в данном разделе — это вопрос об отношении Ленина к теории сверхимпериализма. Владимир Ильич три раза писал о сверхимпериализме и все три раза подверг эту теорию сокрушительной критике, указав на ее политический вред, на ее экономическую противоречивость и на теоретическую абсурдность. В предисловии Ленина к книге т. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» есть место, которое может быть истолковано в том смысле, что Владимир Ильич считался с возможностью—хотя бы теоретической—создания такого сверхимпериалистического треста:

> «... рассуждая абстрактно-теоретически, можно притти к выводу, к которому и пришел,— несколько по-иному, но тоже распрощавшийся с марксизмом,— Каутский, именно: что не очень далеко уже и всемирное об'единение этих магнатов капитала в единый всемирный трест, заменяющий соревнование и борьбу государственно-обособленных финансовых капиталов интернационально-об'единенным финансовым капиталом».

Но было бы неправильно, если бы мы брали эту цитату оторванно: вторая, за ней идущая фраза определенно указывает на то, что Владимир Ильич не считал возможным такое сверхимпериалистическое объединение, такое международное переплетение этих магнатов. Он пишет:

> «Такой вывод, однако, столь же абстрактен, упрощен, неправилен, как аналогичный вывод наших «струвистов» и «экономистов» 90-х гг. прошлого века, когда они из прогрессивности капитализма, из его неиз-

...жности, из его окончательной победы в России делали заключения то апологетические. ... то аполитические, то ... «скачкистские» [1].

Б... ясно эта мысль выражена на следующей странице, где Владимир Ильич говорит:

> «Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к одному единственному тресту, всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях,— отнюдь не только экономических, и политических, национальных и пр. и пр.,— что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистического» всемирного об'единения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность» [2].

В этой связи имеют большой интерес те новые места, которые мы имеем в новом издании «Империализма». Считаясь с тем, что каждое мнение Ленина имеет большой интерес для нашей аудитории, я позволю себе остановиться на одной цитате, ибо не все имели возможность прочесть новое издание «Империализма», а между тем там имеются ценные дополнительные мысли Ленина о судьбах современного капиталистического мира. В одном месте, напр., там, где Ленин полемизирует с Каутским, с его утверждением, что с чисто-экономической точки зрения не исключена возможность ультраимпериализма, Владимир Ильич спрашивает:

> «С «чисто-экономической точки зрения» возможен ли «ультраимпериализм» или это ультрапустяки?»

И дальше он говорит:

> «Если понимать под чисто-экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, тогда все, что можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно, вроде указания, что «развитие идет» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле «теория» ультраимпериализма такой же вздор, каким была бы «теория ультраземледелия» [3].

В другом месте Ленин высмеивает глупенькую побасенку Каутского о «мирном» ультраимпериализме. Мы имеем в том же издании еще новые дополнительные критические указания о теории ультраимпериализма. Приведу лишь следующее место, где Владимир Ильич пишет:

> «Каковы бы ни были благие намерения английских попиков или сладенького Каутского, об'ективный, т. е. действительный, социальный

---

[1] Ленин, т. XVIII, с. 355.
[2] Ленин, т. XVIII, с. 357.
[3] Ленин, т. XIX, с. 147. В прежних изданиях «Империализма» заключительных 4—5 строчек не было.

смысл его «теории» один и только один: реакционнейшее утешение масс надеждами на возможность постоянного мира при капитализме посредством отвлечения внимания от острых противоречий и острых проблем современности и направление внимания на ложные перспективы какого-то якобы нового будущего «ультраимпериализма». Обман масс—кроме этого ровно ничего нет в «марксистской» теории Каутского» [1]

Я думаю, на этом можно закончить критику теории сверхимпериализма. Она, действительно, является обманом масс, обманом особенно вредным в настоящее время в условиях так наз. третьего периода послевоенного развития капитализма, в условиях обостренной военной опасности против Страны Советов.

Теперь я перехожу к последнему разделу моего доклада, к выяснению отношения бухаринской теории «организованного капитализма» в одной стране к каутскианской теории сверхимпериализма. Я уже отметил, что с внешней стороны эти теории имеют ряд отличий. «Организованный капитализм» в форме единого госкапиталистического треста у т. Бухарина локализуется в рамках национального хозяйства. Здесь, якобы, исчезает проблема рынка, цен, кризиса и конкуренции; здесь, т. е. в рамках национального хозяйства, проблема иррациональной стихии заменяется проблемой рационального хозяйства. Наоборот, в области мирового хозяйства имеют место обостренная борьба и соревнование. Как пишет т. Бухарин, в области мирового хозяйства «злобно свирепствует чудовищная стихия междугосударственной борьбы, которою никто не может овладеть».

Основной порок всей концепции т. Бухарина лежит в этой, мягко выражаясь, неувязке между организованностью национальных обособленных капитализмов и их борьбой на мировом рынке. Концепция т. Бухарина о том, что в рамках отдельных капиталистических стран возможно полное уничтожение конкуренции и анархии производства, логически несомненно ведет к констатированию возможности универсального картеля, прекращающего взаимную борьбу национальных госкапиталистических трестов. Если закон неравномерного развития, делающий в ленинском учении об империализме невозможным создание такого сверхимпериалистического универсального картеля, преодолевается у т. Бухарина для отдельных капиталистических стран, то нет никакого основания полагать, что этот закон неравномерного развития не может быть, согласно концепции т. Бухарина, преодолен и в международном масштабе Тезис о борьбе между национальными сверхтрестами при прекращении борьбы внутри отдельных капиталистических стран у т. Бухарина насквозь механистичен и вовсе не вытекает из всей его концепции. В этом отношении социал-демократическая теория организованного капитализма гораздо логичнее, все их сверхимпериалистические утверждения последнего периода покоятся на подчеркивании роста организации внутри капиталистических стран. Особенно ясно эта мысль выражена в книге Биншгока, которую уже цитировал т. Иосельсон Биншток устанавливает, что прекращение конкуренции внутри капиталистических стран

[1] Ленин т. XIX с. 167

создает предпосылки совместной эксплоатации мира, предпосылки к урегулированию междоусобной борьбы монополистов, к соглашению в области экспорта капитала, короче—к организованному мировому хозяйству. Повторяю, эти сверхимпериалистические и неверные выводы Бинштока логично вытекают из установки т. Бухарина о прекращении конкуренции внутри капиталистических государств. Нужно отметить, что сам т. Бухарин чувствовал эту неувязку между прекращением конкурентной борьбы капиталистов внутри отдельных стран и ее обострением на внешнем рынке. В статье «Крушение капитализма», напечатанной в 1917 г. в «Спартаке», т. Бухарин, подробно излагая свою концепцию организованного капитализма, вдруг заявляет: «как это ни странно, но организация внутри стран влечет за собой обострение [illegible] рхической конкуренции между странами». В том-то и [illegible] что концепция т. Бухарина, по меньшей мере, странная концепция. Но она не только странная, она в корне неправильная, поскольку она искажает действительное лицо монополистического капитализма, и внутренне противоречива, поскольку в ней не связаны концы с концами. Нарисовать картину организованного капитализма хотя бы в одной стране, но без конкуренции, без рынка, без цен и кризисов, без анархии производства, это значит абстрагироваться от конкретной капиталистической действительности, с ее обостренной борьбой за рынки—и внутренние, и внешние,—это значит отвлечься от закона неравномерного развития капитализма, давящего на внутренний рынок и не допускающего уничтожения конкуренции, не допускающего образования единого госкапиталистического треста. Более того, теория т. Бухарина абстрагируется от всей капиталистической системы в целом. Ибо в организованном хозяйстве т. Бухарина, управляемом единым госкапиталистическим трестом, исчезает меновая связь, так как последняя подразумевает наличие двух контрагентов, чего нет при едином национальном тресте. Дальше, вместе с рынком вообще исчезает наемный труд и рабочая сила как товар, исчезает цена, исчезает закон стоимости, этот главный регулятор капиталистической системы,— словом, исчезают все основные категории, внутренне присущие капиталистическому товарному хозяйству.

Генрих Гроссман, подвергая в своей недавно вышедшей капитальной работе «Das Akkumulations-und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems» теоретическому анализу проблему универсального картеля, указывает, что завершением идеи всеобщего картеля было бы уничтожение самой капиталистической системы и ее замена или рабовладельческим, или социалистическим хозяйством. Нужно сказать, что т. Бухарин чувствует законность этих возражений против его теории организованного капитализма. Вот что он пишет по данному вопросу в своем мало известном очерке «К теории империалистического государства»: «То, что нас ожидает в ближайшем будущем, есть на самом деле государственный капитализм. Против такого обозначения можно было бы возразить только одно: логическим пределом чистого типа слагающихся теперь отношений было бы уничтожение наемного труда, ибо рабочие получали бы паек, «алименты», а не денежный эквивалент ценности рабочей силы. Подобно тому, как рыночные цены заменились бы регулированной раздачей продуктов, точно также

и форма заработной платы исчезла бы, а вместе с ней и наемный труд, как таковой; рабочий превратился бы в раба. А так как наемный труд составляет один из характернейших признаков капитализма, то невозможно обозначить этим термином отношения, которые означают уничтожение наемного труда» [1].

Чувствуя всю противоречивость своей теории, т. Бухарин ищет выхода из порочного круга и находит его в том, что утверждает:

> «Мы считали бы, однако, это возражение правильным и ввели бы какое-нибудь новое обозначение для формирующегося типа отношений только в том случае, если бы налицо было единое мировое хозяйство. Поскольку этого нет, поскольку остается анархия мирового рынка, постольку и сохраняются категории ценности и заработной платы, с той только разницей, что теперь место отдельного предприятия займет предприятие-государство. Рынком труда будет мировой рынок труда, усилится переливание рабочих рук из одного государства в другое. Точно также нельзя думать, что государство сможет назначать цены, какие ему вздумается, и (что) закон трудовой ценности потеряет свое значение. Ибо нелепо думать о замкнутом государстве и хозяйственной олигархии» [2].

В этой длинной цитате т. Бухарин, как мы видим, пытается доказать, что «организованный капитализм» в отдельных капиталистических странах не отменяет основных категорий капиталистической системы, ибо последние будут определяться мировым рынком. Но концепция т. Бухарина ни в коем случае не исключает перевода процессов организации за рамки отдельных капиталистических стран. «Рынок труда,—говорит т. Бухарин,—будет мировым рынком труда». Но почему не мыслима монополистическая конвенция, регулирующая проблему эмиграции рабочей силы из одного национального госкапиталистического треста в другой? Так же несостоятельно второе контрвозражение т. Бухарина, что цены внутри госкапиталистических трестов будут определяться давлением мирового рынка. А международные монополии? Почему—повторяю—исходя из концепции т. Бухарина, нельзя допустить соглашения между национальными сверхтрестами также и в области цен? Одно из двух: или остается в силе закон неравномерного развития капитализма как для мирового хозяйства в целом, так и для отдельных капиталистических стран,—тогда рушится вся система национальных госкапиталистических сверхтрестов; или же, как это явствует из концепции т. Бухарина, закон неравномерного развития потерял свое значение для отдельных капиталистических стран, тогда почему этот же закон не может быть преодолен в мировом масштабе? В действительности нужно отметить, что теория т. Бухарина не только не исключает, но, наоборот, допускает создание такого междугосударственного соглашения. Мы не будем голословны и сошлемся на самого т. Бухарина. В его книге «Экономика переходного периода» мы находим мысль, чрезвычайно интересную для затрагиваемого нами круга проблем:

> «Чтобы закончить наш анализ основных тенденций организации капиталистической системы, нам следует упомянуть также о синдикатах

---

[1] «Революция права», сб. 1, с. 26—27.

[2] Там же.

государственно-капиталистических трестов, о своеобразных синдикатах «второго порядка», которые своими составными частями имеют государственно-капиталистические тресты. Таковы государственные «коалиции», такова Лига Наций. Предпосылки для этих организаций были созданы финансово-капиталистическими связями, общей суммой взаимного «участия»: здесь тенденция к организации выступает за пределы отдельного государства. Следовательно, в этих попытках капиталистического мира организующий процесс нашел свое высшее выражение».

Итак, высшим выражением организованного капитализма у т. Бухарина является уже не госкапиталистический трест в одной стране, а Лига Наций и синдикат национальных сверхтрестов.

На этом мы можем закончить наше краткое сопоставление бухаринской теории организованного капитализма с каутскиански теорией ультраимпериализма. Мы видим, что первая перерастает во вторую. Организация капитализма не ограничивается узкими рамками национального хозяйства, а переходит у т. Бухарина в область хозяйства мирового. Тем самым от неправильной теории т. Бухарина об «организованном капитализме в одной капиталистической стране» остается лишь один шаг к социал-демократической утопии универсального картеля, «организованного мирового хозяйства» и наступления эры сверхимпериализма.

Т. ЛОУФ-БОХЕН

НОВЫЕ ФОРМЫ КОНКУРЕНЦИИ В САСШ

Задача моя состоит в том, чтобы сопоставить концепцию монополистического капитализма т. Бухарина с американской капиталистической действительностью.

Я остановлюсь, главным образом, на двух вопросах, именно на мнимом отмирании конкуренции на внутреннем рынке в связи и вместе с ростом монополий и на мнимом увеличении и росте плановости в национальном монополистическом хозяйстве в результате того же процесса образования монопольных организаций. Мимоходом я задену также некоторые другие связанные с этой концепцией вопросы.

Сначала, в качестве предисловия, одно замечание. Если я в дальнейшем указываю на беспрестанное действие конкуренции, несмотря на рост монопольных образований, то значит ли это, что я умаляю значение существования и влияние монопольных цен и сверхприбыли; или можно ли отрицать тот неоспоримый факт, что картели и тресты имеют своей целью ограничение конкуренции и стремление к стабилизации цен?

Нисколько. Организованное воздействие на рынок, предпосылкой которого является более или менее тесное объединение предприятий с целью регулирования цен, объема производства и других условий конкуренции, является важнейшим фактором народного хозяйства и государственной политики как в национальных, так и в мировых пределах.

Переходя теперь к центральному вопросу, к постановке самой проблемы о соотношении между монополистической формой капитализма и конкуренцией, я должен сказать, что корень вопроса—это проблема образования цен при существовании монополий. Однако этого коренного вопроса я здесь развивать не могу, а лишь затрону его сейчас слегка. По этому вопросу я хочу сейчас заметить следующее. Если мы проследим американскую экономическую и политическую литературу, то заметим, что в ней доминирует—особенно у т. н. радикалов и прогрессистов, занимающихся борьбой против трестов — взгляд относительно неограниченной возможности со стороны треста взбивать цены и доить, так сказать, потребителя. Я мог бы привести множество цитат в доказательство этого,

не считаю это нужным. Взгляд этот исходит из оценки «Уолл-Стрит» как полне организованного целого, направляющего все хозяйство страны вне всяей зависимости от рыночных условий и различных борющихся между собой рупп. Этот взгляд о произвольном установлении цен монополиями опирается на практику трестов и их громадное политическое могущество. Взгляд этот основывается также на бывших безграничных рыночных возможностях в период первого бурного развития трестов и на существующих еще и теперь возможно...х в т. н. «новых отраслях» промышленности, как, напр., искусственный шелк, радио, электрические или газовые холодильники домашнего употребления, различные предметы химической промышленности, аэропланы и т. п. (и до недавнего времени автомобильная промышленность). Но и здесь приходится сказать, что, если в отличие от более ранней трестовской эпохи, когда старик Вандербильт мог себе разрешить сказать «damn the public» («к чорту общественность»), американские и европейские капиталисты теперь так решительно подчеркивают свое «служение общественности», то вопреки тому, что думает об ...ом явлении т. Бухарин, воспринимающий его как перемену, характерную для монополистического капитализма, оно означает лишь, что обостренная борьба потребителя делает необходимым его лелеяние в САСШ и кроме того, по крайней мере в САСШ, означает борьбу против опасности госкапитализма.

Вопрос ценообразования в эпоху монополий крайне сложный вопрос, но ...ой форме, как он подчас воспринимается, а именно, что тресты в состоянии действительно стабилизовать цены, взгляд этот абсолютно неверен. Достаточно ...глядеться к движению послевоенных цен на некоторые трестифицированные ...дукты, как медь, железо, сталь, мясные продукты, нефть и т. д., чтобы в этом ...иться. Контроль над производством меди, хотя и оспаривается, но все еще ...дится почти всецело в американских руках, и устанавливаемая американскими промышленниками цена является поэтому мировой ценой. Тем не менее ...ние цен на медь в первые годы послевоенного периода обнаруживает длительные стадии так называемой (на капиталистическом языке) полной «деморализации», вытекающей из общих рыночных условий, и поведшей, между прочим, к временному расстройству экспортной организации по меди.

Не менее необузданным — но в обратном повышательном направлении — ...ся движение цен на медь в текущем году, когда цена на медь временами ...тигла 24 ц. за фунт, поднимаясь от и так достаточно высокой цены в 16 ц. против низкой цены 11—12 ц. в недавнем прошлом. Даже господа промышленники ...чли нужным в виду бешеной спекуляции предостеречь от «увлечений».

Возьмем цены на консервное мясо, производство которого трестифицировано. И здесь послевоенные цены обнаруживают ту же «деморализацию» и неровность, поведшую, между прочим, к «реорганизации» фирмы Армура. В отчетах ...стных пяти чикагских мясных предприятий, в своей общности составляющих так наз. «мясной трест», за 1928 г. мы читаем, что лишь в 1928 г. они ...ли реализовать прибыль на свиное мясо, купленное по низкой цене 1925/26 г. и в ожидании повышения цен консервированное в холодильниках все это время. Я не знаю, сколько лет хранения мяса выдержат американ-

ские желудки, но мне кажется, что и этому есть предел, и что, таким образом, подобное регулирование цен на мясо навряд ли может быть названо вполне успешным. Не буду касаться вариации цен на нефть и ее продукты или на сталь. В отношении стали можно, пожалуй, установить тот факт, что вариации цен после образования Стального треста в 1901 г. были не меньше, чем до его создания.

Однако я оставлю этот коренной вопрос в стороне и поставлю теперь вопрос о конкуренции и ее отношении к монополистическим образованиям.

Даже беглое знакомство с американской прессой за последние годы обнаруживает, что весь торгово-промышленный мир жалуется на чрезвычайное обострение конкуренции. Мы узнаем также, что наряду со старой появилась какая-то «новая» конкуренция. Что это за «новая конкуренция»? Вот что говорит на эту тему редактор журнала «Нейшенс Бизнес» Торп:

> «Единоличный фабрикант и бизнесмен не является уже более борющейся единицей в промышленности. Он не в состоянии противостоять конкурентному напору, выдвигаемому целыми индустриями. Так, электричество борется с производством льда за контроль холодильной промышленности; строительный лес борется с цементом, кирпичем, камнем и 25 другими субститутами; нефть борется с углем за контроль над отоплением и производством энергии; шелк борется с хлопком, льном, шерстью и даже древесиной».

Приведем несколько примеров, которые мы взяли из ежедневной прессы.

Город Роанок в штате Вирджиния решил построить вместо старых два новых моста. В самом городе имеется большой завод строительной стали. Полученные предложения обнаружили, что бетонные мосты стоили бы в одном случае на 100 т., в другом—на 80 т. дороже стальных. Однако объединение бетонных предпринимателей развило в городе агитацию за эстетическое преимущество бетонного моста и добилось постройки более дорогих бетонных мостов. Подобный же случай имел место с мостом, проектируемым через реку Саванна. В результате, стальные предприниматели, которые до этого не были так агрессивны в деле пропаганды стальных изделий, начали рекламировать также превосходство стали для таких, между прочим, вещей, как мебель для конторских учреждений, вытесняющая ныне изделия из дерева.

Другой пример: недавно я читал о неожиданном увеличении продажи изделий из так называемой мерсеризованной хлопчатобумажной ткани, конкурирующей с искусственным шелком. Послушайте, что случилось.

В текущем году цены на необработанный искуственный шелк в САСШ все время колебались и значительно понизились. Причиной этого послужил ввоз заграничного продукта, приведший к проектируемому увеличению пошлины на искусственный шелк. Характерно, однако, в этой связи одно обстоятельство, о котором можете судить по следующей интересной газетной цитате:

> «Одно из наиболее неприятных последствий последнего понижения цен, которое совсем не предвиделось предпринимателями (заметьте это в отношении плановости! **Л.-Б.**) — это внезапное падение потребления сырого шелка со стороны фабрик вязаных изделий, явление, которое

можно было уже заметить в Англии, которое в САСШ, однако, приняло гораздо большие размеры. Прядильщики хлопка, которые еще недавно были так встревожены растущим потреблением искусственного шелка для вязаных изделий, делают теперь снова отличные дела».

Итак, мерсеризованная ткань, вытесняемая одно время искусственным шелком, стала теперь вытеснять последний.

Здесь мы имеем примеры, когда один и тот же потребительский спрос может быть удовлетворен двумя более или менее разнозначимыми продуктами.

Возьмем другой пример. Со времени распространения автомобилей стало заметно уменьшение потребления обуви, а также одежды. Мы слышим нарекания фабрикантов этих продуктов на то, что средний класс сберегает на одежде и обуви, лишь бы приобрести себе автомобиль. Если не ошибаюсь, господа фабриканты выражали в своих жалобах опасение за здоровье населения и агитировали за гигиеническую необходимость пешеходного движения и туризма. Тут мы имеем пример конкуренции со стороны двух отдаленных по характеру удовлетворяемых ими потребностей областей промышленности, борющихся за «доллар потребителя».

Важным фактором, влияющим на обострение конкуренции, является классовая борьба, вопросы заработной платы, рационализации и связанные с нею сдвиги в стандортах промышленности. Так, например, текстильная и обувная промышленности штатов Новой Англии передвигаются одна на юг, другая на юго-запад. В результате получается продолжительный кризис в Новой Англии. Промышленники и административные органы Новой Англии организуют защиту своих интересов, в которой значительную роль играет проведение строгой рационализации, натиск на заработную плату и устранение социального законодательства, выигранного в более ранний период классовой борьбы в этой области.

Недавно я читал протест промышленников Новой Англии против рекламы одного из южных городов, а также рекламы известного на юге электросилового общества, приглашающего капитал к инвестициям на юге, так как там имеется и дешевая рабочая сила, и дешевая электрическая энергия. Прибавлю сейчас, что это электросиловое общество, т. н. «Алабама Пауэр Компани», являющееся частью громадного электросилового треста, примыкающего к Дженерал Электрик, само занималось насаждением текстильных предприятий на юге, как средством развития своего электросилового дела. Здесь мы имеем более сложный пример «новой конкуренции», обнимающей в данном случае конкурентную борьбу одной территории с другой, борьбу между двумя весьма отдаленными отраслями промышленности, и все это на фоне борьбы против рабочего класса. Аналогичный пример мы имеем в угольной промышленности (битуминозный уголь), где на фоне борьбы против рабочего класса произошло перемещение производственного центра из центральной области на юг и выявилась междутерриториальная конкуренция этих областей за потребителя, в которую соответственным образом втянуты также ж.-д. линии этих областей.

Наконец, не следует также упускать из виду продолжающуюся в той или иной—часто более сложной—форме борьбу между независимыми капиталисти-

скими предпринимателями и трестовскими организациями, особенно,— поскольку вопрос касается САСШ,— между фермерами и организованным крупным капиталом. Для краткости укажу без деталей только на два примера из последних событий в САСШ. Когда всего несколько недель тому назад появилось газетное известие о том, что банк Моргана приобрел через контролируемое им электросиловое общество другое электросиловое предприятие, владеющее отдельными энергетическими источниками реки св. Лаврентья, то началось сильное волнение среди фермеров Центрально-Западной области, вернее: долины Миссисипи, заинтересованных в проведении водного сообщения от Великих Озер до Мексиканского залива. И этот вопрос, вместе со жгучим вопросом о контроле электроэнергией штата Нью-Йорк, всплыл снова со всей остротой. Другой пример: после двухдневной свалки в сенате в сентябре т. г. последний должен был вычеркнуть из нового таможенного закона существовавшую до сих пор привилегию в пользу крупнейших мукомолов города Боффало на беспошлинный ввоз канадской пшеницы для мукомольных и экспортных целей: здесь общим интересам крупных мукомолов и канадских фермеров были противопоставлены американские пшеничные фермеры вместе с мукомолами Западных провинций.

Я хочу указать еще на интересный пример возникновения или обострения конкуренции, в данном случае «новой конкуренции» в результате классовой борьбы. Всеобщая стачка углекопов привела к тому, что многие громадные здания и госпитали, являющиеся главными потребителями антрацита, перешли на нефтяное отопление. Нефть таким образом вытеснила антрацит. Я подчеркиваю этот пример потому, что т. Бухарин сам оттеняет обострение классовых противоречий в процессе и в силу роста монополий. Но это обострение противоречий, ясное дело, включает стачки рабочего класса: хотя они и сплачивают предпринимателей, но вместе с тем они являются фактором, обостряющим конкуренцию в лагере капиталистов. Правда, т. Бухарин может против этого выдвинуть то соображение, что расширение монополии обозначает расширение власти финансового капитала и таким образом ту возможность, что в конечном счете те же финансисты, теряющие на уменьшении потребления антрацита, выигрывают на увеличении потребления нефти. Я этому вопросу отношения между финансовым контролем и конкуренцией уделяю особое место. Но уже здесь замечу, во-первых, что подобное более продолжительное перемещение производства должно было бы непременно пробить брешь в той мнимой производственной п л а н о в о с т и, какую, по мнению т. Бухарина, будто бы развивает рост монополистического хозяйства; во-вторых, что действительная общность и соглашение, устанавливаемые по мере развития монополий в лагере финансового капитала, основывается, так сказать, на известном контингентировании прибылей от контролируемых предприятий. Между тем, в силу неравномерного распределения элементов капитала, производственных и рыночных возможностей и тем самым также и нормы прибыли в различных отраслях промышленности, всякое перемещение производства должно вызвать перемещение прибылей, а значит и борьбу в лагере финансового капитала за прибыльную квоту.

В чем состоит сущность этой «новой конкуренции», которая, надо сказать,

насмехается над результатами простой горизонтальной трестификации и существование которой подчеркивают американские промышленники и финансисты. Причиной этой новой конкуренции, примеры проявления которой я отчасти уже показал, является противоречие между производственными возможностями, между мощностью производственного аппарата и рыночными отношениями. Это противоречие создает то, что называется на американском экономическом жаргоне «борьбой за доллар потребителя» или, употребляя другое выражение, «давлением распределения». Кстати сказать, вопросы «распределения» занимают теперь в американской экономике настолько видное место, что отдельные авторы называют настоящий период «веком распределения». Это противоречие, это «давление распределения» создает ту практику «искусства продажи под высоким давлением», с громадными издержками на рекламу и на весь аппарат продажи, и ту борьбу внутри самой торгово-распределительной организации, которая является одним из наиболее характерных проявлений «новой конкуренции». Так, например, мы видим сплошь и рядом, как оптовые торговцы вдруг открывают целую сеть розничных магазинов, в ответ на что розничные магазины создают свою организацию по оптовой покупке. Мы видим, как промышленники стараются вытеснить оптовиков, организуя оптовую продажу непосредственно розничным торговцам или даже свою собственную сеть розничной продажи. Кстати сказать, мы наблюдаем и обратное явление, когда крупные оптовики или крупные розничные торговцы, а иногда ассоциации или группы розничных торговцев организуют свои собственные фабрики. Но, как бы то ни было, мы замечаем одно крайне важное явление — это значительный рост распределительного аппарата по сравнению с производственным. В этом разбухании распределительного аппарата — замечу уже вскользь здесь — являющемся результатом основного противоречия между развитием производства и распределением, а не в относительно неважном явлении бюрократизма производственного аппарата, подчеркиваемом т. Бухариным, следует искать моменты загнивания монополистического капитализма, не умеющего, несмотря на рост и развитие монополистических форм рыночных цен, справиться с основными вопросами рынка.

Но эта «новая конкуренция», действие которой я постараюсь показать еще в дальнейшем, нисколько не устранила старой. Старая конкуренция шла по горизонтальной линии: это была конкуренция между однородными производителями. Я здесь не говорю о конкуренции, даже самой обостренной, между мелкими предприятиями, которая как раз обостряется вследствие создания мощных [illegible]стов и продолжает существовать в данной отрасли и в том случае, когда [illegible]нный трест или картель вполне контролирует эту отрасль промышленности. Я имею в виду конкурентную борьбу между мощными производственными группами, которые в своей общности контролируют данную отрасль промышленности. И вот мы имеем на этом поле в последнее время крайне острую и яркую [illegible], которая уже вызвала появление выражения о «борьбе гигантов». Более [illegible] мы имеем явления такого рода, что уже установившиеся было соглашения [illegible]ных предпринимательских групп относительно контроля цен, вследствие при[illegible]ин, которые я далее устанавливаю и которые в своей основе не являются ничем [illegible]м [illegible] проявлением конкуренции, на время расторгаются. На практике обе

формы конкуренции переплетаются между собой и являются лишь формами одного и того же явления, одного и того же противоречия.

Дадим примеры этой «борьбы гигантов»:

В железнодорожном деле. В связи с планами главных железнодорожных обществ относительно создания требуемых законом 1920 г. консолидаций железнодорожных предприятий в отдельные территориальные системы, наблюдается острейшая борьба железнодорожных обществ за включение той или другой железнодорожной линии в свою систему. Мы имеем на востоке борьбу крупнейшей Пенсильванской железной дороги в союзе с некоторыми другими против комбинации других крупных железнодорожных обществ, именно Нью-Йорк Сентрел, Болтимор энд Огайо, железных дорог группы Ван Сверинген и так называемой линии «Биг Фор»: мы имеем на северо-западе борьбу недавно реорганизованной Милвоки энд Сент-Поль против комбинации Нордерн Пасифик и Грейт Нордерн; мы имеем на юго-западе запутанную борьбу железнодорожного магната Лори за контроль железнодорожных линий этой области против меньшинства акционеров, с одной стороны, и против иных группировок, с другой; и различные явления борьбы в других территориях. Но за кулисами этой борьбы, в действительности, происходит борьба за контроль в железнодорожном деле между двумя могущественными банкирскими группами: Морган-Бейкера, с одной стороны, и Кун, Леб и К°, с другой. Борьба эта проходит красной нитью через все финансовые сделки, причем различные другие железнодорожные группы либо присоединяются к одной из сторон, либо должны выдерживать натиск обоих мощных конкурентов.

Но, наряду с этой «старой конкуренцией» в транспортном деле, мы имеем «новую конкуренцию». Это — конкуренция автобусов и грузовиков с железными дорогами и нарождающаяся конкуренция авиации. Статистика пассажирского и грузового движения железных дорог за последние годы показывает чувствительные потери в связи с развитием автобусного дела и автогрузового транспорта. Предприятия этого рода, не требующие большой капитализации, развились с удивительной быстротой, и теперь железные дороги, с одной стороны, требуют от государства подобного же регулированья этого дела, какой сами они подвергнуты со стороны государства, а, с другой, скорейшим темпом сами создают конкурентные автобусные и автогрузовые предприятия, которые они связывают с железнодорожным движением собственных линий. Следует также заметить, что в отношении авиации железнодорожные общества оказываются теперь более дальновидными и приобретают сразу же контроль или влияние над отдельными авиационными обществами.

Одной этой борьбой далеко не исчерпывается конкурентная борьба в железнодорожном деле. Тесная связь железнодорожного дела с угольной промышленностью привела к острой борьбе железнодорожных групп,—на этот раз по территориальной линии,—по вопросу о грузовых ставках на уголь из северных районов (штаты Пенсильвания и Огайо) и южных районов (Вест Вирджиния, Кентоки), направляющихся на запад страны. Эта борьба была лишь отражением борьбы производителей угля по той же территориальной линии. В нее была втянута также междуштатная комиссия по транспорту.

Возьмем теперь стальную промышленность. При рассмотрении отношений этой промышленности мы должны установить два обстоятельства. С одной стороны, существует известный Стальной трест, который в довоенное время контролировал около 50% производства стальных болванок, а в настоящее время около 40%; с другой, существуют мощные «аутсайдеры» в лице таких предприятий, как Бетлегем Стил с его контролем около 15%, Джонс и Лефлин, Юунгстау и др.; в общем 10 крупных фирм контролируют более 80%, а остальные более мелкие производители имеют подчас мощную финансовую поддержку, являясь частью какого-то другого промышленного комбината. Независимо от превосходства Стального треста над «аутсайдерами» и установившихся отношений между ними, мы имеем то положение, что вся промышленность в целом со времени создания Стального треста в 1901 г., существует на монополистических началах. Всем вам известны так называемые «обеды Гейри», являвшиеся «соглашением джентльменов» относительно рыночных цен. И вот, незадолго до смерти самого Гейри, мы слышим из его уст,—а также из уст других промышленников,— горькие жалобы на «нечестную конкуренцию», на низкие цены и на низкую прибыль стальных предприятий. Отдельные отчеты стальных предприятий в 1927 г. и отчасти в 1928 г. указывали на отсутствие прибылей, объясняя их не столько понижением объема сбыта, сколько падением цен. Интересно установить, что падение цен явилось результатом практики так называемого «оттенения» установленных цен со стороны отдельных предприятий, приводившего к срыву общеустановленных рыночных цен. Но, более того, основанием к подобному давлению на стальные цены и срыву общих цен явилось в действительности также и давление мощных потребителей, в данном случае автомобильных предприятий. На это обстоятельство жалуется, например, известный орган стальной промышленности «Айрон Эйдж» от 23 февраля 1928 г. при сравнении «больших прибылей автомобильных предприятий с сравнительно маленькими прибылями стальной промышленности», и специально при сравнении баланса Стального треста за 1927 г. с балансом Дженерал Моторс за тот же год.

В этом пункте я хочу указать на другой подобный пример давления со стороны крупного потребителя на установленную монополистическую цену. Когда цены на каучук пали сильно весною 1928 г. в результате устранения контроля в форме закона Стивенсона, то американские каучуковые предприятия, имевшие на руках довольно значительный запас каучука, сделали усилия удержать цены на автомобильные шины. Известные предприниматели Файерстон, Зейберлинг заявили, что цены на шины будут удержаны. Но что же случилось? Сейчас же после этого отдельные крупные торговые дома, продающие по почте, как известный Сирс. Рубак и К°, Монтгомери и Ворд и др., объявили понижение цен на продаваемые ими в большом количестве автомобильные шины и принудили фабрикантов также понизить цены. Должен прибавить, что производство каучуковых изделий находится в руках всего нескольких необыкновенно мощных предприятий, связанных с не менее мощными финансовыми группами.

Смысл этих двух примеров состоит в том, что картелированная индустрия должна была изменить свои цены под давлением мощного потребителя, проявляя.

с одной стороны, конкуренцию между предприятиями по отдельным стадиям производства и распределения, с другой, создавая новые конкурентные отношения среди участников картелированной отрасли.

Перейдем к автомобильной индустрии. Про ожесточенную борьбу между Дженерал Моторс и Фордом знает весь мир. Сейчас же после выпуска Фордом новой модели, связанной с реорганизацией всего завода и стоившей Форду по газетным сведениям около 100 мил. долл., Дженерал Моторс переменил свою четырехцилиндровую модель Шевроле на шестицилиндровую, что стоило, говорят, 30 мил. долл. Интересно однако отметить, что эта борьба ни в коем случае не является лишь двухсторонней борьбой. Всего год тому назад произошло слияние двух крупных автомобильных предприятий — Дадж Бродерс и Крайзлер Корпорейшен, целью которого была конкуренция в этой же области дешевых автомобилей. Сравнение цены Форда, Шевроле, Крайзлера и еще одной марки — Випет показывает, как тесно эти цены примыкают друг к другу. Напомним кстати, что за контроль над Дадж Бродерс велась в 1924 г. решительная борьба между Морганом и банком Дилон, Рид и К°, в которой последний оказался победителем, опередив Моргана использованием аэропланного сообщения.

Упомянем вкратце другие отрасли промышленности. В нефтяной промышленности мы имеем сложнейшую картину конкурентной борьбы и связанный с ней кризис перепроизводства. В связи с открытием новых источников мы наблюдаем попытки регулировать производство нефти, в ходе которых обнаруживается борьба частных владельцев на землю, проспекторов, мелких производителей сырого продукта с мощными владельцами нефтеперегонных предприятий, а также владельцами нефтепроводов, с одной стороны, и борьбу мощных нефтяных групп за распределение продажи бензина и других нефтяных продуктов (борьба за сеть бензиновых станций), с другой. Борьба переносится также на внешний рынок, причем упомянем здесь снова тот факт, наблюдавшийся уже в автомобильной промышленности, что в недавней ожесточенной борьбе групп Стандарт Ойл с Датч-Шэлл принимала участие и третья мощная нефтяная группа Тексас Компани, являющаяся третьим по величине производителем в стране. В связи с этим обществом нам приходится упомянуть еще то обстоятельство, что мы наблюдаем здесь необыкновенно сложную финансовую перегруппировку интересов, являющуюся отображением конкурентной борьбы различных групп за контроль над промышленностью. Мы видим, например, особую политику одной из могущественнейших финансовых групп страны — Меллона, представленную в сильной степени также в нефтяной промышленности, тормозившую одно время создание так называемых производственных «пулей» в новых нефтеносных областях. Мы видим далее вторжение новых финансовых групп в старые предприятия и связанное с этим вторжением дальнейшее трестифицирование нефтяной промышленности. Мы говорим про вторжение известной группы финансистов—Артура Коттена и братьев Фишер, тесно связанных, между прочим, с Дженерал Моторс и, должно быть, с банком Моргана, в такие предприятия, как упомянутая «Тексас Компани» и известная нам в Советском Союзе компания Синклера; мы замечаем вытеснение крупнейшего нефтяника Догени; наконец,— интереснейший факт,—мы наблюдаем известную перегруппировку в группе

Стандарт Ойл, обозначающую, с одной стороны, консолидацию интересов мощнейшей группы Рокфеллера в отношении контроля над Стандарт Ойл (мы припоминаем борьбу Рокфеллера с Стюартом за контроль Стандарт ойл оф Индиана), а с другой, изменение соотношения отдельных территориальных единиц этой группы между собой. Правда, известные слухи о конкуренции между этими единицами, опирающиеся на отдельные факты вторжения одной территориальной единицы в область другой, и, между прочим, также на продажу Рокфеллером банкирам Блейр К° своего пакета акций, в компании Атлантик Рефайнинг К°, принадлежащей к группе Стандарт Ойл, были преувеличены. Но разделение группы Стандарт, даже при сохранении единства контроля, должно было непременно повлиять на характер развития ее отдельных частей, а значит и группы в целом. А именно, каждая начала развивать свои собственные тенденции роста. Так, например, Стандарт Ойл оф Нью-Йорк, передававший доселе свое нефтеперегонное дело Стандарт Ойл оф Нью-Джерси, строит теперь на самой границе штата Нью-Йорк и Нью-Джерси свой собственный громадный перегонный завод. С другой стороны, упомянутое сплетение интересов Рокфеллера с банками имело своею целью не что иное, как консолидацию интересов для предотвращения вторжения других крупных производителей на территорию Стандарта. Не редки в борьбе нефтяных групп случаи прокладки параллельных нефтепроводов. Но достаточно примеров.

Разрешите мне теперь поставить вопрос: являются ли все приведенные мною примеры из американской капиталистической практики достаточным доказательством против положений т. Бухарина?

На самом деле. Разве явления простой конкуренции, «борьбы гигантов» и пр. не означают просто, что процесс трестификации еще далеко не закончен: разве самый факт постоянных и гигантских слияний во всех почти сферах хозяйственной жизни не является прямым доказательством этого обстоятельства? Далее, разве устремление финансового капитала в настоящий период в сферу торговли, в сферу изготовления продуктов массового потребления, а также все более усиливающийся процесс образования вертикальных трестов, не является просто формой дальнейшего процесса интеграции финансового капитала, в ходе развития которого мы находим те обострения внутренних противоречий, которые признает и т. Бухарин, когда он говорит о «смене индивидуальной конкуренции конкуренцией гигантских организаций»?

Пойдем еще дальше. Возьмем, например, конкуренцию между так называемым «белым углем», т. е. водной энергией, и каменным углем в деле электрификации. Казалось бы, что совершенно безразлично, употребят ли новопостроенные гигантские электрические силоустановки г. Нью-Йорка паровые турбины, как они в действительности сделали, основываясь на их экономности, или будут получать электрическую силу из гидроэлектрических станций, поскольку исключительный контроль водной энергии всего восточного края страны и значительная доля всей электроэнергии находятся в руках финансовой группы Моргана-Меллона, так же, как и значительная доля производства угля. То же самое следует сказать и относительно борьбы электричества и газа, скажем, в новейшем деле установки промышленных и домашних холодильников. Ведь та

же группа известного магната Инсула, контролирующая львиную долю электроэнергии в центральных штатах страны, контролирует также при помощи тех же самых «холдинг компани» и газовые предприятия этой области и в другой комбинации и угольные копи. А в отношении борьбы нефти и газа, разве такие тузы, как Рокфеллер со Стандарт Ойл или Дохерти из Ситис Сервис, не контролируют рядом с нефтью и производство и проводы натурального газа, не говоря уже об электроэнергии и угольных копях?

И так далее, и тому подобное.

Все это верно. Но это не только не усиливает позиции т. Бухарина по вопросу о постепенном отмирании конкуренции и росте плановости внутри национального хозяйства, которые будто бы происходят в результате роста «гигантских организаций», а, наоборот, обнаруживает ее несостоятельность.

Совершенно непонятно, каким образом возможно «расширенное воспроизводство капиталистических противоречий», которое не вызовет вместе с тем обострения рыночного выражения этих противоречий в форме обостренной борьбы за цены и территорию сбыта. Уже сама обостренная классовая борьба, как мы указали, должна действовать в этом направлении. Мы увидим дальше, что не менее важным фактором обострения внутренней конкуренции является как раз выдвигаемое т. Бухариным с такой четкостью обострение конкурентной борьбы на мировом рынке, несмотря на то, что оно вместе с тем является и фактором, сплачивающим данное национальное монополистическое хозяйство как будто в один самодовлеющий организм. Но это сейчас не главный вопрос. Для меня гораздо важнее та часть концепции т. Бухарина, которая говорит о росте плановости в национально-трестовском организме и которая идет вразрез с основными марксистско-ленинскими взглядами на основы капитализма в его высшей монополистической форме.

Чтобы хотя слегка выяснить этот вопрос, я должен сказать, что надо провести известную грань между динамикой капиталистического процесса производства и материального процесса аккумуляции, т. е. фактом концентрации и интеграции производства, создающим сплетение различных отраслей промышленности в производственном процессе, с одной стороны, и фактом интеграции финансового капитала, создающим сплетение финансовых групп между собою, в одну финансовую олигархию, с другой. Хотя второе обстоятельство является в общем отражением и следствием первого, но оно, в свою очередь, влияет на ход производства и его интеграции; в различные моменты и в различных частных случаях направления этих двух процессов не покрывают друг друга и между ними получается противоречие.

Но не это составляет главную суть проблемы. Анализ создания гигантских производственных единиц обнаруживает два фактора, которые решительным образом противодействуют тому росту плановости, о которой говорит т. Бухарин. Первый из этих факторов заключается в том, что вертикальные тресты, составные части которых действительно дополняют друг друга и являются одна потребителем другой, представляют далеко не стройное симметрическое целое, а обнаруживают значительную несоразмерность своих частей. Эта несоразмерность, как я укажу на примерах отдельных громадных комбинатов, является

выражением того обстоятельства, что создание этих комбинатов шло главным образом путем слияния различных создавшихся до того единиц, которые по своей мощности очень часто превосходят нужды комбината в целом.

Так, в текстильной промышленности мощность красильной или аппретурной части трестифицированного предприятия часто превосходит его прядильную способность; в медной промышленности и промышленности цветных металлов вообще существует и частичная и общая диспропорция между добычей руды и плавильными заводами, особенно в связи с употреблением новых электролитических методов очищения; в стальной промышленности существует диспропорция между прокатными и сталелитейными заводами; в нефтяной—несоразмерность между добычей сырой нефти и нефтеперегонными заводами, нефтепроводами и т. д.

Но, чтобы держать на низком уровне стоимость производства, комбинату приходится использовать по мере возможности мощность всех своих составных частей. Поэтому он ищет заказы на данный единичный производственный процесс или в той же индустрии, или же в других индустриях.

Другой фактор—это рост самого производственного гиганта, в силу которого он развивает производство побочных продуктов, сырья и энергии. Оба эти фактора делают совершенно утопичной какую-либо плановую установку производства, так как в действительности эти растущие гиганты, мощность и объем производства которых создают как будто бы элементы плановости, врываются один в деятельность другого и в сфере производства, и в сфере распределения и потребления.

К действию этих факторов надо еще прибавить немаловажный фактор неравномерной конъюнктуры в различных отраслях производства, которая имеет своим последствием постоянное изменение в производственной програме отдельных частей данного промышленного гиганта, а следовательно, и соотношении между ними, что неизбежно приводит к срыву мнимой плановости, подчеркиваемому еще временным, а иногда и постоянным закрытием громадных подчас предприятий. Это не просчеты, как думает т. Бухарин, а внутренняя противоречивость капиталистического хозяйства.

Еще одно замечание. Более тщательное исследование производственных програм различных крупнейших предприятий или калькуляций будущего производства данной отрасли промышленности обнаруживает тот факт, что в лучшем случае подобная «плановость» опирается на более или менее хорошо поставленную статистику национального и мирового производства и потребления и их тенденций за последние годы. Исходным пунктом этой «плановости» является, таким образом, не сознательное направление хозяйства, а приспособление к неосознанным и ускользающим от регулированья рыночным факторам, улавливаемым довольно смутно и неопределенно статистикой.

Разрешите привести несколько примеров. Возьмем текстильную промышленность. Вследствие вторжения новой отрасли текстильного производства, именно производства искусственного шелка, изменились совершенно отношения во всей текстильной—первым делом, хлопчатобумажной—индустрии и внутри крупных текстильных предприятий. Часть промышленности или часть предприятий—приведу для примера крупное предприятие «Amoskeag Manufacturing

С°»— производящая так называемые «фенси гудс», т. е. тонкие ткани массового личного потребления, должна была сократить производство и нести в этом отделении убытки. Но хлопчатобумажная индустрия является также производителем промышленного сырья в виде грубых тканей для автомобильной промышленности, для производства резиновых шин и т. д. Эта часть промышленности развивалась вполне благоприятно в связи с сильным развитием автомобильной промышленности. Различные текстильные предприятия перенесли центр тяжести на производство более грубых тканей. Идем дальше: когда вышеназванное громадное предприятие несколько лет тому назад построило вместе с водоснабжением огромную силоустановку, оно, рассчитывая на свой рост, построило ее значительно более мощной, чем это требовалось его производственной программой: оно поэтому должно было найти себе среди других предприятий в окрестности потребителей электрической энергии, отбирая их у существующего там же электросилового предприятия. Таким образом, производственная программа последнего должна была строиться с учетом этой конкуренции.

Однако дезорганизация, внесенная производством искусственного шелка, не остановилась на текстильной промышленности; появление этой отрасли внесло новые отношения в химическую, бумажную, лесопильную, лесохимическую и электросиловую промышленность. Эти перемены можно проследить, например, на истории слияний, которые провел за последние годы такой промышленный гигант, как «Интернешенел Пейпер энд Пауер Компани». В результате проведения громадной программы экспансии путем слияний и строительства общество является в настоящее время крупнейшим фактором в целом ряде отраслей промышленности: так, оно является первым по величине производителем печатной краски и разных сортов газетной и упаковочной бумаги; в связи с производством бумаги оно производит половину мирового потребления сульфидной древесины, которая является сырьем при производстве искусственного шелка, и, наконец,— хотя это далеко не кончает производственных связей и перемен, — это предприятие является одним из крупнейших электросиловых предприятий. В этом последнем отношении к нему можно применить сказанное про «Amoskeag». Производственная программа этого предприятия врывается, таким образом, в химическую, текстильную, лесную, бумажную и электросиловую отрасли промышленности и может легчайшим образом сделать брешь в любой «плановой» программе других отраслей промышленности и других предприятий.

Возьмем стальную промышленность. Тот процесс усиленной трестификации, который наблюдается в ней в послевоенный период по линии вертикальных об'единений, захватывающих громадные машиностроительные предприятия (паровых и электрических паровозов и силоустановок), является в действительности выражением того вдвойне диспропорционального положения, в силу которого, с одной стороны, эта промышленность в целом обладает большей мощностью в деле отделки стали, чем в деле приготовления стальных болванок: а, с другой стороны, отдельные мощнейшие стальные предприятия, включая сюда и Стальной трест, в деятельности которых заинтересованы самые крупные финансовые группы страны, обнаруживают совсем непропорциональное развитие отдельных процессов и стадий производства.

В связи с этой непропорциональностью развития одно замечание. В середине 1928 г. который в отношении объема производства стали был рекордным годом, мы наблюдаем следующее положение по отдельным цехам, вызванное положением в отдельных отраслях производства (консервная, строительная, нефтяная, сел. хозяйство, ж.-дорожное дело и т. д.), являющихся потребителями стали: жесть — 90 — 95%, рельсы (Чикаго) — 85%, листовая сталь — 75 — 80%, трубопрокатные заводы — 65%, полосовая сталь — 40 — 50%, проволочные изделия — 35 — 40%.

Заказы железных дорог, употреблявших раньше около 25%, а в настоящее время около 20% стали, поступают не постепенно, а, так сказать, большими прыжками. С другой стороны, автомобильная промышленность, еще всего два-три года тому назад бравшая около 14%, теперь, в связи с постройкою более мощных моторов и более тяжелых машин, забирает около 17% стали. Но эти сдвиги в потреблении различных индустрий означают сдвиги в производстве различных сортов стали, создавая лишний раз брешь в первоначальной производственной программе.

А ведь неравномерность развития различных индустрий и, далее, неравномерность рыночного положения отдельных индустрий, даже в периоды хорошей конъюнктуры — явления, которых не отрицает и тов. Бухарин для эпохи монополистического капитализма. Как мы видим, для плановости, о которой говорит т. Бухарин, даже в объеме одной индустрии больно мало места. То же самое, что выше указано относительно стальной промышленности, целиком относится и к производству меди — латуни; к нефти и сети нефтепроводов, цистерн и бензиновых станций, к розничной продаже и т. д. Таким образом, действительная плановость невозможна, благодаря уже созданным производственным отношениям. Прошлое капитализма тяготеет над его настоящим. Поэтому, в противоположность мнению тов. Бухарина, я утверждаю, что малейшие попытки введения действительной плановости в масштабе всего народного хозяйства означали бы революцию в этом хозяйстве, возможную только в результате пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата.

Я возвращаюсь, однако, к первоначальному вопросу о соотношении между финансовым капиталом и конкуренцией. Я вполне согласен с т. Бухариным относительно того, что финансовый капитал захватывает все более и более все сферы национального хозяйства, и что в силу этого получается как будто известная тенденция к созданию одного национального треста. Но мне кажется, что т. Бухарин представляет себе этот процесс как-то механически, а не диалектически: поэтому у него исчезают внутренние противоречия этого процесса (я говорю не о социальных, которые т. Бухарин подчеркивает, а об экономических противоречиях). Дело в том, что интеграция банкового капитала с промышленностью и торговой страны в форме всеобъемлющего финансового контроля нисколько не означает какую-либо стабилизацию отношений в лагере самого финансового капитала. Мы имеем там постоянные перемещения и перегруппировки, которые можно проследить во всех его звеньях. С одной стороны, мы имеем возникновение новых влиятельнейших групп, создающихся в результате разложения мелких и средних предприятий и отчасти в связи с хозяйственным разви-

тием отдельных территорий или новых отраслей промышленности. Так, на фоне банкротства и кризиса многих мелких и средних банков, а также хозяйственного роста штата Калифорния, возникает в САСШ влиятельнейшая в настоящее время финансовая группа Джианини, проникшая не только в неисчислимое количество крупных предприятий внутри страны, но сунувшая свои щупальцы также и заграницу, особенно в Италию. Эта группа Джианини контролирует теперь, кроме известных Бэнк оф Итали и Бэнкитали Корпорейшен, и финансовое общество «Трансамерика Корпорейшен», располагающее ресурсами, превосходящими два млрд. долл. На подобном же фоне кризиса различных финансовых и промышленных предприятий выросла весьма влиятельная в Нью-Йорке группа братьев Джонас, которая контролирует финансовое общество «Файненшел энд Индострпал Корпорейшен» и различные нью-йоркские банки. Обе группы «завоевали» себе место в Уолл-Стрит.

С другой стороны, мы имеем факты упадка или ослабления ряда финансовых групп в результате борьбы за контроль. Я приведу пример, касающийся каучуковой индустрии, показывающий, как одна капиталистическая группа с помощью тех или иных финансовых сделок вытесняет из данного предприятия другую группу, толкая последнюю или к созданию конкурентного предприятия, или к поискам финансовых союзников для новой борьбы за прежнее, или же к инвестиции в какой-нибудь другой области. Я укажу на судебный процесс меньшинства акционеров известного предприятия Гудирр Тайр энд Роббер К° против известного банка Дилон, Рид энд К°, обвиняемого в систематическом ограблении Компании, и связанные с этим судебные процессы основателя и бывшего владельца этого предприятия, Зейберлинга, который потерял контрольный пакет в обществе, основал новое предприятие под названием Зейберлинг Роббер Компани, но в то же время удержал пакет акций и боролся вместе с союзниками за контроль над Гудирр Тайр К°. Мы видим дальше на примере крупных финансистов, особенно выделившихся в период неимоверной биржевой спекуляции, в лице умершего недавно хлебного магната Джемса Патена, основателя Дженерал Моторс Дюранта, упомянутых уже Артура Коттена и братьев Фишер, как новые финансовые интересы врываются в контроль над мощными предприятиями старых установленных групп и их вытесняют. Можно это проследить хотя бы на примере таких известных предприятий, как Армур энд К°, Болдвин Локомотив, Гудирр Тайр, Синклер Панамерикен Петролеум, Тексас Компани и ряд других. Причина этого явления лежит также в том, что очень часто, вследствие большого разветвления интересов, контроль этот является фиктивным и с помощью искусной финансовой манипуляции может быть легко расторгнут. Но даже в самом солидном по монолитности контроля предприятии представлены всегда «чужие», так сказать, влияния, против которых надо окопаться.

Все же можно спросить: а не возможно ли соглашение между этими финансовыми группами? Ведь существующие комбинаты во всех областях являются сплошь да рядом результатом прежнего слияния и соглашения различных предприятий и групп; что же невозможного в том, чтобы все эти группы согласились и создали одну общую группу? Вопрос этот вторгается в сущность всего процесса капиталистического производства и накопления. Но в этом аспекте я

его здесь ставить не собираюсь. На самом деле, мы находим конкурирующие группы представленными в одном и том же предприятии. Так, напр., в организованном в прошлом году слиянии аэропланных и авиационных предприятий под названием «Юнайтед Эйркрофт энд Транспорт» с капиталом в 150 млн. долл. (крайне «разводненного») имеются в правлении представители Дженерал Моторс наряду с представителями Форда, Стандарт Ойл, Нэшенел Сити Бэнк и др. Но тот факт, что в процессе овладения финансовым капиталом все большей доли хозяйства страны проявляется также интеграция финансового капитала, т. е. сплетение финансовых групп и интересов, еще далеко не означает исчезновения или даже уменьшения конкуренции внутри данного капиталистического хозяйства. В действительности же факторы, работающие в направлении интеграции, ежеминутно разрушают различные звенья этой ценной системы финансовой структуры страны. Между прочим, одной из форм конкуренции является весьма резкая временами текучесть портфелей ценных бумаг, держимых различными инвестирующими финансовыми обществами в зависимости от дивидендных перспектив того или другого предприятия. Так, когда клиент одного из так называемых «инвестмент трест» жаловались на отсутствие списка содержимых ценных бумаг, что не дает возможности представить картину дивидендных возможностей этого учреждения, то ответ правления гласил, что всякий публикуемый список к моменту его опубликования уже оказался бы устаревшим.

Многим важнее, однако, непрерывные сдвиги конкурентного характера, создающиеся внутри страны в результате экспорта капитала и международной торговли вообще. Крайне резкое деление, проводимое т. Бухариным, на внутренний и мировой (или внешний) рынок создает впечатление, будто они отделены друг от друга какой-то непроницаемой стеной. В действительности — если исключить Советский Союз с его монополией внешней торговли и полным контролем рабочего правительства над хозяйством страны — это положение т. Бухарина совсем не отражает существующих отношений. На самом деле, резкая конкурентная борьба на мировом рынке не может не отразиться в том же духе — несмотря на различные импортные и экспортные объединения и существование пошлинных ограждений—на внутренних рыночных отношениях. Припомним, напр., что в результате борьбы между Дэтч-Шэл и предприятиями Стандарта обострилась также конкуренция на нефтяном рынке в САСШ, где обе группы начали вести острую борьбу, припомним далее, что советская нефть конкурировала с нефтью Дэтч-Шэл на территории самой Англии, и находила себе там покупателей; припомним также, что нефть Стандарта конкурировала с Дэтч-Шэл на территории Индии, связанной тесно с хозяйством метрополии. А что касается автомобильной промышленности, то усиленный экспорт автомобилей из САСШ за последние годы является как раз последствием конкуренции на внутреннем рынке.

Но это далеко не все. Если Интернешенел Харвестер К° строит свой тракторный завод во Франции, если Дженерал Моторс или Форд строят свои заводы и отделения во всех частях мира, то это по всей вероятности принесет дивиденды акционерам этих предприятий (и то должно быть не всем), но это несомнен-

но обострит конкурентные отношения внутри самих САСШ. Заметим, что в то самое время, когда група Стандарт Ойл вела борьбу с Дэтч-Шэл за овладение нефтеносными землями в Венецуэле, дочернее общество Дэтч-Шэл получило ссуду и было финансировано на ньюйоркском денежном рынке. Или — я спрошу далее — тот факт, что упомянутый несколько раз банкирский дом Дилон, Рид энд К° финансировал европейский Стальной картель, равно как и «Этаблисман Кульман», разве не должен в конечном счете отозваться на обострении конкуренции в стальной и химической промышленности САСШ?

Мы видим, как развитие монополистического капитализма, устраняющее конкуренцию с одной стороны, удаляющее ее, так сказать, через одно окно, порождает конкуренцию с другой стороны, впускает ее же через другое окно.

Абстрактно теоретически — если не придерживаться взгляда школы Розы Люксембург о том, что крушение капитализма заложено в его иммапентных законах, ведущих к экономической невозможности роста капитализма — возможен и единый национальный и единый международный трест. Но обе эти возможности обуславливают на как взгляд друг друга. Те же противоречия, которые не дают возможности создать единый международный трест, делают невозможным и образование единого национального треста.

В заключение несколько замечаний.

Первое замечание касается вопроса о техническом прогрессе и монополии. Не знаю почему,— возможно, вследствие смущения перед фактом действительного технического прогресса,— т. Бухарин видит моменты загнивания монополистического капитализма лишь в каком-то бюрократизме монополистического производственного аппарата. Между тем значительный технический прогресс в капиталистическом хозяйстве различных стран, первым делом в САСШ, указывает на то обстоятельство, что конкуренция там не исчезает, являясь важным стимулом и фактором этого прогресса техники. Однако вопрос не в этом. В действительности, несмотря на бесспорный технический прогресс, мы видим в САСШ явные и яркие моменты не только социального, но и производственного загнивания. Не говоря о хроническом кризисе в так наз. «больных» отраслях промышленности и замирании отдельных территорий страны, мы видим, напр., как сплошь да рядом обусловленная и связанная с этим прогрессом массовая продукция бьет как бумеранг по капиталистическим предприятиям, вызывая или сокращение производства, или же процесс, обозначаемый в САСШ как тенденция к так наз. «диверсификации», создающей лишь в другой области те явления перепроизводства, которые она желает устранить в одной. Одно за другим предприятия оборудуют и устраивают свои заводы не только для производства первоначально планируемых изделий, но и для производства других изделий, подчас по своему характеру отдаленных от главного продукта. Это «подковывание себя на все четыре ноги» является, ясное дело, фактором задержки развития производительных сил и симптомом загнивания.

Второе замечание. Проводимое т. Бухариным резкое разграничение между внутренними и внешними противоречиями, являясь, с одной стороны, недиалектическим, может, с другой, вести к неверной идее о необходимом

преобладании в классовой борьбе пролетариата внешней политики над внутренней. Но подобно тому, как конкуренция на внешнем и на внутреннем рынке взаимно обуславливаются, или аналогично тому, как политическая и экономическая борьба пролетариата взаимно обуславливаются и превращаются одна в другую, точно также внешняя и внутренняя политика пролетариата — хотя в отдельные исторические моменты может проявиться известное подчеркивание то одного, то другого момента — дополняют и перерастают одна в другую. Так, например, мировой войне предшествовало обострение противоречий и между капиталистическими странами, и внутри их; обострение внутренних противоречий в этих странах послужило лишним стимулом к военному конфликту. Мне кажется, что формулировка т. Бухарина делает возможным некоторые нежелательные интерпретации, как это, например, случилось в американской компартии.

Наконец, третье замечание методологического характера. Тов. Бухарин, со свойственной ему силой спекулятивного мышления, указывает сам на то, что устанавливаемый им предел национальной трестификации, именно госкапитализм, явился бы отрицанием отдельных категорий капитализма внутри страны. Но он находится, мне кажется, на скользком теоретически и, пожалуй, политически, пути, если достижение даже этой неправдоподобной негации он видит не в нарастании всех противоречий капитализма, приводящем к прыжку от капитализма к его отрицанию, а в каком-то отмирании конкуренции и росте плановости в пределах национального хозяйства, т.-е. не в нарастании, а в уменьшении противоречий.

П Р Е Н И Я

Е. ХМЕЛЬНИЦКАЯ

Как известно, последний конгресс Коминтерна отметил в качестве одной из существенных черт новейшего развития мирового хозяйства «рост государственно-капиталистических тенденций как в форме государственного капитализма в собственном смысле слова (государственные электростанции, муниципальные, промышленные и тракторные предприятия), так и в формах все большего сращивания предпринимательских организаций с органами государственной власти». Социал-демократия пытается использовать эту тенденцию в современном капитализме для создания кровавой утопии «мирного врастания в социализм» на основе хозяйственной демократии. В рядах буржуазных экономистов крикливая и лицемерная критика госкапитализма, как «холодной социализации», критика, специально приспособленная для целей социальной демагогии в рядах мелкой буржуазии, чередуется, смотря по конъюнктуре, с рассуждениями о «новой эре капитализма», о его судьбах и т. д.

Пристальное изучение этой тенденции к нарастанию государственно-капиталистических элементов, естественно, все больше и больше должно привлекать внимание марксистской экономической мысли Однако, в последнее время, в связи с появлением известных статей т. Бухарина («Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии» и «Теория организованной бесхозяйственности»), обсуждение этой проблемы оказалось связанным с так называемой проблемой «организованного капитализма».

Подходя к анализу государственно-капиталистических тенденций, т. Бухарин намечает прежде всего два исторических этапа в развитии современного капитализма. Первый этап, или, по выражению т. Бухарина, «первый тур» в развитии государственно-капиталистических элементов, воплотился в хозяйственной системе передовых капиталистических стран, сложившейся в эпоху империалистической войны. «Второй тур» разыгрывается на современном третьем этапе развития послевоенного капитализма. Тов. Бухарин тут же устанавливает известную преемственную связь и различия между этими двумя турами. Преемственность между первым (военным) и вторым (современным) этапом в развитии государственного капитализма сводится к однородной тенденции пере-

растания сращенной с государством системы монополистических организаций в единый государственно-капиталистический трест, внутри которого «проблематика рынка» перестает играть решающую роль. Различие же заключается в **основе**, на которой протекает эта тенденция к организованной консолидации капиталистического «народного хозяйства». Если в первом, военном, туре этой основой служит военное потребление, хотя бы и за счет производства, то второй тур протекает на основе «нормального» роста капиталистической системы производства.

Оставим в стороне оценку нынешнего развития капитализма, как «нормального» (хотя бы и в кавычках), оценку, наводящую на печальные аналогии и параллели с известными взглядами правых оппортунистов в Коминтерне на третий период послевоенного капитализма. Остановимся на существе вопроса, на том, что объединяет оба тура, а именно — на тенденции к превращению капиталистического народного хозяйства в единый государственно-капиталистический трест, из которого проблематика рынка, кризисов, цен и т. д. «переползает», по выражению тов. Бухарина, в сферу мирохозяйственных отношений.

* * *

Нужно сказать, что если критически подойти к опыту первого тура государственного капитализма, а именно к хозяйственной системе передовых капиталистических стран эпохи мировой войны, то окажется, что этот опыт дает в сущности лишь **чисто-внешний** повод для подобной характеристики существа государственно-капиталистических тенденций. Стоит лишь критически прикоснуться к множеству конкретных данных, собранных в обширной литературе, посвященной «военному хозяйству» 1914 — 1918 гг. и вся поверхностность подобной постановки вопроса обнаружится с полной ясностью.

В самом деле, попытки капиталистического государства внести элементы организованности в хозяйство, сдавленное тисками войны, совершенно неоспоримы. История дала нам наиболее законченный, наиболее яркий образчик развития военного хозяйства в лице Германии эпохи мировой войны. Но и в других странах, непосредственно участвовавших в войне, мы наблюдаем, правда, отличные по форме и по степени, но однородные по существу процессы перестройки хозяйства. Нельзя также отрицать довольно серьезных успехов регулирующего вмешательства государства, особенно ярко проявившихся опять-таки в Германии (в силу ряда специальных условий).

Что же заставило капиталистические государства вступить на путь организующего вмешательства в хозяйственную жизнь?

Корень здесь заключается в глубокой внутренней противоречивости капиталистической хозяйственной системы. Империалистическая война, порожденная противоречиями капитализма, предъявила капиталистическому хозяйству запросы такого масштаба, что потребности войны неминуемо должны были вступить в противоречие с анархической, стихийной природой капитализма. **Анархия производства, породившая войну, оказалась бессильной перед задачей удовлетворения ее запросов.** Поэтому, несмотря на весь трепет перед «священной частной собственностью»,

капиталистическое государство вынуждено было вступить на путь замены рыночной стихии элементами организованного руководства и сознательного подчинения всего хода хозяйственной жизни единой цели — войне. Причем, как показало нам изучение конкретных материалов, регулирующее вмешательство государства сказывалось тем сильнее, чем больше был масштаб военных запросов и степень хозяйственного напряжения в данной стране[1].

Но можно ли сказать, что регулирующие мероприятия государства действительно снимали проблематику рынка в военной системе государственного капитализма?

Анализ одной из наиболее законченных систем военного хозяйства, а именно хозяйства Германии эпохи 1914—1918 гг., привел нас скорее к обратному выводу. В военном хозяйстве Германии проблематика рынка не только не оказалась снятой, но, наоборот, встала с исключительной остротой, особенно парадоксальной на фоне внешне организованного хозяйства.

Известно, что организационный опыт Германии был нами отчасти использован на первых стадиях строительства нашей системы хозяйственного управления. Тов. Ларин неоднократно указывал в своих работах, что опыт организации германской промышленности во время войны служил нам зачастую прообразом при построении наших главков и центров. Оказывается, однако, что за внешне стройной схемой организации военного хозяйства Германии таилась глубоко противоречивая действительность. Военную систему госкапитализма раздирало не только неслыханное обострение противоречий между буржуазией и загнанным в условия «военной каторги» рабочим классом. Государственное регулирование оказалось в значительной мере бессильным перед напором раздробленного сельского хозяйства. Яркой иллюстрацией этому может служить хотя бы подпольный рынок, большое значение которого единодушно подтверждают все исследователи военного хозяйства Германии. Подпольный рынок, развивавшийся по всем правилам «Сухаревки», постоянные срывы государственного регламентирования цен показывают нам, в какой мере можно говорить о снятии проблемы рынка в военной системе госкапитализма.

Проблема рынка вставала с особой остротой и по другой линии — в области связей блокированного хозяйства с внешним рынком. Разрыв между ценами внутри страны и ценами на мировом рынке, истощенном войной, создавал постоянные бреши в системе регулирования внешней торговли. Даже крупнейшие монополистические объединения, целиком сращенные с государственным аппаратом, не гнушались протянуть руку своим собратьям по ту сторону фронта и линии хозяйственной блокады.

Наконец, и в самой промышленности, где организующее вмешательство государства было наиболее сильным, типичные для монополистического капитализма противоречия не умолкали ни на

[1] См. об этом подробнее в нашей статье «Военное хозяйство», Большая советская энциклопедия, т. 12, с. 238 и след.

одну минуту. Борьба различных группировок буржуазии лишь приняла своеобразные, приспособленные к военным условиям формы. В недрах государственно-капиталистического треста разыгрывалась непрерывная конкурентная борьба между тяжелой и легкой индустрией, между группами обрабатывающей промышленности, между сплотившимися вокруг огосударствленных объединений монополистами и аутсайдерами, между фирмами, работавшими на экспорт и снабжавшими внутренний рынок, и т. д.

Изменить лишь условия и отчасти объекты этой конкурентной борьбы.

Вместо рынков сбыта решающее значение приобрело преимущественное снабжение сырьем, топливом и рабочей силой, распределение наиболее выгодных военных заказов и т. д.

Благодаря специфическим формам военной организации эта конкурентная борьба зачастую принимала формы персональных столкновений, трений между различными ведомствами, споров за обладание руководящими постами в военно-хозяйственном аппарате [1].

Эти по необходимости бегло отмеченные линии внутренних противоречий в военной системе государственного капитализма достаточно убедительно отвечают на вопрос об исчезновении проблем рынка и конкурентной борьбы в рамках «национального капиталистического организма». Военная обстановка навязывала государственно-монополистической системе задачу преодоления анархии рынка. Но, несмотря на исключительную гибкость государственно-капиталистического аппарата, эта задача объективно оказалась ему не по плечу. Этим объясняется сравнительно быстрое исчезновение в послевоенную эпоху созданных во время войны элементов организованного регулирования хозяйства. В качестве крайностей, «чрезвычайных мер», порожденных специфическими военными условиями, элементы организованного регулирования отпадают с переходом к мирной обстановке.

Отсюда, однако, не следует, что вместе с переходом к мирным условиям исчезли и государственно-капиталистические тенденции в развитии современного капитализма. Такого рода представление может сложиться лишь при неправильной оценке истинной природы тех элементов организованного воздействия на хозяйство, которые обнаружились во время мировой войны. Как тенденция к нарастанию новых, высших форм концентрации капитала, к сращиванию монополистических объединений с капиталистическим государством, государственный капитализм характерен и для всей послевоенной фазы развития.

* * *

[1] Характерен в этом отношении следующий пример. Один из инициаторов военной организации промышленности Германии, директор крупнейшего электроконцерна Всеобщей элект. компании (А. Э. Г.) Вальтер Ратенау, вынужден был в 1915 г. уйти с поста руководителя военного управления по сырьевому снабжению. Поводом послужили обвинения со стороны кругов тяжелой индустрии в том, что Ратенау, пользуясь своим служебным положением, открывал коммерческие тайны своих конкурентов. Его сменил прямой ставленник Стиннеса майор Кэт. См. «Военная экономика Германии (1914 — 1918 гг.)», Гиз. 1929 г.

Таким образом, лишь при поверхностном, некритическом отношении к опыту первого тура госкапитализма могло возникнуть представление об отмирании рынка, проблематике цен, кризисах внутри капиталистического народного хозяйства.

Тем более для нас интересен вопрос о том, как могла возникнуть проблема «организованного капитализма» в настоящее время, когда и этот внешний повод отпал. Очевидно, совершенно необходимо добраться до глубоких методологических корней, из которых могла вырасти эта политически вредная, капитулирующая перед реформизмом теория.

Необходимость искать глубокие методологические корни, из которых вырастают политические ошибки, неоднократно и настойчиво подчеркивал Ленин во всех наших внутрипартийных спорах. Во время профсоюзной дискуссии 1921 г. Ленин писал:

> «К числу многочисленных ценнейших качеств т. Бухарина принадлежит его теоретическая способность и интерес к тому, чтобы доискиваться теоретических корней во всяком вопросе. Это очень ценное качество, ибо нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им положений» [1].

Как известно, Ленин находил теоретическую основу политических ошибок т. Бухарина в непонимании им марксистской диалектики.

> «Теоретическая сущность той ошибки, которую здесь делает т. Бухарин,— писал Ленин,— состоит в том, что он диалектическое соотношение между политикой и экономикой (чему учит нас марксизм) подменяет эклектизмом».

И Ленин с чрезвычайно четкостью разбирал теоретические корни бухаринских ошибок, подробно рассматривая вопрос о соотношении между политикой и экономикой. Более того, как раз в этой связи Ленин дал свой непревзойденный по глубине и ясности образец понимания диалектической логики по сравнению с логикой формальной, использовав для этого бухаринский пример со стаканом, пример, которым т. Бухарин рассчитывал посрамить своих противников.

Если мы, следуя совету Ленина, начнем искать теоретические корни ошибочной теории «организованного капитализма», то окажется, что и здесь глубокая причина заложена в неправильном методологическом подходе к изучению современного капитализма, в подмене диалектического анализа механистическим. И этот основной методологический грех пронизывает все звенья, из которых последовательно слагается теория «организованного капитализма».

Первым логическим звеном в этой теории является общая оценка империалистической эпохи капитализма. Как известно, в

---

[1] Ленин, т. XVIII, ч. 1, с. 57.

этом вопросе наметились коренные разногласия между Лениным и т. Бухариным еще в эпоху империалистической войны. Споры о «чистом империализме», развернувшиеся в 1916—1918 гг., с полной ясностью обнаружили механистический, антидиалектический характер бухаринской оценки новейшего этапа развития капиталистического хозяйства. В постановке т. Бухарина (и всей группы «левых коммунистов») империалистическое перерождение капитализма отменяет основные черты капитализма классического, эпохи свободной конкуренции. Суть спора о «чистом империализме» заключалась в вопросе о судьбе «основ старого капитализма» в эпоху финансового капитала. А к этим основам старого капитализма относятся и анархия производства, общая неорганизованность хозяйства, конкуренция и кризисы, т. е. вся та «проблематика рынка», которая, по мнению т. Бухарина, перекочевывает из «национально-организованного государственно-капиталистического треста» в сферу мирохозяйственных отношений. Разногласия с «левыми коммунистами» в национальном вопросе, в вопросе о демократических революциях, об отказе от программы-минимум, о предложении вычеркнуть из программы партии часть, посвященную общему анализу капитализма и т. д., вплоть до Бреста, таким образом, представляют лишь логическое продолжение споров о теории «чистого империализма»

Но основной грех «чистого империализма» заключается в механистическом, недиалектическом противопоставлении империализма. как особой стадии,— капиталистической системе в целом. Никто иной, как Ленин, беспощадно разоблачал все утопии социал-демократии о возможном возврате к блаженным временам свободной конкуренции, подчеркивал неизбежность монополистического перерождения капитализма. Но у Ленина империализм не исключает капитализма, не представляет отрицания его основных черт, а диалектически включается в капиталистическое развитие как надстройка, как особый этап.

> «Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством. то империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом... Стоять на той точке зрения, будто есть цельный империализм без старого капитализма, это значит принять желаемое за действительное» [1].

Между тем, в постановке тов. Бухарина империализм противопоставляется старому капитализму по всем правилам формальной логики—«или—или, а что сверх того, то от лукавого». Либо капитализм свободной конкуренции превратился в монополистический, и тогда между ними ничего общего нет, либо, по законам формальной логики, приходится отрицать очевидный факт монополистического перерождения капитализма.

* * *

В механистическом представлении развитие связано с вытеснением, количественным сокращением одного из полюсов противоречивого единства. На осно-

[1] Ленин. т. XVI, с. 114.

ве этого метода складывается следующее звено теории «организованного капитализма» — вытеснение конкуренции монополий. Для свободного капитализма была характерна конкуренция. Монополия является основной чертой империализма. Механистическое противопоставление одного полюса другому повторяется буквально и в этом звене. Либо монополия вытесняет своего антипода — конкуренцию, либо следует притти к отрицанию очевидного факта роста монополии.

И здесь в противоположность этому механистическому толкованию мы находим у Ленина диалектическое решение вопроса о монополии и конкуренции. Ленина интересует не безжизненная формула, а действительное движение капитализма во всей его внутренней противоречивости. И в движении монополия не просто противопоставляется конкуренции, а диалектически включает ее, возводит на более высокую ступень. Конкуренция принимает более сложные и запутанные формы борьбы между монополистическими организациями и неорганизованными капиталистами, между монополистическими союзами друг с другом и т. д. Монополия порождается конкуренцией, но, развиваясь, она, в свою очередь, порождает конкуренцию. Понять этот сложный процесс можно не путем механического противопоставления монополии конкуренции, а лишь путем диалектического анализа обеих сторон в их взаимной обусловленности и переплетении.

Тот же механический метод дает свои плоды и в следующем звене теории «организованного капитализма» — в вопросе о соотношении общественного и технического разделения труда. Нужно сказать, что это звено является в сущности центральным, решающим для всей теории «организованного капитализма». В самом деле, техническое разделение труда служит базой для планомерной, сознательной организации производства. Наоборот, общественное разделение труда между отдельными, сознательно управляемыми хозяйственными единицами служит естественной основой для господства стихийных, анархических сил рынка.

Новейшее развитие капитализма несомненно принесло чрезвычайное углубление и совершенствование технического разделения труда внутри капиталистического предприятия. Вытягивая бесконечную ленту конвейера, капитализм доводит техническое разделение труда до простейших операций, доступных подученному в течение нескольких дней рабочему. Дальнейшая специализация, углубление планомерного технического разделения труда составляет одну из важнейших сторон современной рационализации производства. Именно проблема рациональной организации предприятия и является, в сущности, стержнем всех теоретических построений цитированных т. Бухариным буржуазных экономистов. Современная буржуазная наука создала специальную «теорию о хозяйстве предприятия» (Betriebswirtschaftslehre), задачей которой является изучение наиболее благоприятных (с точки зрения капиталиста) условий организации предприятия.

Заметим кстати, что проблема организации капиталистического народного хозяйства собственно вовсе не стоит в центре новейших построений этих «теоре-

чиков предприятия». Тов. Бухарин невольно расширил действительные рамки теоретических интересов буржуазной экономической мысли.

Особая острота проблемы рациональной организации в современном капиталистическом хозяйстве неразрывно связана несомненно с ростом его внутренних противоречий. Хозяйство, в порах которого расточаются миллионы и миллиарды реальных ценностей, тем ожесточеннее стремится экономить в пределах отдельного предприятия, не гнушается урвать от скудного заработка рабочего несколько десятков пфеннигов или центов. В этом противоречивом развитии находят полное подтверждение известные слова Маркса: «Анархия общественного и деспотия мануфактурного (т. е. технического) разделения труда взаимно обусловливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства».

Но в механистической концепции т. Бухарина рост технического разделения труда противопоставляется сокращению и вытеснению общественного разделения труда. «Меновая связь, выражающая общественное разделение труда... заменяется техническим разделением труда внутри организованного «народного хозяйства»[1]. Техническое и общественное разделение труда представляют два противоречивых полюса капиталистической системы. Тов. Бухарин разрешает это противоречие простым вытеснением, количественным сокращением одного из полюсов—общественного разделения труда, воплощающего анархию капиталистического производства. В результате этой механистической операции глубочайшие противоречия капиталистического народного хозяйства оказываются приглаженными и причесанными, концепция «организованного капитализма» получает свое теоретическое обоснование.

Но диалектика действительности не имеет ничего общего с этой механистической схемой. Нарастание организованности на одном полюсе, внутри капиталистического предприятия, сопровождается нарастанием анархии на другом полюсе, в капиталистическом хозяйственном целом. И лишь столкновение обоих растущих полюсов противоречивого единства разжигает пожар крушения капитализма.

* * *

Наконец, тот же механистический корень взращивает последнее звено теории «организованного капитализма»,—звено, соединяющее организованное «народное хозяйство» с анархической системой мирового хозяйства.

Поскольку внутри народного хозяйства анархия заменяется организацией, внутренние противоречия переползают в сферу внешних связей. Более того, внутренние противоречия превращаются в прямое следствие внешней противоречивости, неорганизованности мирового хозяйства.

«Даже проблема всех проблем, так называемый социальный вопрос: проблема соотношения классов и классовой борьбы, является проблемой,

---

[1] Н. Бухарин. Экономика переходного периода, с. 11

в величайшей степени связанной с положением той или иной капиталистической страны на мировом рынке»[1].

Можно ли оспаривать огромное значение международного переплета капиталистических отношений для всей суммы внутренних противоречий «народного хозяйства»? Очевидно, подобного рода решение вопроса лишь воспроизвело бы в ином виде основную ошибку механистического метода. Более того, оно прямо протянуло бы руку ограниченным буржуазным «национал-экономам», упорно отрицающим — «рассудку вопреки, наперекор стихиям» — единство капиталистического мирового хозяйства. Но не менее опасна альтернатива противоположного свойства, прямо вытекающая из механистического противопоставления внешних противоречий капитализма внутренним.

И здесь механистическая концепция решает противоречия путем вытеснения, сокращения одной из сторон противоречивой действительности. Внутренние противоречия капиталистического народного хозяйства превращаются в пассивную функцию мирохозяйственных антагонизмов.

Но механистический подход к этой сложнейшей проблеме жестоко мстит за себя. Ибо, если затушевывается самостоятельная роль внутренних противоречий отдельных капиталистических народнохозяйственных систем, то в сущности исчезает объективная основа для возникновения противоречий между этими хозяйственными системами.

В самом деле, как можно объяснить обострение противоречий в хозяйственных (а следовательно, и политических) взаимоотношениях между капиталистическими странами в империалистическую эпоху? Что заставляет капиталистические страны вплетаться в кровавую цепь борьбы за передел мира?

Ленинская теория империализма дает на это ясный и четкий ответ. Чем выше уровень монополистического развития, чем острее становится противоречие между мощным ростом производственного аппарата страны и ограниченным капиталистическими законами эксплоатации рынком, тем ожесточеннее становится борьба за раздел и передел мира. Достаточно лишь сослаться на пример послевоенной Германии, где именно рост монополий на базе обнищания, «рационализирование» широких масс вызывает судорожные попытки экспансии, ожесточенную борьбу за утраченные внешние рынки.

Но из теории «организованного капитализма» внутри отдельных капиталистических стран отнюдь не вытекает неизбежное обострение внешних противоречий. Наоборот, организация, плановая консолидация капиталистического хозяйства внутри отдельных стран по существу уничтожает объективные преграды для искоренения неорганизованности в сфере мирохозяйственных отношений. Выражаясь в терминах т. Бухарина, организованность «переползает» из отдельных капиталистических стран на мировой рынок.

На этом замыкается логическая цепь теории «организованного капитализма». «Организованный капитализм» получает наиболее законченный, наиболее последовательный, но и наиболее чуждый марксизму вид.

---

[1] Н. Бухарин.

Вряд ли есть надобность лишний раз доказывать всю теоретическую ошибочность и политический вред этого законченного круга развития теории «организованного капитализма».

Мы видели, что теоретические корни концепции «организованного капитализма» заложены в забвении марксистской диалектики, в механистическом методе. Это обстоятельство лишний раз показывает, насколько актуальное политическое значение имеет в настоящее время решительная борьба против механистического уклона во всех его видах и разновидностях.

Л. ЗВЕНТОВ

В нашей дискуссии об организованном капитализме бросается в глаза следующее характерное явление: мы обсуждаем вопрос об организованном капитализме, вопрос, выдвинутый не нами, другими. А те, кто поставили вопрос об организованном капитализме, о росте организованности в капиталистических странах, в то же время говорят о том, что в нашей советской системе как раз требуется развязывание стихии, требуется расширение рыночных связей. Тут мы получаем довольно любопытное сопоставление. Поскольку это выдвигают социал-демократы, об этом не приходится говорить; ясно, что социал-демократы переоценивают организованность капитализма, а у нас они усматривают тот же капитализм, но страдающий от недостаточного развития. Но что можно сказать, когда т. Бухарин ставит вопрос о том, что в капиталистических странах современная стадия должна рассматриваться, как стадия организованного капитализма, и в то же время выдвигает требование о том, чтобы у нас рыночные связи были расширены для того, чтобы дать выход стихийным элементам нашего советского хозяйства. Я думаю, товарищи, что такое искание организованности в капитализме и недооценка организованности социалистической системы в советском хозяйстве дает нам право, во-первых, сделать вывод о том, что кто ошибается в оценке внутренних процессов, тот одновременно ошибается и в оценке внешних процессов. Это один вывод. Другой вывод, который следует сделать и который подчеркнул Ленин в отношении т. Бухарина, состоит в том, что ошибки в политике связаны с ошибками в теории, и обратно. Поэтому, когда мы разбираем взгляды т. Бухарина, мы должны выявить имеющиеся у него теоретические ошибки.

В связи с нашей дискуссией я хочу остановиться на одном теоретическом положении т. Бухарина в его работе «Империализм и накопление капитала», в работе, которая критикует люксембургианскую теорию, где он должен был доказать, что реализация в капиталистическом обществе возможна, но осуществляется в порядке кризисов и противоречий. В этой работе он строит следующую гипотезу: он говорит о трех общественно-экономических структурах: о коллективно-капиталистическом строе, который он называет госкапитализмом и который он характеризует как строй, где капиталистический класс объединен в единый трест и где, следовательно, перед нами организованное, но в то же время, с точки зрения классовой, антагонистическое общество; вторая система — это

чистый капитализм, и третья—социалистическое общество. Он анализирует процесс воспроизводства, с одной стороны, и проблему кризиса, с другой стороны, в этих трех формациях. Характерно, как он отвечает на вопрос. Он говорит о том, что при коллективно-капиталистическом строе, т. е. при том, что он называет организованным капитализмом или госкапитализмом, кризисов не может быть. В социалистическом обществе,—говорит он,—если оно чистое (следовательно, о переходном периоде он и не заикается),— тоже кризисов не бывает; кризисы бывают только при чистом капитализме, т. е. в обществе, в котором господствует капиталистический способ производства.

Если проанализировать эту гипотезу, которая является научной гипотезой, так как она должна отражать реальные процессы в абстрактном виде, то мы придем к выводам, тесно связанным с проблемой организованного капитализма. Коллективно-капиталистический строй — это есть тот же организованный капитализм, который рассматривается т. Бухариным, как современная стадия капитализма. В этом обществе он видит только одно противоречие: это общество антагонистическое только с классовой стороны, но хозяйство этого общества ведется по заранее выработанному плану. Здесь могут быть просчеты, ошибки, например, просчеты в средствах производства. Если будет произведено больше средств производства, чем нужно, то для сохранения равновесия они будут отправлены на склад. Если окажется просчет в сфере средств существования для рабочих, то капиталисты могут излишек отпустить рабочих. Таким образом, в целом это—организованное общество, которое содержит черты так называемого организованного капитализма.

Сразу встает вопрос: почему в этом организованном капитализме нет кризисов? Очевидно, потому, что общество устранило свободную конкуренцию. Следовательно, по логике т. Бухарина, выходит, что только конкуренция является источником кризисов. Она же является основой рынка, цен и пр. Мне кажется, что каждый марксист должен поставить перед собой следующий вопрос: если я допускаю, что общество антагонистично, хотя бы только с классовой стороны, то это предположение уже заключает в себе предпосылку о том, что данное общество не урегулировано, стихийно, потому что раз есть рабочий класс—должен быть поставлен вопрос о зарплате, а если есть зарплата—должны быть средства существования, которые принимают форму товаров. Следовательно, гипотеза т. Бухарина построена на том, что он отвлекается от одной из основных характеристик данного общества, именно: от стихийности этого коллективно-капиталистического строя. Он отделяет социальный момент от экономического. Но если он допускает, что общество антагонистично, если есть капиталисты и рабочие, то, следовательно, существует товар, рынок, цены, а, значит, должны быть и кризисы. Он забывает, что буржуазное общество есть товарно-капиталистическое общество, в котором рабочий и капиталист выступают как равноправные товаровладельцы. Он ставит перед собой такой вопрос: в чем выражается бесплановость хозяйства, его анархия? Она выражается, — говорит он, — в том, что нет пропорции между отдельными отраслями производства, и вместе с тем в том, что нет пропорции между размером производства и размером личного потре-

бления. Здесь постановка совершенно правильная, и если допустить существование коллективно-капиталистического строя, т. е. организованного капитализма, который имеет только одно противоречие,— классовое противоречие,— то и в нем неизбежны противоречия между размером производства и размером личного потребления. Вся обстановка такого общества, весь строй, вся структура будет стихийной, это общество будет развиваться на основе конкуренции. Характерно, что т. Бухарин, приводя свое рассуждение об организованном капитализме, ссылается на одну цитату из Маркса. Маркс, разбирая один из мальтузианских памфлетов, писал: «Здесь, таким образом, предполагается капиталистическое производство, в котором производство каждой особой отрасли и его возрастание регулируется и определяется не непосредственно общественными потребностями общества, а производительными силами, которыми располагает каждый отдельный капиталист, независимо от потребностей общества; предполагается, что производство ведется в таких пропорциях, как будто капитал применялся в различных производственных сферах непосредственно обществом соответственно его потребностям». И Маркс далее прибавляет: «При этой предпосылке (contradictio in adjecto), если бы капиталистическое производство было абсолютно социалистическим, то в самом деле не могло быть никакого перепроизводства»[1].

Тов. Бухарин истолковывает, очевидно, это положение Маркса в свою пользу. Но совершенно ясно, что Маркс в этом положении отчетливо указывает то, что предположение о том, что капиталистическое производство ведется соответственно общественным потребностям, ничто иное, как contradictio in adjecto. Между тем, т. Бухарин в своей гипотезе о коллективно-капиталистическом строе допускает эту предпосылку, а именно, что производство ведется соответственно общественным потребностям, иначе говоря предполагает, что здесь не капитализм, а социализм, и называет его госкапитализмом, коллективно-капиталистическим строем.

В своей работе «Империализм и накопление капитала» т. Бухарин пока строил только гипотезу, строил, правда, научную гипотезу, т. е. предполагал, что это мыслимо, и допускал, что его гипотеза отражает реальные процессы. Но в дальнейшем т. Бухарин уже перешел к констатации и утверждению о том, что мы уже имеем госкапитализм in concreto, и в «Экономике переходного периода» писал о том, что в крупных капиталистических странах конкуренция уже прекратилась, что госкапитализм уничтожил конкуренцию. Ленин, как известно, в своем экземпляре отметил это место и написал на полях: «Не уничтожил».

Теперь позвольте перейти к характеристике другого положения т. Бухарина о том, что капиталистические противоречия сводятся к одним только международным противоречиям. Если т. Бухарин допускает, что госкапитализм есть плановое хозяйство, то ясно, что этим самым устраняются и внешние противоречия, потому что плановое хозяйство, которое организует внутреннее производство по плану, может испытывать нарушения только от просчетов, выправляемых в порядке регулирования. Если взять совокупность таких хозяйств — «мировое хозяйство», то между ними не может быть внешних противоречий. Ясно, что своим допущением о том, что современная стадия капитализма есть госкапи-

[1] Маркс. Теории прибавочной ценности, т. III, с. 100.

тализм, организованный капитализм, капитализм, в котором уничтожена анархия производства, т. Бухарин снимает и противоречия в международном масштабе. Не может быть внешних противоречий, если каждое отдельное хозяйство может быть внутри урегулировано и может в плановом порядке вести свое хозяйство. Ошибка т. Бухарина — ошибка методологическая. Тов. Бухарин не понимает диалектического соотношения внутреннего и внешнего рынка. В данном случае, он забыл пример Маркса, который вывел все противоречия капитализма, совершенно отвлекшись от внешнего рынка и мирового хозяйства.

Теперь перейдем к фактическому положению вещей. Действительно ли в настоящее время мы имеем организованный капитализм, умирание конкуренции и уничтожение анархии? Я думаю, что раньше всего нужно вспомнить, что Ленин, когда он утверждал, что свободная конкуренция отмирает, что вместо нее мы имеем монополистический капитализм, он говорил об отмирании свободной конкуренции, т. е. об отмирании «laissez faire, laissez passer», но он не говорил о том, что конкуренция вообще уничтожается. Нужно вложить то реальное содержание, которое имелось в этом его утверждении. Отсюда нам станут совершенно понятны все его дальнейшие заключения о том, что конкуренция имеется рядом с монополиями, что конкуренция вызывает монополии, а монополия усиливает конкуренцию. Точку зрения Маркса на этот счет приводили, и я не буду на этом останавливаться.

Нужно еще выяснить вопрос о том, что из себя представляет конкуренция в наших марксистских категориях. Ведь конкуренция не есть независимое отношение, конкуренция является предпосылкой и в то же время результатом; она определяет и, в свою очередь, определяется способом производства. Конкуренция усиливает анархию, но конкуренция служит и для уравнивания различных норм прибыли, цен и т. д., для установления равновесия при его нарушениях и т. д. Маркс писал: «Фактически конкуренция берет на себя труд объяснить всю бессодержательность построения экономистов, тогда как, казалось бы, наоборот, экономисты должны поставить своей задачей объяснить конкуренцию» [1]. При монополистическом капитализме конкуренция является отношением, которое, в свою очередь, определяется. В самом деле, монополия представляет организованное целое, внутри монополии рыночные связи заменяются организованными связями, но в то же время монополия подчиняется определенным условиям производства, монопольные цены зависят от производительности труда. Маркс указывал целый ряд моментов, от которых зависит производительность труда. Он писал: «Производительность труда определяется многочисленными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки, ее техническим применением, общественной организацией производственного процесса, размером и дееспособностью средств производства и, наконец, естественными условиями». В конкретных условиях указанные Марксом факторы образуют ряд новых комбинаций, влияющих на производительность труда. Так, американский экономист Джон Кларк насчитывает двенадцать комбинаций факторов, определяющих производительность труда. Если мы имеем такое обширное количество факторов, влияющих на производительность труда, при наличии закона неравно-

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 404.

мерного развития капитализма, то ясно, что производительность труда в различных предприятиях и в различных монополиях будет различная. Следовательно, и цены будут различные, так как они будут зависеть от ряда специфических условий, от различной динамики тех факторов производительности труда, которые действуют в той или иной монополии. С другой стороны, хотя монополии внутренне организованы, но свою продукцию они должны выпускать на рынок. А это означает, что продукты монополии подвергаются влиянию цен других монополистических товаров, причем монополистические организации производят обычно один или только несколько товаров, а подвергаются влиянию цен всех остальных товаров как по линии себестоимости, так и по линии продажных цен. Эти условия воздействуют на конкуренцию и определяют ее формы.

Характерно, что именно условия производства обостряют конкуренцию и определяют ее методы. Повышение органического состава капитала имманентно капитализму, а это, естественно, ставит перед монополистами проблему сбыта. В свою очередь, сбыт упирается в проблему органического состава капитала. Известны взгляды Шмаленбаха, который на основе непосредственного опыта подчеркивает, что проблема сбыта является в настоящее время крайне острой проблемой, стоящей перед монополией. Интересным примером в этом отношении могут служить Соед. Штаты. В настоящий период здесь можно констатировать огромное развитие монополий. Как раз в опубликованном отчете Гувера мы имеем указания на то, что современное монополистическое движение в Соед. Штатах по своему масштабу превышает то движение концентрации капиталов и производства, которое было в 90-х гг. Но интересно, чем объясняют авторы этот очевидный рост монополий в Соед. Штатах. Они указывают, что в первый период 90-х гг. прошлого столетия развитие монополистического движения объяснялось тем, что перед монополиями открывался широкий рынок, который они стремились закрепить за собой. С другой стороны, мотивом для развития монополий являлась погоня за прибылью со стороны промоторов. В настоящую эпоху монополистическое движение в Соед. Штатах определяется, главным образом, потребностью в добавочных капиталах и проблемой сбыта. Нам изображают стадию организованного капитализма, а фактически монополии сейчас создаются под влиянием сужения рынка. Но это не разрешает проблемы рынка, потому что одновременно с ростом основного капитала монополии увеличивают потребность в расширении емкости рынка. Монополии стоят, таким образом, перед таким противоречием: сужая свое производство в целях стабилизации цен, они увеличивают издержки производства; для снижения же издержек они должны развивать свое производство, а это ставит перед ними проблему сбыта и вызывает колебания цен. Таким образом, развитие монополий не устраняет конкуренции, а, наоборот, обостряет и усиливает ее. Хотя монополия внутри себя уничтожает рыночные связи и увеличивает организованные элементы в обществе, но это и создает наиболее гнетущие противоречия, которые давят и на производство, и на сбыт. Еще одно замечание: проблема сбыта сейчас настолько существенна, что мы имеем во всех капиталистических странах рост и увеличение удельного веса торгового класса и увеличение его доли в национальном доходе. Это свидетельствует о том, что мы одновременно с ростом монополий наблюдаем обострение конкуренции.

Б. БОРИЛИН

Я думаю, что для нас нет никакого сомнения в том, что работы т. Бухарина по вопросам империализма являются ценными во многих отношениях. Для нас нет также никакого сомнения в том, что т. Бухарин в этих работах значительно продвинул вперед разработку проблем империализма. И тем не менее у т. Бухарина имеется бесспорно ряд немарксистских положений, которые мы в настоящее время и считаем необходимым выяснить. Я хочу в своем слове оттенить некоторые особенности, некоторые ошибки, которые имеются в высказываниях т. Бухарина об империализме. Основным пороком, который имеется в системе взглядов т. Бухарина по вопросу об империализме, является тот недостаток, который свойственен т. Бухарину вообще. Я имею в виду часто проявляющуюся недиалектичность его взглядов, эклектизм. который правильно подметила т. Хмельницкая. Как в ряде других вопросов, так и в освещении вопросов империализма т. Бухарин допустил. прежде всего. следующие ошибки. Тов. Бухарин разбирает вопросы империализма недостаточно конкретно. Недостаток конкретности в изучении империализма есть один из самых основных недостатков т. Бухарина. В самом деле. т. Бухарин забывает о правиле диалектики, заключающемся в том, что, когда мы подходим к какому-нибудь явлению. то мы должны брать это явление, прежде всего, во всей его конкретности. Если мы строим абстрактную теорию, если мы даем ряд абстрактных положений, то наши абстракции правильны только в том случае, если они являются отображением этой конкретности; в противном случае, эти абстракции становятся теоретически неверными. а практически вредными. Тов. Бухарин, при рассмотрении капиталистического хозяйства, а особенно империализма, допускает такое замазывание конкретных особенностей конкретных черт, которые закономерно и привело его к такому неправильному выводу, как положение об «организованном капитализме».

Я хочу остановиться на некоторых неопубликованных еще замечаниях Ленина к «Экономике переходного периода» по ряду вопросов. относящихся к теории империализма. Они бросают некоторый свет на ошибку т. Бухарина и в вопросе об «организованном капитализме». В нашей печати уже приводилось то место, где т. Ленин отмечает недостаток конкретности у т. Бухарина. Когда т. Бухарин говорит. что капиталистическое хозяйство господствует во всем мире, то Ленин пишет на полях: «Не во всем мире». Когда т. Бухарин там же подчеркивает, что при абстрактном рассмотрении. при теоретическом рассмотрении капиталистического хозяйства, для нас не важен объем, территория распространения капиталистического способа производства, то с этим тоже нельзя согласиться. Этот же недостаток дает себя чувствовать на протяжении всех работ, которые имеются у т. Бухарина по вопросу об империализме. Некоторые конкретные черты империализма смазываются. империализм выглядит у т. Бухарина слишком односторонне. Там. где необходимо изложение конкретного экономического существа империализма, мы часто получаем замену анализа слишком тощей. бессодержательной абстракцией, или игрой в понятия, игрой

; определения, как говорит Ленин. Ленин в этих замечаниях неодобрительно отзывается и о таких упражнениях, которыми т. Бухарин занимается в связи понятием горизонтальной, вертикальной и комбинированной конкуренции. Вот эта излишняя теоретизация и схематизация вопроса Ленину не нравится, он пишет на полях: «Игра в дефиниции».

Если мы возьмем экономическое существо империализма, то это конкретное экономическое существо лежит, прежде всего, в области монополии. Ленин со всей силой подчеркивал, что империализм является капитализмом монополистическим. Эта конкретная экономическая черта империализма, нужно сказать, иногда у т. Бухарина, как это ни странно, ускользает. Если вы вглядитесь в самую структуру книги т. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм», если возьмете высказывания т. Бухарина по вопросу об империализме в «Экономике переходного периода», то вы увидите, что сам подход к изучению проблемы у него несколько иной, чем у Ленина. Поэтому не случайно замечание, которое Ленин делает на полях «Экономики переходного периода» о том, что о монополистическом капитализме автор вообще забывает частенько. Увлекаясь госкапитализмом, т. Бухарин забывает о конкретной экономической сути, о главном — о монополии. Поэтому у т. Бухарина выпало отношение между монополией и конкуренцией, которое характеризует империализм в отличие от капитализма и свободной конкуренции. Сочетание монополии и конкуренции — это основная особенность империализма. И о ней именно забывает т. Бухарин.

В связи с этим интересно подчеркнуть, что т. Бухарин иногда на первый план выпячивает другие моменты: момент силы, силового давления и войны. На первый взгляд кажется, что подчеркивание т. Бухариным этих моментов правильно; но нужно сказать, что это подчеркивание у т. Бухарина иногда бывает односторонним и замазывающим по сути дела основную конкретную черту, именно—монополию. Тов. Бухарин пишет в «Экономике переходного периода», что для финансового капитализма характерен метод непосредственного силового давления, а поэтому система финансового капитализма влечет за собой вооруженную борьбу империалистических конкурентов, и что здесь и лежит основной корень империализма. Чрезвычайно любопытно то замечание, которое бросает по этому поводу Ленин. Прежде всего, относительно силового давления. Ленин пишет на полях «насильственного» и в скобках «важнее», очевидно, считая, что употребить слово насилие важнее, чем употребить слово сила, потому что для империализма характерно не столько применение силы, сколько насилия.

Там же, где т. Бухарин говорит, что существует силовое давление, что поэтому финансовый капитализм влечет за собой вооруженную борьбу конкурентов и что здесь и лежит корень империализма, Ленин пишет: «Не поэтому и не здесь». Следовательно, войны вытекают не просто из того, что силовое давление характерно для империализма. Вооруженная борьба вытекает не из простого господства силы, так же, как не в вооруженной борьбе надо искать корень империализма. В этой теории силы и насилия исчезает действительный корень империализма, именно монополия, которая порождает и насилие и войны.

Если изображать империализм просто, как систему, в которой имеется вооруженная борьба, в которой господствует метод силового давления, то здесь

связаны конкретные экономические особенности империализма. Ведь войны были и до империализма, и, как неоднократно подмечалось, борьба за колониальное ограбление народов существовало и до империализма. Для империализма характерна не просто вооруженная борьба, а господство монополий и вытекающие из этого методы насильственного давления и вооруженная борьба. В монополиях корень империализма, а не просто в силовом давлении. Исчезновение конкретно-экономической особенности империализма приводит к тому, что в ряде мест т. Бухарин отождествляет, смешивает войну, конкуренцию и кризисы и приходит логически к такому выводу, что при империализме кризис заменяется войной, вместо кризиса выступает война, она же является и специфическим методом конкурентной борьбы при империализме. Чрезвычайно любопытно здесь противопоставить высказывание Ленина как раз об отношении между войной, кризисом и конкуренцией. Когда т. Бухарин говорит в «Экономике переходного периода», что последствия кризиса таковы, как и последствия войны, и в доказательство приводит тот мотив, что кризис приводит к концентрации и к гибели мелких предприятий, мелких единиц, и война также приводит к гибели самостоятельных мелких государств, то Ленин находит нужным написать на полях: «Игра в аналогии». Следовательно, нельзя так сравнивать и смешивать войну и кризис. Там, где т. Бухарин подчеркивает, что война есть метод конкуренции, Ленин считает необходимым заметить: «Не всякая». Наконец, там, где т. Бухарин хочет дать экономическое понятие войны для империализма и говорит, что при империализме в момент войны существует расширенное отрицательное воспроизводство, формулируя это так: «реально проходящий процесс (во время войны) есть расширенное отрицательное воспроизводство», Ленин считает нужным написать: «Уф, караул»). Очевидно, смешение понятий кризиса и «войны» Ленин считает совершенно недопустимым.

В связи с этим я хочу напомнить о тех спорах о партийной программе, которые были в 1917 г. и в более позднее время. В частности, интересно высказывание Ленина в 1917 г. в спорах о партийной программе, когда т. Сокольников выставил проект, в котором фигурировало так же, как ныне у т. Бухарина, смешение кризиса и войны. Ленин выступил против этого смешения. Неправильным является смешение кризиса и войны. Это — явления совершенно различного исторического происхождения и различного классового значения. Возможна война и в интересах освобождения наемного труда. Война далее существовала и в рабовладельческом обществе. Война, наконец, вообще не есть явление, свойственное только капиталистическому обществу или империализму. Правильная точка зрения об отношении между войной и кризисом в эпоху империализма сводится не к тому, что кризис заменяется войной, что на смену кризиса выступает война, а к тому, что кризисы дополняются войнами. Кризисы не исчезают при империализме, наоборот, они еще более обостряются, но они обязательно дополняются военными конфликтами, как необходимым периодическим методом разрешения противоречий внутри капиталистического общества.

Отсутствие конкретности в экономическом анализе приводит т. Бухарина к такому изображению мирового хозяйства, которое чрезвычайно упрощает дей-

ствительную картину мирового хозяйства. Отсюда вытекают ошибки т. Бухарина и в национальном вопросе, непонимание того, что национальный вопрос играет в эпоху империализма большую роль. Очень любопытны рассуждения, которые т. Бухарин преподносит в «Экономике переходного периода» по вопросу о национальном государстве, и замечания, которые по этому поводу делает Ленин. Там, где т. Бухарин говорит, что так называемое национальное государство уже в довоенный период было чистейшей фикцией, Ленин пишет на полях: Не чистейшей фикцией, а не чистой формой. Нарушение диалектического материализма состоит в логическом не материальном скачке через несколько конкретных стадий: автор забыл, что наднимпериалистические государства выросли из национальных и что национальные государства и в колониях формируются». Ленин и здесь предупреждает, что нельзя перепрыгивать через ряд конкретных стадий, ибо здесь логический прыжок не равен материальному прыжку. Здесь имеется, иначе говоря, нарушение элементарных правил диалектического материализма, нарушение конкретности экономического анализа. Структура мирового хозяйства изображена т. Бухариным так, что места для национального государства совсем не осталось. Родственна этому и ошибка т. Бухарина в вопросе о типе войн. Тов. Бухарин доходил до отрицания национальных войн в эпоху империализма. Ленин подчеркивает, что не только существует различный тип войн, но и одному типу государства может соответствовать «не один» тип войны, а несколько.

Из всего этого, естественно, нужно сделать вывод, что основной грех т. Бухарина заключается в том, что сложная система, мозаичная действительность империалистического мира, о которой не уставал говорить Ленин, заменена упрощенной схемой, которая проходит мимо ряда конкретных черт империалистического хозяйства.

Все это сказалось в теории «организованного капитализма» и в теории «государственного капитализма», которая является непосредственной темой обсуждения настоящего заседания. Само собой разумеется, мы ни в какой степени не должны недооценивать тех тенденций к развитию госкапитализма, к развитию госкапиталистической организации, которые имеются в современном капитализме и которые особенно развиваются после войны. Конечно, замазывать рост госкапиталистических тенденций, монополистических тенденций в современном капитализме, вообще, было бы очень крупной ошибкой, и не эту цель преследуем мы, когда вскрываем недостатки в построениях т. Бухарина. Ленин всегда подчеркивал рост государственного монополистического капитализма. Ленин говорил, что государственный монополистический капитализм есть «полнейшая материальная подготовка социализма». Но в «Экономике переходного периода» т. Бухарин дает ряд неправильных формулировок в отношении госкапитализма. В своих замечаниях по этому вопросу Ленин, конечно, не отвергает государственный монополистический капитализм, а, наоборот, там, где т. Бухариным подчеркивается рост госкапиталистической организации, одобрительно отзывается об этом. Там, где т. Бухарин говорит, что война принуждает к военной организации государства, там Ленин пишет: «Верно». Обострение противоречий в мировом капитализме, колоссальная борьба за мировые рынки толкают капи-

тализм в эту сторону—в сторону развития госмонополистического капитализма. Но и здесь т. Бухарин проделывает ошибку, сводящуюся к тому же самому основному недостатку его теории империализма, который был отмечен выше. Конкретность в определении госкапитализма исчезает у т. Бухарина. Поэтому он приходит к такому выводу: финансовый капитал уничтожает анархию внутри капиталистических стран. Ленин, наоборот, подчеркивает: «Не уничтожает», заявляя этим, что логический скачек т. Бухарина в объятия «чистого», «законченного» госкапитализма есть скачек не материальный, потому что этот скачек не предусматривает, что тут несколько промежуточных конкретных стадий, которые нужно еще только преодолеть. Все это исчезло из поля зрения т. Бухарина. Ленин отмечает и большую роль, которую играет мелкое производство при госкапитализме. Он говорит, что реальный процесс обмена между городом и деревней, в перечне экономических связей, которые при госкапитализме существуют, нужно поставить на первое по важности место.

Чрезвычайно существенно критическое замечание, которое Ленин делает по поводу определения госкапитализма у т. Бухарина. Ленин говорит: «Едва ли правильно будет определение государственного капитализма, капитализма без акций и трестов (и может быть без монополий). Автор не дает ни конкретной, ни экономической сути». «Нехорошее определение, необходимого в нем нет, а рационализация — не всегда» (Ленин имеет в виду рационализацию хозяйства при госкапитализме, о которой говорит т. Бухарин). Мы видим, что конкретно экономические особенности монополистического капитализма: наличие монополии, конкуренции, трестов, акций и т. д. исчезли в определении т. Бухарина, а осталась весьма упрощенная схемка государственно-экономической организации капитализма. Ясно, что такое определение слишком абстрактно. Оно сводит все к государственной организации хозяйства и к рационализации. Такое определение не дает возможности понять государственный монополистический капитализм. Вот почему Ленин возражает против такого определения. И, наконец, в этой же связи, когда т. Бухарин указывает, что при госкапитализме имеется тенденция превращения прибавочной ценности в прибавочный продукт (здесь речь идет об отмирании экономических категорий капитализма), Ленин пишет на полях: «Чудовищно» и ставит четыре вопросительных знака. Очевидно, что говорить о такого рода отмирании экономических категорий в рамках государственного капитализма совершенно не приходится. У т. Бухарина получилось такое определение госкапитализма, которое в конечном счете совпадает с определением капитализма, как организованного капитализма, решительно расходящимся с правильным марксистским представлением о госкапитализме.

В заключение я хочу еще отметить, что когда мы подходим к проблеме «организованного капитализма», к проблеме госкапитализма, то мы не можем ограничиваться только обнаружением теоретических ошибок, которые имеются в построениях т. Бухарина. То, что у т. Бухарина имеется смазывание конкретно-экономических особенностей (я считаю это основным недостатком в построениях т. Бухарина), упрощение действительности и замазывание противоречий, которые имеются внутри капиталистических стран,—это совершенно явствует

из простого сравнения замечаний, которые сделал Ленин с положениями т. Бухарина. Но не следует забывать, что есть другая чрезвычайно важная проблема, которая, к сожалению, в докладах, которые здесь были, не получила полного освещения. Я имею в виду конкретную сторону экономической действительности капитализма, как она сложилась после войны. Эта сторона осталась вне нашего поля зрения. Само собой разумеется, что наряду с теоретическим опровержением построений т. Бухарина необходим тщательный конкретно-экономический анализ современной ступени капитализма. Вопрос о невозможности «организованного капитализма», невозможности госкапитализма в той форме, как его рисует Бухарин, упирается не только в «чисто-теоретические» аргументы, но и в анализ конкретно-экономической действительности капитализма, как она дана в настоящее время. Обосновывать все на «абстрактной» теории было бы неправильно. Вообще говоря, как чрезвычайно четко выразился Ленин по другому вопросу в своих замечаниях на «Экономику переходного периода», «невозможность доказуема лишь практически». Поэтому для доказательства невозможности «организованного капитализма» в той форме, как его изображает т. Бухарин, недостаточно только «чисто-теоретической» аргументации, которая опровергает построения т. Бухарина. Нужно привлечь и конкретные факты послевоенного капитализма, которые, мне думается, также опрокидывают теорию «организованного капитализма». На этой стороне вопроса я, к сожалению, остановиться в настоящем выступлении не могу в виду недостатка времени.

С. БЕССОНОВ

У меня в основном нет расхождений с той оценкой «организованного капитализма», которая была дана в докладе т. Варги. Мне остается поэтому ограничиться некоторыми дополнениями. И хотя наше обсуждение носит несколько односторонний характер в том смысле, что сторонники концепции т. Бухарина не представлены пока что на этой кафедре, тем не менее я все же считаю возможным остановиться на критике некоторых положений т. Бухарина, касающихся современного капитализма. Я остановлюсь прежде всего на исходном пункте, с которого начинает развертываться аргументация т. Бухарина по вопросу о современном капитализме, на так называемом «мировом хозяйстве». Концепция т. Бухарина отличается от концепции Ленина в вопросе об империализме прежде всего тем, что в то время как Ленин рассматривает империализм, как «высшую стадию капитализма», рассматривает ее, как «развитие и продолжение основных тенденций капитализма вообще», т. Бухарин рассматривает империализм, как продолжение и развитие тенденций «мирового хозяйства». Следовательно, понятие мирового хозяйства у т. Бухарина должно быть нами выяснено, прежде всего, потому, что в представлении т. Бухарина оно заменяет собою в качестве исходного пункта понятие капитализма в целом. Что такое мировое хозяйство в представлении т. Бухарина? Это — «особый вид социального хозяйства», — говорит т. Бухарин. А что такое социальное хозяйство? Социальное хозяйство,—

отвечает т. Бухарин,— есть «система индивидуальных хозяйств, связанных между собой обменом». Однако понятие о системе индивидуальных хозяйств, связанных между собой обменом, элиминирует классовый характер данной системы в качестве ее признака. Подобным понятием мы в одинаковой степени можем характеризовать и простое товарное хозяйство, и капитализм, и его высшую стадию — империализм, и даже в известных пределах, с известными оговорками, и некоторые секторы советского хозяйства. Понятие социального хозяйства выбрасывает, таким образом, важнейший признак «социального хозяйства», а именно его классовую структуру; это — внеклассовое понятие, и это обстоятельство имеет чрезвычайно большое значение для понимания аргументации т. Бухарина. Если мировое хозяйство есть один из видов «социального хозяйства», то чем же оно отличается от других социальных хозяйств? Не чем иным, кроме объема. И мы действительно видим, что т. Бухарин характеризует более детально мировое хозяйство так: это есть «система производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе. Таким образом, мировое хозяйство отличается от других видов социального хозяйства только своим масштабом. Поэтому здесь на первый план выступает объемно-пространственная характеристика явлений вместо их классовой характеристики. Мировое хозяйство стоит в таком ряду, в котором никак не могут стоять, например, простое товарное хозяйство, капитализм и империализм. Мировое хозяйство, как это понятно каждому, стоит в конце такого ряда, который начинается индивидуальными предприятиями, переходит затем к народному хозяйству и кончается мировым хозяйством, т. е. стоит в ряду такой классификации, которая почти полностью воспроизводит самую обыкновенную, самую распространенную классификацию буржуазной науки по вопросу об этапах общественного развития (ср., например, классификацию Бюхера). Если мы вспомним, что производственные отношения т. Бухариным определяются, как «трудовая координация людей в пространстве и во времени», и что, с другой стороны, мировое хозяйство есть «система производственных отношений в мировом масштабе», то мы получим довольно отчетливое представление о том, что в этом исходном пункте т. Бухарина классовая характеристика явлений до известной степени подменена объемно-пространственной характеристикой, безразличной к той особой исторической стадии развития капиталистических противоречий, о которой по сути дела идет речь. Это обстоятельство, как мы увидим позже, сказалось очень серьезно на понимании т. Бухариным классовых антагонизмов в современном капитализме. Правда, мы пользуемся понятием «мирового хозяйства» в целом ряде случаев; однако брать его в качестве исходного пункта, брать его для того, чтобы вывести из него явления современного империализма, конечно, глубоко ошибочно и совершенно неправильно.

Если, таким образом, понятие мирового хозяйства в качестве исходного пункта заимствовано т. Бухариным из буржуазной науки, то понятия «государственно-капиталистического треста», национально-организованного капитализма» представляют собой достояние самого т. Бухарина, и мы должны на них также остановиться. Я думаю, товарищи, что нет никакой надобности доказы-

дать с этой кафедры полную нереальность понятия «государственно-капиталистического треста». В самом благоприятном для т. Бухарина случае можно считать, что понятие государственно-капиталистического треста есть лишь одностороння и гипертрофированная экстраполяция на послевоенный период некоторых черт военно-капиталистической экономики периода 1914 — 1918 гг. Гос.-капиталистический трест, как таковой, никогда не существовал, не существует сейчас и никогда не будет существовать практически; я говорю практически, потому что абстрактную возможность единого треста допускал и Ленин, и мы не можем говорить, что абстрактно такой трест невозможен, — он невозможен практически, он невозможен реально. Как представляется государственно-капиталистический трест т. Бухарину? Если мы прочтем описание этого государственно-капиталистического треста в книге т. Бухарина: «Империализм и накопление капитала», то мы получим следующую картину: в этом государственно-капиталистическом организме не может быть никаких кризисов, ибо заранее дан спрос со стороны каждой отрасли производства по отношению к другим и потребительский спрос со стороны капиталистов и рабочих; нет анархии производства, а есть рациональный. с точки зрения капитала, план; в случаях просчета в средствах производства излишнее количество идет на склады, и в следующий производственный период вносятся соответствующие поправки. В случае просчета в средствах потребления рабочих рабочим скармливается этот излишек в виде раздачи или соответственная порция продукции уничтожается. В случае просчета в производстве средств роскоши выход тоже ясен; следовательно, никакого кризиса перепроизводства не может быть» (с. 84). В «Экономике переходного периода» т. Бухарин выражается еще более резко; он говорит здесь. что в пределах всего народного хозяйства общественное разделение труда целиком сменяется техническим разделением труда, т. е. в пределах всего народного хозяйства мы имеем хозяйство, ведомое по определенному плану. Однако, даже по отношению к существующим индивидуальным капиталистическим предприятиям любого масштаба и размера. о плане внутри предприятия мы можем говорить лишь с большой долей скептицизма, по следующей простой причине. Хотя у Маркса в главе о «разделении труда» мы и читаем что норма, применяемая внутри мастерских з а р а н е е и п л а н о м е р н о. в обществе действует лишь стихийно и впоследствии, тем не менее, именно потому, что каждое капиталистическое предприятие тысячью нитей связано с анархической системой разделения труда во всем обществе и вне этой системы не мыслима и не существует, то и самый план предприятия условен в высшей степени в том смысле. что этот план подвергается непрерывному воздействию и видоизменению со стороны той анархической стихии, которая этому плану противопоставлена во всем обществе в целом. Если Маркс говорил когда-то о том. что капиталистическое хозяйство не в состоянии овладеть рациональным земледелием по той причине. что беспрерывное колебание цен на сельскохозяйственные продукты не дает возможности установления рациональной сельскохозяйственной культуры. то с не меньшей силой подобное воздействие рыночной стихии на в н у т р е н н и й с т р о й п р е д п р и я т и й дает себя чувствовать во всех без исключения отраслях капиталистического производства. Я хотел

бы обратиться за примером к той отрасли капиталистического хозяйства, которая монополизирована раньше других и в которой монополистическая организация представляется настолько прочной, что буржуазные ученые выводят ее даже не из конкуренции и не из общественных отношений вообще, а из технической природы данной отрасли хозяйства, — я говорю о железных дорогах. Железные дороги представляют собой один из наиболее ранних видов монополистических предприятий, и, тем не менее, внутренняя организация железнодорожного транспорта, понимая под ней тот план, о котором говорит т. Бухарин, подвергается непрерывным изменениям, претерпевает буквально катастрофические сдвиги в связи с непрерывными изменениями на анархическом рынке транспортной продукции, в связи с конкуренцией, которую ведут сами железные дороги одна с другой и которую они ведут с другими видами транспортных предприятий.

Понятие «государственного капиталистического треста» у т. Бухарина предполагает далее, что планомерная организация производства охватывает собою всю нацию. Не будем останавливаться на крайне неясном термине «нация», который часто употребляет т. Бухарин; остановимся на понятии планового производства. В пределах нации организация единого треста предполагает прежде всего потерю самостоятельности всеми предприятиями, входящими в состав этого треста, т. е. предполагает, очевидно, капиталистическую организацию всего национального производства. Нет надобности указывать, что капиталистическая организация производства представляет собой даже для наиболее передовых стран отнюдь не всеобщее явление. Рядом с капиталистическими предприятиями существует обширная прослойка докапиталистических предприятий; наконец, сами капиталистические предприятия находятся на самых разнообразных ступенях развития, допускающих или не допускающих трестификацию. Здесь я позволю себе опять обратиться к примеру транспорта, с которым я более знаком. В этой сфере мы видим перед собой такую картину, что, в то время как железные дороги давно достигли уже такой зрелости, при которой они монополистически организуются, водный транспорт в значительной своей части находится еще в полосе ожесточенной конкуренции, и монополистическая организация водного транспорта есть явление самого недавнего времени. Сухопутный безрельсный транспорт не только еще монополистически не организован, но стоит на самой первоначальной ступени своей капиталистической организации. Точно так же и в любой другой отрасли капиталистического производства, даже в тех отраслях, которые работают в сфере наиболее легко или наиболее прочно монополизируемых товаров, даже там существуют предприятия, которые не достигли степени зрелости, позволяющей им войти в качестве звена технического разделения труда в эту существующую лишь в воображении т. Бухарина национальную трестовскую организацию.

Теперь я перейду к вопросу об использовании капитализмом государственной организации. Если можно говорить о сращивании монополистических предприятий с государственными организациями и об овладении капиталистическими предприятиями государственной машиной для своих целей, то это явление, во-первых, свойственно было в той или иной степени всем ступеням капиталисти-

ческого развития. во-вторых, представляет собой такую форму организации капиталистов, против которой в полной мере можно направить все те аргументы, которые т. Бухарин направляет против всемирного капиталистического треста. В самом деле, если мы возьмем соотношение сил, при котором складывается какой-нибудь таможенный закон или тарифная система, или налоговая практика и т. д.. т. е. все то, в чем государственный аппарат наиболее ярко выступает в роли слуги капитализма. то мы найдем. что это отношение через очень короткий промежуток времени перестает удовлетворять капиталистические организации, в нем участвовавшие, по той причине. что внутри их происходит перегруппировка сил, которая всегда мешает капиталистам достигнуть прочного и длительного соглашения. Таким образом, по отношению к этому внутреннему «национально-организованному капитализму» в полной мере обратима та аргументация, которую развивает т. Бухарин вслед за Лениным по отношению к всемирному, ультраимпериалистическому тресту. Он невозможен, между прочим. и потому, что удельный вес и значение составляющих его капиталистических сил непрерывно меняется и не может не меняться. Поэтому мне представляется, что по отношению к этому понятию т. Бухарина можно словами Ленина сказать, что здесь по меньшей мере произошел отрыв от действительности.

Позвольте мне проиллюстрировать, какого рода могут быть сделаны отсюда выводы. Обратимся, например. к выяснению того, каким образом представляются антагонизмы современного капитализма т. Бухарину? Если государственный капиталистический трест представляет собой, по мнению т. Бухарина. организацию, в которой производство развивается, как мы видели, вполне благополучно, без всяких потрясений, то спрашивается. откуда берут свое начало классовые противоречия, классовые антагонизмы современного капитализма. Внутри треста им, повидимому, места нет, и т. Бухарин в своей последней статье в «Правде» очень ясно говорит, что проблема всех проблем — социальный вопрос—своими корнями начинает с каждым годом все дальше и больше уходить во вне — на мировой рынок. От положения страны н а в н е ш н е м р ы н к е в высокой степени начинает зависеть разрешение социального вопроса внутри. Почему же именно на внешнем рынке находят себе разрешение социальные вопросы, почему оттуда идут импульсы внутренних классовых противоречий? По очень простой причине. Потому, что на внешнем только рынке, по мнению т. Бухарина, разыгрываются явления обмена, анархии, конкуренции. Без этих же явлений, по мнению т. Бухарина, не может быть классовых антагонизмов. Но можно ли ставить вопрос таким образом, что классовые противоречия и классовые антагонизмы внутри страны представляют собой как бы надстройку над отношениями обмена вне страны. что классовые отношения представляют собой как бы «разновидность» меновых отношений? Не подлежит сомнению, что обмен представляет собой известную форму классовых антагонизмов в товарно-капиталистическом обществе; но сказать, что классовые антагонизмы внутри страны развиваются только потому, что разыгрываются определенным образом меновые отношения в о в н е, это было бы не только неправильно, это значило бы пойти целиком на поводу у современной социальной школы буржуазных экономистов. Попробуем себе представить. как выглядят классовые антагонизмы в представлении т. Бухарина.

Возьмем книгу, написанную им в 1915 г.—«Мировое хозяйство и империализм». «Если рассмотреть вопрос во всем его масштабе,—пишет там т. Бухарин,—и притом с его объективной стороны, т. е. с точки зрения условий приспособленности современного общества, то здесь налицо растущая дисгармония между базисом общественного хозяйства в его мировом объеме и своеобразной классовой структурой общества (Вы ждете, что сейчас всплывут классовые антагонизмы? *С.Б.)* где сам руководящий класс — буржуазия — раскалывается на национальные группы с противоречивыми национальными интересами. Производство носит общественный характер, присвоение принимает характер национально-государственный» (с. 131). Так формулируются в наиболее общей форме классовые противоречия современного капитализма т. Бухариным. Однако каждому ясно, что это не суть противоречия м е ж д у классами, это противоречия внутри о д н о г о класса: между «мировым о б ъ е м о м производства и «национальным о б ъ е м о м присвоения. В основе своей это не есть антагонистические отношения. Куда же девался рабочий класс в концепции т. Бухарина? Как это ни странно. его в этой концепции нет. Может показаться, что это случайная описка в 1915 г. Возьмем книгу, написанную в 1925 г. и переизданную в 1927 г.—«Империализм и накопление капитала»: здесь мы находим снова ту же самую формулировку, по которой классовые противоречия современного общества в основе своей сводятся к противоречиям между мировым объемом производства и национальным объемом присвоения. «В военный взрыв, — писал в этой книге т. Бухарин. — включены по сути дела в с е противоречия капиталистической системы, о которых мы говорили выше. Их мы можем формулировать под другим углом зрения, например, как противоречия между производительными силами мирового хозяйства и национально-ограниченным методом присвоения со стороны государственно разгороженной буржуазии, или как противоречия между обобществленным в широком масштабе производством и частнохозяйственными или национально-буржуазными хозяйственно-имущественными отношениями». Таким образом перед нами система, из которой совершенно в ы п а л и классовые антагонизмы в собственном смысле этого слова, т. е. междуклассовые отношения. Здесь остались только противоречия между мировым объемом производства и национально-ограниченным методом присвоения. Я считаю, что эта недопустимая бесклассовая постановка вопроса об антагонизмах современного капитализма в немалой степени связана с тем, что исходный пункт всех построений т. Бухарина (а именно мировое хозяйство) был взят внеклассовый, был взят не так, как советовал брать исходные пункты Ленин, т. е. не только с точки зрения указаний на «необходимость» известных явлений, но и с точки зрения подчеркивания того, какая именно общественная формация эту необходимость порождает и какой именно класс ею «заведует». Вот о классе, заведующем современным капитализмом, т. Бухарин совершенно забыл в своих работах.

Теперь я хотел бы сделать два небольших экскурса, по необходимости ограниченных: во-первых, по вопросу об оптимистических взглядах т. Бухарина на технический прогресс в современном капитализме, и, во-вторых, о Шмаленбахе. Тов. Бухарин считает, что современный капитализм показывает нам вновь

чудеса техники, мы вновь стоим будто бы перед техническим переворотом. Я считаю, что такой взгляд, по меньшей мере, преувеличен. Если мы всмотримся в основные тенденции современной капиталистической техники, то мы можем наметить здесь две основных струи. Было бы смешно и во всех отношениях неправильно отрицать наличие громадного количества изобретений и открытий в современном капитализме. Современный капитализм представляет собой способ производства, в котором принцип кооперации представлен в таком масштабе, в каком раньше он никогда представлен не был, а мы из «Капитала» знаем, что там, где имеется кооперация, рождается новая дополнительная сила общественного труда, которая не существовала раньше и которая присвоивается капиталом. Маркс показал далее, что все открытия и изобретения суть клад комбинированного общественного труда, что только в процессе комбинированного общественного труда техника может развиваться. Поэтому в современном капитализме, где кооперация представлена в большом масштабе, мы имеем огромный поток всякого рода изобретений и открытий. Этот поток не может быть полностью остановлен капиталистической формой организации производства. Капиталистическая форма задерживает технический прогресс не в этом пункте. Она задерживает его там, где поток «открытий» должен превратиться в биение производственной практики. Открытия и изобретения, как мы сказали, являются неизбежным, неустранимым плодом коллективной организации труда, характерной в известном смысле и для капитализма. Однако анархическая природа современного капитализма задерживает их распространение, кладя тем самым предел техническому прогрессу. Можно подтвердить огромным количеством фактов, что именно тут лежат путы, которые современный капитализм накладывает на технический прогресс. Что значит, что новые технические изобретения и открытия не находят себе широкого применения, вследствие того, что монополистические организации задерживают их распространение по целому ряду соображений? Следствием этого является то, что новые открытия и изобретения не испытывают на себе оплодотворяющего влияния коллективного труда, не соприкасаются с огромными группами рабочих и техников и не испытывают на себе того животворного действия, которое приходится техническим изобретениям и открытиям испытывать в процессе своего распространения. Все известные нам крупные изобретения получили развитие лишь в процессе их широкого распространения, когда огромное количество людей, соприкасаясь с ними, могли перенести на них опыт применения других изобретений, годных в других отраслях техники, и оплодотворить их таким образом. Задерживая применение новых открытий и изобретений, современный капитализм оказывает рикошетом реакционное влияние и на внутренний ход технического прогресса как такового, т. е. на самое появление открытий и изобретений. По целому ряду отраслей мы наблюдаем в настоящее время значительную стагнацию именно потому, что новые изобретения и открытия не приняты, ибо монополистические организации в ряде случаев не имеют основания для их применения.

Второе замечание я хотел бы сделать по вопросу о Шмаленбахе. Тов. Гольдштейн был прав, когда сказал, что Шмаленбаху неправильно приписывают теорию основного капитала, в то время как он в ней совершенно непо-

жинен, он говорит лишь о постоянных издержках. Я хочу отметить, что Шмаленбах, произведший такую сенсацию в буржуазной науке, ни в какой степени не является новатором в том круге идей, который ему приписывают. В статье Вайермана вы найдете тот же самый круг мыслей, только гораздо более последовательно изложенный, чем у Шмаленбаха; а если заглянуть в работы первых теоретиков современных капиталистических монополий, а именно теоретиков железнодорожного транспорта, вы найдете там не только всю фразеологию Шмаленбаха, но также и всю его аргументацию. Поэтому нам нужно было бы, пожалуй, внести некоторую трезвую ноту в то увлечение, которое с легкой руки т. Бухарина создается вокруг Шмаленбаха. В заключение я должен сказать, что тот круг вопросов, который развивает Шмаленбах и который до него развивал Вайерман и который еще ранее разрабатывали железнодорожные экономисты, этот круг проблем нами, во всяком случае, должен быть освещен с нашей, марксистской, точки зрения. Не подлежит сомнению глубокая связь монополистических организаций в современном капитализме с ростом основного капитала современной капиталистической промышленности.

М. РУБИНШТЕЙН

Товарищи! Наша дискуссия носит несколько скучноватый характер; как правильно заметил т. Бессонов, она односторонняя; здесь, в аудитории, повидимому нет живых представителей и защитников теории «организованного капитализма»; но все же эта дискуссия имеет максимальный смысл и значение потому, что круг идей, развернутых т. Бухариным по вопросу об «организованном капитализме», требуют самого широкого внимания и разоблачения. Требует потому, что он заходит настолько далеко, вернее отходит настолько далеко от всей ленинской оценки эпохи империализма, что только несколько шагов, только небольшая грань отделяет эти идеи от современной гильфердинговщины, т. е. наиболее законченного и пошлого ревизионизма наших дней. Вернее даже не ревизионизма, а типичного продукта эпигонов ревизионизма. Как правильно отметила в свое время Роза Люксембург: «Создать цельную положительную теорию оппортунизм не в состоянии. Теория Бернштейна — первая и последняя попытка этого рода».

Нет смысла особенно подробно останавливаться на теоретической стороне рассуждений т. Бухарина. Если взять их в последнем виде, в том виде, как они имеются в статье «Теория организованной бесхозяйственности», и не заниматься историей грехопадения, источником ошибок т. Бухарина, то именно тут совершенно исчерпывающий ответ дают совершенно ясные и четкие положения Ленина, положения, которые повторялись им десятки раз. Достаточно простейшего сопоставления, чтобы показать, куда докатился в этом вопросе т. Бухарин.

По Бухарину, в настоящее время имеет место «замирание конкуренции внутри капиталистических стран» и — лишь как бы в виде компенсации — «величайшее обострение конкуренции между ними»...

«Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемами организации».

Не может быть сомнения, что это поразительное зрелище капитализма без проблемы рынка и цен, без конкуренции и без кризисов является лишь осколком теории Гильфердинга, его знаменитых перлов в кильской речи о «преодолении слепых законов рынка». И все это заявляется в период, когда как раз все эти проблемы и притом как раз в результате развития монополистического капитализма получают совершенно небывалую остроту и напряженность.

Ленин дал совершенно уничтожающий ответ на всю эту болтовню о смягчении конкуренции и отмирании кризисов. Еще в «Империализме» он писал: «Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом».

Что особенно важно в связи с оценкой современных технических сдвигов и что, мне думается, бьет как т. Бухарина, так и сегодняшнее выступление т. Бессонова по этому вопросу, это то, что Ленин писал:

«Вместе с тем усиленно быстрый рост техники несет с собой все больше элементов несоответствия между различными сторонами народного хозяйства, хаотичности, кризисов» [1].

Примеры, которые приводит Ленин в дальнейшем для подтверждения этих положений, не только целиком сохраняют свое значение для настоящего времени, но и могут быть дополнены десятками новых. Наконец, в своем «Проекте изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы» (апрель 1917 г.) Ленин развивает те же положения в таком виде, что они бьют не в бровь, а в глаз всей нынешней системы взглядов т. Бухарина в этом вопросе. Он пишет:

«Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободной конкуренцией монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может. Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами — вот существеннейшая особенность империализма вообще... Именно это соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии, и существенно для империализма, именно оно и подготовляет крах, т. е. социалистическую революцию» [2].

Необходимо обратить особенное внимание на последнюю фразу, так как Ленин никогда не бросался такими выводами, никогда они не были у него случайной обмолвкой или полемическим увлечением; между тем последняя фраза ясно показывает всю громадную важность этого вопроса, показывает, что именно здесь основа, на которой держится ряд «надстроек», что именно на этой базе должна основываться вся политическая линия Коминтерна. Эти ленинские «замечания к программе» ставят вопрос во всей широте и не оставляют камня на камне от всей теории т. Бухарина.

---

[1] Ленин, т. XIX, с. 92.
[2] Ленин, т. XX, с. 297.

Но обратимся к проверке положений т. Бухарина в конкретной действительности современного капитализма. Ограничимся современной, экономической действительностью САСШ, которые, если бы утверждения т. Бухарина были верны, должны были бы быть наиболее ярким примером. САСШ — страна максимальной концентрации капитала, со старыми промышленно-финансовыми «империями» Моргана и Рокфеллера, с безраздельным подчинением финансовому капиталу государственной власти, «общественного мнения», реформистских профсоюзов. Страна с федеральной резервной системой, якобы служащей «оплотом бескризисного процветания». Концентрация капитала в САСШ получила за последнее время особенно стремительный, бешеный темп. Уж если говорить где-либо о попытках «организованного капитализма», ослабления внутренних противоречий и т. п., то это в первую очередь должны были бы быть САСШ.

Немудрено, что именно Ловстон и К° развили эти положения т. Бухарина с наибольшей законченностью, правда, выдвинув при этом оговорку об «исключительности» САСШ. Помимо бесконечной, хоть и в достаточной мере скучной, тезисной литературы внутри САСШ, предшествовавшей их исключению, Ловстон и Пеппер с достаточной полнотой развили те же идеи на VI конгрессе Коминтерна (к сожалению, не встретив сколько-нибудь внятного опровержения) при явном сочувствии т. Бухарина. Между тем, как раз САСШ наших дней являются самым ярким, можно сказать, классическим примером, самым законченным воплощением вышеуказанных положений Ленина и именно поэтому самым наглядным опровержением абстрактных схем и рассуждений т. Бухарина. Надо быть слепым, вернее, надо хотеть ничего не видеть, чтобы объективно, по-марксистски анализируя современную американскую действительность, говорить о каких-либо успехах организованности капитализма, о планомерном притуплении внутренних капиталистических противоречий. Именно в САСШ можно видеть с особенной яркостью, как один ликвидированный или ослабленный вид конкуренции заменяется десятками новых, как с совершенно небывалой остротой разгорается ожесточенная борьба за внутренний рынок, бешеная борьба разных трестов, разных отраслей промышленности, предприятий, разных технических методов.

Эта борьба приводит к такому положению, что по ряду подсчетов буржуазных экономистов вся экономия, которую дает рационализация производства, целиком и с лихвой съедается распуханием распределения, рекламы, как американцы говорят — «продажи под высоким давлением». В результате — хозяйственные растраты, потери, знаменитые американские waste, сокращаемые с одного конца с тем большей стремительностью нагромождаются на другом. В качестве небольшого, но характерного примера достаточно проследить хотя бы, как величайшие успехи стандартизации и нормализации сопровождаются за последнее время лихорадочной сменой моделей, дикой и нелепой скачкой образцов, проводимой для хотя бы мимолетного успеха в борьбе за рынок.

С особенной ясностью сказывается усиление хаотичности американского капитализма в вопросе о конъюнктуре народного хозяйства САСШ. Трудно себе представить что-либо более безнадежно путаное, чем современные сдвиги американской конъюнктуры. При этом характерно, что за последние годы в САСШ можно отметить громадный подъем и размах конъюнктурной исследовательской

работы. Как грибы растут всевозможные бюро и институты экономических исследований, от ученейшей гарвардской школы до полурекламных и вовсе рекламных предсказателей с их хозяйственными «барометрами», бесчисленными индексами, экстраполируемыми кривыми, а иногда даже обращением к духам при помощи вертящихся столов. В отдельных предприятиях и фирмах конъюнктурные наблюдения приводят иногда к великолепным результатам. Но результат в отношении предвидения конъюнктурных сдвигов хозяйства в целом или отдельных его отраслей не может быть определен иначе, как «абсолютный нуль».

Мы не говорим уже о величайших расхождениях оценок и предсказаний разных учреждений и экономистов. Но если даже взять любой из солиднейших экономических журналов за последние недели, то сплошь и рядом в том же номере мы найдем на одной странице победный барабанный марш, а на другой — такие мрачные предсказания кризиса, биржевого краха, финансовой и экономической катастрофы, что куда т. Осинскому.

Такие же противоречия, такую же гамму не только разноречивых, но прямо противоположных оценок можно найти даже в характеристике прошлой конъюнктуры, особенно за август и сентябрь этого года, когда начали проявляться признаки новой депрессии. Это не значит, что можно предсказывать кризис, скажем, в ноябре или январе. Это бесплодное занятие, бесплодное именно потому, что современный капитализм бесконечно далек от «организованности» и планового развития, что даже довоенный тип цикличности кризисов утерян, и поэтому предсказание точных сроков кризисов становится чем-то вроде метеорологии (а эта наука, как известно прилежным читателям «Вечерки», особой точностью покамест не отличается).

Громадное развитие исследовательской конъюнктурной работы (дающее в качестве «побочного продукта» массу интереснейших материалов) является не фактором роста организованности, а показателем лихорадочных, но безнадежных поисков плановости, проявлением тщетного стремления укрыться от нарастающего хаоса. Таким же показателем являются все более многочисленные в САСШ статьи и заседания, посвященные нашему Госплану, иногда проникнутые самой доподлинной завистью, являющейся тщетной мечтой либеральных экономистов о плановости при капитализме, мечтой, которая в соприкосновении с суровой действительностью быстро вянет.

С особенной яркостью сказался нарастающий хаос в финансовой области. Что означают события на нью-йоркской бирже за последние месяцы, как не полнейший провал федеральной резервной системы в борьбе с биржевой спекуляцией, которая захлестывает все более высокой волной. Между тем эта федеральная резервная система еще недавно прославлялась как своего рода «капиталистический Госплан», раз-на-всегда устраняющий всякие кризисы. Для марксистского исследователя американской экономики не может быть никаких сомнений, что вопреки всей болтовне о ликвидации кризисов или их смягчении (в том числе и болтовне Гуверовской комиссии), вопреки промышленным и торговым рекордам прошлого года хозяйство САСШ лихорадит почти беспрерывно, лихорадит как в периоды подъема, так и депрессии. Для представления об «успехах» планирования промышленности, предотвращения кризисов и устранения

САСШ достаточно привести несколько примеров о положении развития в отдельных основных производствах. При этом, обвинений в субъективном подходе, мы дадим (поневоле краткие) замечания об этом положении в цитатах самих промыш-. О положении в угольном производстве «Айрон Эйдж» пишет: «За годы вместо прежнего стройного подъема мы видим кривую из зигзагов». Или в другом номере: «Производственный аппарат угольной промышленности настолько переразвит, что потребуется 50 лет, чтобы привести его в соответствие с потребностью. Но ждать 50 лет слишком долго. Ряд шахт и горняков должны умереть для блага дела». Однако, ни шахты, ни горняки не согласны «планово» умирать, и положение угольного производства продолжает оставаться «темным пятном на солнце всеобщего благополучия».

О стальной промышленности в речи Шваба на съезде Стального института говорится следующее: «Сохранить процветание можно, только прекратив всякий рост производственной способности. Расширение производственной мощи предприятий недопустимо. Постройка новых заводов была бы безумием». И однако новые заводы строятся с небывалой прежде быстротой, еще быстрее развивается рационализация производственных методов, производственная способность растет и не может не расти.

То же самое в машиностроении и, что особенно интересно, в сельскохозяйственном машиностроении. В частности, всеобщее внимание привлекло в САСШ полное прекращение Фордом тракторного производства и перенесение его в Ирландию.

В текстильной промышленности имеет место сильнейшее «переразвитие» производственного аппарата не только на севере, но и на юге. Южные промышленники в ответах на специальную анкету ассоциации южных хлопчатобумажных фабрикантов в один голос кричат об опасностях «массовой продукции без массового сбыта», о «разрушительном действии новых женских мод на христианские идеалы и хлопчатобумажную промышленность». И тем не менее новые фабрики растут, как грибы, а на прежних предприятиях, там, где год назад один ткач обслуживал 24 — 32 автоматических станка, теперь он обслуживает 64 или даже 80 — 100 станков, а одна фабрика проводит в этом году присмотр одного ткача за 150 станками.

Как отмечает «Анналист», «то же самое происходит в каждой отрасли промышленности без исключения». Ошибкой было бы думать, что все эти явления характерны лишь для старых производств. Новые, молодые отрасли промышленности сразу воспроизводят все эти противоречия на их высшей ступени.

Специального подробного рассмотрения требует автомобильная промышленность, где, несмотря на все рекорды прошлого и этого годов, проблема «насыщения» уже надвинулась с небывалой остротой. Даже если взять самую молодую авиационную промышленность с ее необычайно стремительным ростом, то и там промышленники за последние месяцы кричат о «грозном перепроизводстве». Продукция за 1929 г. почти удвоилась, а потребление вы-

росло лишь на 50%. Ряд заводов за последние месяцы резко сокращает продукцию и распускает даже кадры незаменимых квалифицированных рабочих. Вследствие быстрейшего морального изнашивания авиооборудования перепроизводство здесь действует особенно разрушительно. Работать «про запас» абсолютно невозможно, а техника производства и сезонность продаж требуют массового производства. Более или менее аналогичны условия развития в производстве искусственного шелка и в ряде других новых производств.

Результаты этого положения очень ярко характеризуются Стюартом Чезом: «Чем больше мы можем производить, тем хуже. Это какая-то экономика сумасшедшего дома». Так выглядит (внутри страны) «организованный», по Ловстону «исключительный», капитализм САСШ не на торжественных парадах (как в отчете комиссии Гувера), а в повседневной практике промышленников важнейших производств, так «отмирают» в САСШ проблемы рынка, цен, конкуренции и кризисов.

Даже в области внешней политики, в методах и путях империалистической экспансии, где обычно все силы империализма в наибольшей степени сжаты в один кулак, подчинены основным интересам руководящей империалистической группы, и здесь мы видим сильнейшую борьбу и конкуренцию разных интересов, разных слоев и групп капитала. Отношение к событиям на К.-В. ж. д.,—с одной стороны, выступление Манделя и Ламонта, с другой—групп, заинтересованных в развитии торговли с СССР,—является лишь одним из многих примеров противоречий в этой области.

Нечего и говорить о социальных и классовых отношениях внутри страны. В этой области мы имеем дело с несомненным развитием, частью завершением включения реформистской верхушки рабочего движения в общий комплекс финансового капитала. Но как раз это не ослабляет, а усиливает противоречия. Ярким показателем роста классовых противоречий являются последние стачки в южных штатах, прозвучавшие, как гром среди ясного неба, стачки, втягивающие в международный поток классовой борьбы последний крупный отряд рабочего класса, стоявший до сих пор в стороне. Характерно, что и в этой области «конъюнктурные» предсказания американских капиталистов попали пальцем в небо. Еще 6 месяцев назад журналы и газеты южных промышленников заявляли в один голос, что никакие рабочие волнения на юге абсолютно не возможны. С одной стороны, там, мол, работают настоящие 100-процентные, всегда послушные и преданные хозяевам, американцы; с другой стороны, давление избыточной рабочей силы в сельском хозяйстве принуждает промышленных рабочих держаться смирно. В настоящее время южные капиталисты резко изменили фронт. Их газеты и журналы остервенело вопят о «многоголовой гидре коммунизма», о том, что «рука Москвы протянулась к счастливым долинам юга» и, «если ее немедленно не отрубить, она задушит процветание благословенной богом страны».

Мы не останавливаемся на глубочайших, неизбывных противоречиях сельского хозяйства САСШ, где даже самые рьяные оптимисты не решаются говорить об успехах «организованности». Такое же нарастание внутренних противоречий можно проследить во всех областях политики и экономики САСШ.

Просто диву даешься, как может такой, как писал Ленин, «занимающийся», во всяком случае занимавшийся экономист, как т. Бухарин, не видеть того, о чем он сам не раз писал и говорил, забыть тот факт, что внутренние и внешние противоречия, внутренние и внешние интересы современного империализма сращены совершенно неразрывно. Самая попытка разложить их по полочкам и, главное, найти для них, как это пытается теперь делать т. Бухарин, противоположные тенденции развития, является извращением элементарнейших положений марксистской диалектики и нежеланием видеть самые основные тенденции современной экономической действительности.

Что, как не (по Бухарину, якобы отмирающие) внутренние противоречия, в первую очередь сужение внутренних рынков, гонит капиталистов на внешние рынки, к дэмпингу, к отчаянной мировой борьбе, несмотря на, казалось бы, необозримые потенциальные рынки внутри страны? Что, как не тенденция к понижению нормы прибыли внутри страны гонит к экспорту капитала, в свою очередь воспроизводящему все эти противоречия в кубе, в десятой степени? И в то же время,— обратное взаимодействие,— что, как не условия отчаянной международной конкуренции ведет к бешеному наступлению на условия труда, рационализации, «международному крестовому походу на жизненный уровень рабочего класса».

Как в свете теоретических положений Маркса, Энгельса и Ленина, так и в проверке современной экономической действительности, вся эта «теория» об отмирании внутренних противоречий капитализма не содержит ни грана марксистского анализа. В то же время она несомненно служит теоретической базой пассивности, хвостизма, профсоюзного легализма и прочих «качеств» тактической линии правых и примиренцев во всех секциях Коминтерна. Само собой понятно, что установка на «организованный капитализм» за границей теснейшим образом связана со всеми взглядами правых в вопросах советской экономики. Если капитализм «организуется» в каждой из руководящих промышленных стран, если стабилизация прочна и устойчива, и, как заявлял т. Бухарин, «основное отличие 3-го периода от 2-го состоит в росте производительных сил» как «органическом свойстве данного периода», то отсюда невольно делается вывод, что надо и внутри Советского Союза действовать «медленным шагом, робким зигзагом», надо «полегче на поворотах», не увлекаться совхозами и колхозами, не развивать борьбы с кулаком. Тем более, что, как заявил сторонник т. Бухарина — Серра, «еще научно не определено, что такое кулак».

Статья т. Бухарина о «теории организованной бесхозяйственности» вовсе не является простым изложением теорий никому не известного и по существу очень мало интересного Бенте с его «абстрактной проблемой аппарата в целом». «Поразительное формальное сходство» с нашими проблемами, которое сам т. Бухарин вынужден был отметить, в изображении т. Бухарина далеко не формально и не случайно. Изображая бюрократическое окостенение монополии и абстрактного «аппарата в целом», т. Бухарин совершенно явно имеет в виду не «поздний капитализм», а советское хозяйство, и подвергает этой своеобразной критике «дальнего прицела» не бюрократические извращения, а самую

суть нашего планового хозяйства, централизации, ставки на крупное производство в сельском хозяйстве. Единственный вывод, который невольно напрашивается из всей той карикатурной картины, которую дает т. Бухарин,—поменьше плановости и централизации, дорогу частной инициативе, т. е. именно тот вывод, который т. Бухарин и его сторонники сделали открыто по отношению к сельскому хозяйству СССР. Устрялов в одной из своих восторженно-хвалебных статей об идеологии т. Бухарина делает следующее замечание: «Апостол Петр трижды отрекся от Христа, но все же он вошел в историю христианства как апостол и учитель. Бухарин трижды отрекался и не раз еще будет отрекаться от своего лозунга «обогащайтесь», но все же он войдет в историю революции как творец этого лозунга».

Тов. Бухарину придется напрячь все усилия для того, чтобы этому злому предсказанию классового врага не суждено было сбыться.

А. ИТКИНА

Товарищи! В своем сегодняшнем выступлении я хотела бы поставить три вопроса, имеющих непосредственное отношение к теории «организованного капитализма». За недостатком времени я вынуждена сделать это в самых беглых и основных чертах.

Вопросы эти следующие: 1) теоретическое обоснование возможности всеобщего треста 2) экономические противоречия, возникающие на почве роста монополии, и 3) о соотношении «организованного капитализма» в пределах национального хозяйства и анархической структуры мирового хозяйства.

Проблема организованного капитализма, как она получила свое обоснование у социал-демократических теоретиков, включает в себя в качестве одного из элементов теорию «ультраимпериализма», реакционный характер которой с такой исключительной силой вскрыл т. Ленин. Эпоха ультраимпериализма с точки зрения творца этой теории—Каутского—представляла бы господство интернационально объединенного финансового капитала, монопольно эксплоатирующего весь мир. Подобную фазу в развитии капитализма Каутский считал вполне мыслимой, так как с точки зрения социал-демократических теоретиков не существует никаких существенных экономических, а следовательно, и политических и социальных, препятствий для образования всемирного монополистического объединения. Таким образом, экономическим содержанием эпохи ультраимпериализма явилось бы господство одного всемирного объединения финансовых магнатов. Поскольку мыслимо такое объединение, мыслима и эпоха ультраимпериализма, эпоха мира между народами при капитализме. По поводу «теории» возможного мира между народами вследствие господства фазы ультраимпериализма Ленин писал: «Это мнение теоретически совершенно вздорно, а практически есть софизм и способ нечестной защиты худшего оппортунизма» [1]. Почему теоретически совершенно вздорно? Потому что пока существуют классы (а без классов капита-

[1] Ленин, т XIX с. 130. Разрядка наша *А. И.*

лизма быть не может) «сущность борьбы, ее классовое содержание прямо-таки не может измениться (там же), хотя форма борьбы может меняться и меняется часто.

Если теоретически вздорна теория ультраимпериализма, то может ли быть теоретически верна гипотеза об образовании единого мирового треста?

В «Финансовом капитале» Гильфердинг впервые поставил вопрос о том, существуют ли какие-нибудь границы для процесса картелирования. На этот вопрос он ответил таким образом, что абсолютной границы для растущего процесса картелирования не существует и что результатом распространяемой тенденции к монополии должен был бы явиться всеобщий картель. Образование такого картеля вполне мыслимо, хотя сколько-нибудь длительное существование такого картеля невозможно, так как «антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, привел бы его к крушению».

Что представляло бы собой общество с господством всеобщего картеля? «Здесь все производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто-номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картельными магнатами, а, с другой стороны, между другими членами общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а просто своего рода расчетным вспомогательным приемом при передаче вещей от одних лиц к другим. Деньги не играют никакой роли. Они могут совершенно исчезнуть, потому что дело сводится ведь к передаче вещей, а не к передаче стоимостей. Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществленной стоимости исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт. Материальные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная часть достается рабочему классу и интеллигентам, другая остается у картеля и он может употреблять ее на что угодно. Это сознательно регулируемое общество в антагонистической форме»[1].

Мы позволили себе привести эту длинную цитату потому, что в ней с большой яркостью и выпуклостью поставлен вопрос о всеобщем картеле. Образование такого картеля Гильфердинг теоретически считал возможным, так как не существует абсолютной границы для картелирования, господство такого картеля знаменовало бы господство сознательного регулирования, плана в капиталистических условиях.

Прежде всего, как относился Ленин к гипотезе всемирного треста? Мы приведем два высказывания Ленина по этому вопросу. В недавно опубликованном предисловии к брошюре т. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» Ленин писал: «Рассуждая абстрактно-теоретически, можно притти к выводу, к которому и пришел — несколько по-иному, но тоже распрощавшийся с марксизмом—Каутский, именно: что не очень далеко уже и всемирное объ-

[1] Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 263—264

единение этих магнатов капитала в единый всемирный трест, заменяющий соревнование и борьбу государственно обособленных финансовых капиталов интернационально объединенным финансовым капиталом. Такой вывод, однако, столь же абстрактен, упрощен, неправилен, — продолжает Владимир Ильич, — как аналогичный вывод наших «струвистов» и «экономистов 90-х гг. прошлого века, когда они из прогрессивности капитализма, из его неизбежности делали заключения то апологетические..., то аполитические..., то даже прямо статистические»! И в другом месте том же предисловии Ленин пишет, что абстрактно мыслить господство всемирного объединения финансовых магнатов значит на практике «становиться оппортунистом, отрицающим острые задачи современности во имя мечтаний о будущих не острых задачах. В теории это значит не опираться на идущее в действительности развитие, а предварительно отрываться от него во имя этих мечтаний».

В своей книге «Империализм как новейший этап капитализма» Ленин вновь возвращается к этому вопросу и пишет: «С чисто-экономической точки зрения возможен ультраимпериализм или это—ультрапустяки? Если понимать под чисто-экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, тогда все, что можно будет сказать, сведется к положению: развитие идет к монополиям, следовательно, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно, вроде указания, что «развитие идет» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле теория ультраимпериализма такой же вздор, каким была бы «теория ультраземледелия»[1]. Таким образом мы видим, что гипотезу о всеобщем тресте, которую, вообще говоря, с точки зрения «чистой» абстракции вывести можно, Ленин считал совершенно бессодержательной, теоретически неверной потому, что вместо того, чтобы при выведении законов опираться на идущее в действительности развитие, эта гипотеза отрывается от него, отрывается от действительности, полной глубоких противоречий, конфликтов, потрясений, которые неизбежно взорвут капитализм раньше, «чем дело дойдет до одного всемирного треста». Кстати заметим, что в то время, когда Ленин считал образование такого треста невозможным, Гильфердинг считал (речь идет о Гильфердинге эпохи его «Финансового капитала») лишь его длительное существование невозможным.

Итак, с точки зрения «чистой» абстракции из развития монополистических тенденций можно притти к выводу о возможности всеобщего треста. Но такой вывод будет беспредметным, бессодержательным. Да иначе и невозможно, ибо метод «чистых» абстракций (не абстрактный метод вообще) не может привести ни к чему иному, как к бессодержательным и бесплодным выводам, которые не только не вскрывают действительного процесса развития, а, наоборот, его «смазывают».

Известно, что Маркс основные тенденции капиталистического развития рассматривал в их наиболее чистом абстрактном проявлении. Он пользовался

[1] Ленин, т. XIX, с. 147.

методом восхождения от абстрактного к конкретному, как «способом, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно, как конкретное» (Из введения «К критике политической экономии»). Но простейшие абстракции в системе Маркса не есть пустые и бессодержательные «абстракции», которые Маркс высмеивал так же, как вслед за ним Ленин: абстрактные категории в системе Маркса выражают развитие исследуемого объекта, рассматриваемого как единство противоположностей в то время, когда «чистая» абстракция о возможности всемирного треста в социал-демократической концепции абстрагируется от противоречивого развития и проявления монополистической тенденции. Тенденция получается «чистая», «абстрактная», односторонняя, потому и неверная и бессодержательная. Кроме того, абстрактный метод Маркса не доведен им ad absurdum, т. е. до абстрагирования от самого объекта исследования.

Таким образом метод абстрактного чисто-экономического анализа, если пользоваться им так, как учит нас этому марксистская методология, предполагает, что тенденции, которые устанавливаются даже в их наиболее чистом предельном виде, выражают внутренний закон развития исследуемого объекта (а следовательно, взятый как единство противоположностей), что тенденции реальны, хотя они взяты в наиболее «чистом» виде. Нет никакого сомнения в том, что тенденция к распространению картелирования и трестирования (последнее особенно в послевоенный период) есть вполне реальная тенденция. Но значит ли это, что эта тенденция может получить свое завершение в виде всеобщего мирового треста, значит ли это, что идея всеобщего треста есть реальная идея, которая осуществима на базе капитализма? Не отрицает ли всеобщий трест капитализм, а капитализм в свою очередь единый мировой трест? Только так может быть поставлен вопрос.

Совершенно очевидно, что всеобщий трест при капитализме—или, что то же, организованный капитализм в мировом масштабе — есть мертвая абстракция, которая не отражает реального опыта, реального движения централизационного процесса. Всеобщий картель есть самоотрицание капитализма, поэтому он невозможен при условии сохранения капитализма. Капитализм без анархии производства, капитализм, в котором исчезает товарная форма продукта, отмирают деньги, в котором объективный закон цен, прокладывающий себе путь через конкуренцию, заменяется планомерно регулируемым процессом распределения общественного труда, такой капитализм—бескровная, бессодержательная абстракция, вдобавок еще внутренне противоречивая. В мертвой схеме всеобщего треста остается совершенно необъяснимым существование этого треста в капиталистической форме; остается необъяснимым, каким образом при исчезновении товарной формы хозяйства рабочая сила все еще продолжает быть товаром. Остается необъяснимым, как осуществляются законы капиталистического распределения в обществе, где закон стоимости перестал существовать. Очевидно, что в обществе всеобщей монополии распределение хотя и будет антагонистическим, но это будет

антагонизм не капиталистического общества. Это будет антагонизм особой формации. Между прочим т. Бухарин, который вслед с Гильфердингом считал, что: «Рассуждая абстрактно-теоретически, такой (т. е. всеобщий мировой) трест вполне мыслим, так как, вообще говоря, не существует экономического предела для процесса картелирования»[1], в то же самое время совершенно правильно указывал, что мировой трест невозможен на базе капитализма. «Если бы был уничтожен товарный характер производства (например, при организации всего мирового хозяйства, как одного гигантского государственного треста, невозможность чего мы доказываем в главе об ультраимпериализме), то у нас была бы совершенно особая хозяйственная форма. Это был бы уже не капитализм (разрядка наша. *А. И.*), так как исчезло бы производство товаров, но еще менее это был бы социализм, так как сохранилось бы (и даже бы углубилось) господство одного класса над другим. Подобная экономическая структура напоминала бы более всего замкнутое рабовладельческое хозяйство при отсутствии рынка работ»[2].

Следовательно, сам капитализм как особая хозяйственная система выступает как предел для всеобщего картелирования. Теоретически допускать возможность всеобщего треста, значит вести анализ на такой ступени абстракции, когда исчезает самый объект анализа — капиталистическое общество, ибо только модификации мы и изучаем.

А потому, — если теоретически мыслим всеобщий трест, почему теоретически немыслима особая фаза капитализма, которую Каутский называет «ультраимпериализмом»? Очевидно, если «мыслима» причина, то «мыслимо» и следствие, если «мыслим» всеобщий трест, то «мыслим» и ультраимпериализм. Но в том-то все дело, что то и другое мыслимо лишь с точки зрения формальной логики, а не диалектики. Когда Ленин писал, что, рассуждая абстрактно-теоретически, можно притти к выводу, к которому пришел Каутский, то он под абстрактными рассуждениями («чистые» абстракции) как раз понимал такого рода рассуждения, которые допустимы с точки зрения формальной логики. С точки зрения формальной логики можно игнорировать при выведении «чистых» абстракций основные противоречия, которые встречает на своем пути та или другая тенденция. Поэтому с точки зрения формальной логики можно сложные экономические процессы рассматривать как простую арифметику: не было совсем монополий, стали сотни, потом десятки, следовательно станет когда-нибудь одна монополия.

В «Финансовом капитале» Гильфердинг говорил лишь об абстрактной возможности всеобщего треста, о такой возможности, которая не может получить своей сколько-нибудь длительной реализации. В своей статье «Современ-

---

[1] Бухарин. Мировое хозяйство и империализм, с. 86.

[2] Там же, подстрочное примечание, с. 3.

ные проблемы» («Gesellschaft» 1924 г.) Гильфердинг вновь возвращается к этому вопросу.

И в этой статье еще звучит некоторое сомнение, насколько тенденция ко всеобщему обобществлению капиталистического хозяйства может беспрепятственно проложить себе дорогу. Этих сомнений уже нет в выступлении Гильфердинга на Кильском партейтаге германской социал-демократии в 1927 г.

В этом выступлении Гильфердинг уже совершенно недвусмысленно утверждает, что настоящий период в развитии капитализма характеризуется преодолением эры свободной конкуренции и владычества слепых законов рынка, что «...мы приходим теперь к капиталистической организации хозяйства, другими словами, приходим от свободной игры экономических сил к организованному хозяйству». Следовательно, ранее звучавшее сомнение о возможности беспрепятственного осуществления тенденции ко всеобщему обобществлению, ныне сменилось утверждением, что эта лишь теоретически намечавшаяся тенденция уже осуществилась. Современный капитализм — есть организованный капитализм, капитализм, где уже не действуют слепые законы рынка, следовательно такой капитализм, в котором хозяйственные процессы регулируются уже не законом стоимости, где происходит процесс исчезновения товара в качестве овеществленной стоимости, где деньги превращаются просто в своего рода расчетный прием при передаче вещей от одних лиц к другим, где господствует сознательно регулируемое производство и распределение, хотя последнее все еще проявляется в антагонистической форме, — словом, такой капитализм, какой мерещился Гильфердингу, когда он широкой кистью набросал картину абстрактной возможности всеобщего треста.

«Организованный капитализм» знаменует победу плана над стихией, он означает действительную «замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планового хозяйства». В области производства господствует социалистический принцип организации хозяйства, распределение выступает еще в антагонистической форме. Современное государство, — «социальное» государство, т. е. надклассовое государство, такое государство, которое все более и более должно на основе демократии наполняться «социальным» содержанием, что приведет к победе социалистических принципов не только в области производства, но и распределения. Антагонизм распределения на основе преобразования современного государства в социальное государство будет так же преодолен, как были преодолены слепые законы рынка на основе концентрации и централизации капитала. Какая простая схема! Что может быть проще: монополия — организованный капитализм — социальное государство, которое есть в то же самое время «государство-хозяйство» (Wirtschaftstaat) [1] — социализм. Исходным пунктом этой схемы является теорети-

[1] Теория социалистического хозяйства упирается одним концом в теорию организованного капитализма; последний служит основанием для теории соц. хозяйства, как государства-хозяйства. Гильфердинг на Кильском партейтаге эту мысль высказал достаточно ясно: «Я говорил о растущем взаимопротиворечии хозяйства и государства, об их взаимном отношении, становящемся все более тесным благодаря организации хозяйства».

ческое обоснование возможности всеобщего трестирования в капиталистических условиях. Вот почему мы считали необходимым подвергнуть его рассмотрению. Растущие централизационные процессы не в состоянии преодолеть на базе капитализма имманентно присущих ему противоречий; наоборот, они сами превращаются в средство усиления этих противоречий. Непрерывно развивающийся процесс централизации, который должен был бы с точки зрения «чистой» абстракции» вообще говоря» знаменовать, что «развитие идет» ко всеобщему тресту, на самом деле развивает такого рода противоречия и конфликты, которые не только не уничтожают «начисто» анархии производства, но, наоборот, для всех отраслей производства в целом ее усиливают. «Монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом [1].

Эпоха империализма характеризуется небывалым обострением всех противоречий, в том числе и противоречий, вытекающих из сосуществования монополии и конкуренции. Этого сосуществования т. Бухарин не отрицает, но оно в его концепции принимает совершенно особую форму: субъектами конкуренции являются уже не отдельные предприятия и не отдельные тресты, а консолидированные государственно-капиталистические тресты; в пределах каждого государственного капиталистического треста конкуренция замирает, она переползает во вне, в сферу связи, общения между национально-государственными трестами. Огромный рост монополистических объединений, как интернациональных, так в особенности национальных, общеизвестен. Характеристика современного капитализма, как монополистического капитализма, для нас остается совершенно незыблемой, но в то же самое время для нас остается незыблемым и другое, что и в пределах отдельных национальных хозяйств, даже наиболее развитых, империализм «характеризуется чертами чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции и монополии», а это означает, что объектами конкуренции, несмотря на огромный рост государственно-монополистических тенденций являются все же не государственно-капиталистические тресты, ибо монополия и в пределах национальных хозяйств еще не достигла и не сможет достигнуть своего завершения.

Концепция т. Бухарина упрощает, схематизирует действительную картину экономического развития отдельных национальных хозяйств. В действительности картина гораздо сложнее, она таит в себе гораздо более сложные узлы противоречий, чем это представлено в теории т. Бухарина.

Современная концепция т. Бухарина воспроизводит почти точно старые «забракованные» Лениным взгляды Бухарина по вопросу об империализме. На

[1] Ленин, т XIX.

VIII съезде партии Ленин в своем докладе о партийной программе говорил: «Конкретность Бухарина—это книжное изложение финансового капитализма... Нигде в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Описать такую систему — это значит написать систему оторванную от жизни и неверную»[1]. Ленин упорно подчеркивал, что «нигде в мире», т. е. ни в одном из национальных хозяйств, нет «чистой» монополии, что монополистический капитализм «нигде в мире» без свободной конкуренции не существовал и не будет существовать. это значит, что нигде и никогда существование капитализма несовместимо с предельным, завершенным развитием монополии, организации, регулирования

В системе т. Бухарина совершенно выпадает целый комплекс противоречий, которые развиваются внутри капиталистических хозяйств на почве роста концентрации и монополии. Эти противоречия являются в значительной мере следствием неравномерности в развитии монополии.

Сплошная постановка вопроса о монополии, о превращении современных национальных хозяйств в госкапиталистические тресты, игнорирует действительный процесс преобразования трестов на монополистических началах, его трудности и его неравномерности. Известно, что степень монополизации тяжелой индустрии, обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства далеко не одинакова. Тяжелая индустрия представляет собой гораздо более широкое поле для развития монополий, чем обрабатывающая, а последняя в свою очередь более монополизирована, чем сельское хозяйство. Центром монополистических объединений является тяжелая индустрия; на этой почве обостряются противоречия между ней и легкой промышленностью. И по вполне понятным причинам: тяжелая индустрия, как наиболее монополизированная. берет «дань со всех остальных отраслей промышленности». Если монопольная цена, как говорит Бухарин, есть преобладающая форма цены в современных условиях. то это означает не что иное, как такое перераспределение прибавочной стоимости, при котором наиболее монополизированные отрасли получают прибыль, превышающую среднюю прибыль, а это неизбежно порождает конфликты и противоречия между наиболее и наименее картелированными и не картелированными, за счет которых монополизированные области и получают сверхприбыль. Эти противоречия усиливаются, как известно, таможенной политикой государства, направленной на охрану интересов наиболее монополизированных, наиболее могущественных групп капиталистов.

Монополия означает борьбу за высокие цены: борьба за высокие цены охватывает все отрасли промышленности, в том числе и отрасли, изготовляющие средства потребления. Это означает не что иное, как обострение противоречий между производством и потреблением, как усиление монопольной эксплоатации «не монопольно продаваемой рабочей силы».

---

[1] Ленин. т. XVI. с. 114. Разрядка наша. *А. И.*

На почве роста монополии в промышленности усиливаются имманентно присущие капитализму противоречия между двумя основными разделами общественного труда — между промышленностью и сельским хозяйством. По мере того как промышленность охватывается тесным обручем монополии, усиливается расхождение между ценами на сельскохозяйственные продукты, производство которых поддается гораздо меньшему влиянию монополии, и ценами на продукты промышленности. Повышение цен монополистическими объединениями, выпускающими средства производства для сельского хозяйства, создает огромные затруднения для развития сельского хозяйства и обостряет в огромной мере противоречия между развитием промышленности и сельского хозяйства.

Наконец, включение колоний в сферу монопольного влияния национальных хозяйств в свою очередь обостряет борьбу между монополией и конкуренцией, между наиболее развитыми и наиболее отсталыми формами хозяйства.

Таким образом именно на почве развития монополии создается целая сумма противоречий, которая усиливает борьбу между отдельными группами буржуазии, между буржуазией и пролетариатом, между буржуазией и мелкой буржуазией. Эта борьба тем острее, чем сильнее неравномерность в развитии как отдельных капиталистических стран, так и отдельных отраслей промышленности внутри капиталистических стран. Неравномерность развития есть закон капитализма, «... равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может»[1] Теория т. Бухарина неверна еще и потому, что она не диалектически, а механистически ставит вопрос о соотношении экономических процессов, совершающихся в пределах национального хозяйства и мирового. Тов. Бухарин утверждает, что современное мировое хозяйство представляет единство анархически связанных между собою государственно-капиталистических трестов. Анархическая природа капитализма «переползает на основные линии международно-хозяйственных отношений. Проблемы рынка цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организации».

Согласимся на одну секунду с т. Бухариным. Допустим, что национальные хозяйства уже превратились в государственно-капиталистические тресты, что превалирующей тенденцией в пределах народного хозяйства в действительности стала тенденция к рационализации всего хозяйственного процесса, что стихия «злобно бушует» лишь в пределах мирового хозяйства. Но тогда возникает вопрос, каково влияние мировой стихии на рационально организованное хозяйство отдельных стран. Или шире: возможно, «мыслимо ли» при анархическом состоянии мирового хозяйства организованное состояние национальных хозяйств? Даже если стать на совершенно одностороннюю, а следовательно, и неверную точку зрения т. Бухарина о том, что процессы на внутреннем рынке лишь пассивно отражают мирохозяйственные сдвиги, противоречия, кон

[1] Ленин, т. XIX, с 107.

фликты и т. д., то и тогда неизбежно рушится сказка о замене национальной стихии рациональной организацией внутри национального хозяйства.

Отношения между отдельными элементами мирового хозяйства проявляются прежде всего как отношения, основанные на экспорте товаров и капитала. Этот экспорт, имея в виду, что колонии уже поделены между государственно капиталистическими странами и включены в них, может развиваться лишь как экспорт из одного государственно-капиталистического треста в другой. Борьба за овладение рынками отдельных государственно-капиталистических трестов и составляет, очевидно, содержание конкуренции, развивающейся на мировом рынке. Методы этой борьбы настолько сильны и действительны, что невзирая на ограждение отдельных национальных государственно-капиталистических трестов таможенной стеной «чужестранные» товары начинают заполнять внутренний рынок. Но разве этого недостаточно для того, чтобы «смять», «скомкать» рационально организованное хозяйство раньше отдельных отраслей промышленности, а затем, имея в виду самую тесную цепную связь между отраслями промышленности, и рациональную организацию всего народного хозяйства. Ведь рационально организованное хозяйство предполагает известную заранее предусмотренную систему **пропорциональностей** в развитии отдельных отраслей хозяйства, но разве осуществление пропорционального развития народного хозяйства возможно. если оно **включено** в иррациональное, стихийно развивающееся мировое хозяйство. Совершенно очевидно, что иррациональность мирового хозяйства не может не обусловить в свою очередь большей или меньшей иррациональности элементов, его составляющих, т. е. национальных хозяйств.

При той исключительной связи и зависимости, какая существует между отдельными национальными хозяйствами, самое **регулирование** в пределах национального хозяйства всеми своими элементами связано и зависит не только от условий данного хозяйственного образования, но и от лежащих вне его. Признание **примата**, детерминирующего значения мирохозяйственных связей, — а это—исходное положение т. Бухарина. — над жизнью отдельных национальных хозяйств сводит на-нет утверждения Бухарина о превращении современных национальных хозяйств в рационально организованные хозяйственные системы. Это признание влечет за собой признание примата стихийно складывающейся **мировой цены** над движением цен в пределах национальных хозяйств, т. е. признание примата стихии мирового рынка над планом, над регулированием национального хозяйства. Следовательно, если мировое хозяйство есть **анархическое единство**, то стихия мирового рынка неизбежно охватывает орбитой своего влияния и национальные хозяйства, развивая **внутри** них, а не где-то в безвоздушном пространстве. усиленную борьбу между отдельными монополистическими объединениями. Иначе быть не может, так как каждое национальное хозяйство. — по Бухарину. каждый государственно-капиталистический трест.—служит внешним рынком для другого.

Таким образом, если исходить из неизбежности анархической формы связи между отдельными национальными государственно-капиталистическими тре-

тами, то опрокидывается положение об уничтожении конкуренции в пределах национальных хозяйств, т. е., иными словами, опрокидывается самая теория о превращении современных национальных хозяйств в государственно-капиталистические тресты. Если же на секунду согласиться с точкой зрения т. Бухарина и исходить из замирания конкуренции внутри отдельных стран, из превращения этих стран в государственно-капиталистические тресты, тогда остается необоснованной анархическая форма связи между ними. В самом деле, почему в том случае, когда субъектами хозяйства являются организованные национальные хозяйственные тела, связь между ними должна осуществляться анархически? Не повисает ли эта анархичность в воздухе? В самом деле, почему в том случае, когда внутри национальных хозяйств «проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации», на мировом рынке происходит ожесточенная борьба методами конкуренции между национальными хозяйствами?

Откуда растет борьба за рынки сбыта товаров, за сферы приложения капиталов, т. е. откуда растет конкуренция на мировом рынке? Она растет из глубоких внутренних противоречий капитализма, в частности, борьбы за рынки сбыта товаров, растет из невозможности внутри страны с наибольшей прибылью реализовать товары; иными словами, она растет из существеннейшего противоречия капитализма, из противоречия между производством и потреблением. Это обостряющееся с развитием капитализма противоречие толкает национальные хозяйства на путь ожесточеннейшей борьбы, на путь войн, борьбы за передел мира. Усиливающиеся противоречия внутри отдельных стран ведут к обострению противоречий на мировом рынке; последние в свою очередь не могут не влиять на более резкое проявление противоречий капитализма и внутри отдельных стран. Таким образом наличие внутренних противоречий, наличие национальных хозяйств, как анархических систем, объясняет нам и происхождение внешних противоречий, объясняет и существование мирового хозяйства, как анархической системы. Между внутренними и внешними противоречиями существует взаимная связь и взаимная обусловленность. И только понимание этой связи и взаимной обусловленности в состоянии воссоздать действительную, а не схематизированную картину современного мирового хозяйства.

А. КОН

Вопрос об «организованном капитализме» — чрезвычайно большой вопрос. Для того, чтобы дать полную критику теории «организованного капитализма», нужно было бы прежде всего показать, насколько совпадают факты реальной действительности с теорией «организованного капитализма». Нужно дальше генетически проследить происхождение теории «организованного капитализма». Затем нужно было бы посмотреть, насколько согласуется эта теория с другими частями общей теоретической марксистской системы. И, наконец, нужно было бы дать методологическую критику этой теории. Если у нас на последних заседа-

ниях уже наметились повторения, то это, пожалуй, объясняется не тем, что мы исчерпали тему. Это объясняется скорее тем, что большинство товарищей устремилось в одну и ту же часть проблемы и в этой части эту проблему исчерпали. Я так же, как и другие, не задаюсь целью рассмотреть вопрос об «организованном капитализме» во всей его полноте. Для этого несомненно нужно специально работать в области мирового хозяйства, в области современной экономики. Мне не пришлось за последнее время специально заниматься этим вопросом. Поэтому я сознательно ограничиваю свою задачу и *останавливаюсь только на одной части проблемы* — на методологической критике теории «организованного капитализма». При этом я собираюсь дать и эту методологическую критику *не целиком, а только некоторые части ее.*

Один из ближайших учеников и друзей г. Бухарина — т. Марецкий — в своей статье в «Большой советской энциклопедии», посвященной т. Бухарину, так характеризовал метод Бухарина в приложении к теории империализма: «Занятие наиболее абстрактными областями экономической теории заставили Бухарина при анализе экономики финансового капитализма делать ударения на пределе более или менее законченных тенденций данной фазы капитализма. Ему удавалось анализировать с чрезвычайной выпуклостью эти тенденции, брать финансово-капиталистические производственные отношения в их, так сказать, химически-чистом виде». Мне представляется, что т. Марецкому в приведенных строках действительно удалось уловить одну из самых характерных черт метода, которым пользуется т. Бухарин не только в применении к «экономике финансового капитализма», но и в применении к другим областям экономики. Этот метод характеризуется тем, что т. Бухарин *мыслит пределами. Однако,* в отличие от т. Марецкого, я считаю, что метод этот представляет собою не сильную, а как раз слабую сторону т. Бухарина, как теоретика.

При исследовании того или другого экономического явления, вообще говоря, возможны два метода абстрактного исследования: мы можем, с одной стороны, взять исследуемое явление в зародышевом виде, в упрощенном виде, но так, чтобы эта упрощающая абстракция содержала в себе в зародышевом виде противоречия, присущие конкретному сложному явлению. Тогда теоретическое исследование идет по совершенно определенному пути. Отправляясь от этой упрощенной абстракции, содержащей в себе в зародыше конкретное сложное явление, мы постепенно усложняем эту абстракцию, постепенно выводим из нее все те усложнения, которые заложены в ней в зародыше. Мы, таким образом, будем мысленно воспроизводить процесс движения и роста противоречий, процесс развития данного явления, до тех пор, пока в конечном счете не придем к мысленному воспроизведению конкретности во всей ее сложности.

Есть, однако, и другой метод абстрагирования. Этот метод характеризуется тем, чтобы взять в развивающемся явлении основную, характерную для этого явления тенденцию, довести эту тенденцию до предела. Взять данное явление не в зародышевом виде, а взять в наиболее развитом и вместе с тем одностороннем виде. Если первый метод абстрагирования есть плодотворный метод.
не в зародышевом виде, а взять в наиболее развитом и вместе с тем односто-

ибо абстракция, которую мы получим, позволяет, отправляясь от нее, воспроизвести процесс движения, развития интересующего нас явления во всей его противоречивости, то второй метод абстрагирования является совершенно бесплодным. При этом методе вы получаете законченную абстракцию, которая уже не может развиваться, ибо из нее выхолощено основное, выхолощено движущее противоречие. Все тенденции, которые заложены в явлении, доведены до конца, и дальше развивать его некуда. Это — мертвая неподвижная абстракция, которая непригодна для того, чтобы мысленно воспроизводить конкретное явление. Вот брать такую абстракцию, предельную абстракцию, это и значит мыслить пределами. Прибегать к помощи такой неподвижной абстракции, это значит пользоваться методом мышления пределами.

Всякое развитие представляет собой процесс, и притом процесс противоречивый. В этом процессе основное внутреннее противоречие, присущее явлению, постоянно растет, постоянно развивается, постоянно усложняется и вместе с тем порождает новые противоречия. Основная тенденция развития всякого явления встречает сопротивление со стороны других противоположных тенденций, внутренне присущих данному явлению. Только взяв явления в борьбе всех тенденций, которые этому явлению внутренне присущи в развитии, мы можем воспроизвести процесс движения, процесс развития.

Что значит мыслить пределами? Это значит взять законченную тенденцию, взять вместо процесса законченный предел этого процесса, это значит проходить мимо тех противоречий, которые движут процесс, даже мимо того пути, по которому должен двигаться процесс развития, это значит проходить мимо всего того пути, который ведет к данному пределу, и изучать уже законченный предел. Мыслить пределами—это значит в сложном конкретном явлении, которое характеризуется борьбой различных тенденций, противоположных тенденций, выделить одну сторону и, следовательно, уничтожить всякую возможность противоречия, всякую возможность борьбы внутри этого явления, а следовательно, всякую возможность развития. Следовательно, метод мышления пределами есть метод доведения всякой тенденции до ее мыслимого теоретического предела, абстрагируясь от тех тенденций и явлений, которые препятствуют завершению этой тенденции, абстрагируясь от вопроса о том, что возможность завершения данной тенденции в пределах данного качества или завершение тенденции требует перехода к новому качеству.

Нетрудно видеть, как мало плодотворным оказывается этот метод мышления пределами в приложении к исследованию экономики империализма. Я не буду здесь вас утруждать цитатами, тем более, что большинство выступавших ораторов пользовались одними и теми же цитатами из Ленина, Маркса и Энгельса. Эти цитаты можно считать более или менее выученными наизусть. Я только напомню, что у Ленина в «Империализме» есть одно чрезвычайно интересное место, где он характеризует империализм—как процесс. Экономически основное в этом процессе, по мнению Ленина, есть монополистическая тенденция империализма. Однако наряду с ростом монополий, которые постоянно вырастают из конкуренции, наряду с этой монополистической тенденцией происходит постоянный рост меновых связей, постоянный рост анархии производства.

Есть основная тенденция, тенденция к монополистическому капитализму, тенденция к объединению всего хозяйства в единую организацию. Такая тенденция есть. Но этой тенденции сопутствует целый ряд других тенденций—рост анархии, рост конкуренции, и иначе, как взяв эти тенденции в их борьбе, в их сплетении и переплетении, в их единстве и противоположности, вы не сможете понять процесса развития империализма и самой экономики империализма. Прошлый раз кто-то из товарищей отрицал самый факт, что основной тенденцией империализма является тенденция монополистическая. Я думаю, что в такие крайности впадать не следует. Тов. Бухарина надо критиковать там, где он действительно ошибается, но отрицать все, что говорит Бухарин, нецелесообразно, и нельзя допускать того, чтобы отрицалось даже то, что Бухарин повторял вслед за Лениным. Верно, что основной тенденцией современного империализма является монополистическая тенденция. Ошибка Бухарина заключается не в том, что он подчеркнул эту монополистическую тенденцию. Ошибка Бухарина заключается в том, что он кроме этой тенденции не видит ничего другого и, следовательно, не видит сожительства монополии и конкуренции, их борьбы и единства, не видит тех противоречий, которые встречаются на пути развития империализма. Вот, что чрезвычайно существенно.

Что значит мыслить пределами в применении к тому процессу, о котором я сейчас говорил? Мыслить пределами—это значит абстрагироваться от анархии производства, присущей современному капитализму, абстрагироваться от роста обмена, который присущ современному капитализму, и изолированно взять одну сторону развивающегося процесса: только тенденцию современного империализма к монополии. Взять эту тенденцию не в той конкретности, в которой она проявляется, взять ее голую, отдельно от всей окружающей действительности, довести мысленно до предела, мысленно экстраполировать эту тенденцию — вот что значит мыслить пределами. Но если следовать такому методу, то окажется возможным довести эту тенденцию до л ю б о г о предельного завершения. Когда Каутский строил свою теорию ультраимпериализма, или когда социал-демократы вслед за Каутским строят теорию «организованного мирового капитализма», они доводят эту тенденцию до самого предельного предела, если можно так выразиться. Здесь приводился ответ Ленина Каутскому. Он указывал, что если взять явление в самом чистом виде, т. е. абстрагироваться от всего, что это явление окружает, если брать явление односторонне и мысленно доводить основную тенденцию его развития до конца, абстрагируясь от реальных противоречий процесса развития, то, конечно, можно сказать, что развитие империализма идет в направлении к единому тресту. Вы помните пример о производстве пищи в лабораториях. Тенденция к производству пищи в лабораториях несомненно есть, но нельзя абстрагироваться от всех тех препятствий, которые возникают на пути этой тенденции. Если вы от них абстрагируетесь, то можно довести тенденцию до любого предела; но это не значит познать процесс, это значит отвлечься от тех противоречий, которые в росте своем, в своем накоплении и обострении делают невозможным завершение тенденции в пределах данного качества.

Тов. Бухарин отвергает теорию Каутского, теорию ультраимпериализма; он вслед за Лениным считает ее реакционной теорией, надуманной теорией, негодной теорией. Тем не менее, та теория, которую строит сам т. Бухарин, фактически построена на том же самом методе. Разница заключается в том, что Каутский доводил свою тенденцию до окончательного предела, брал предел развития этой тенденции в мировом масштабе, а т. Бухарин берет предел не в мировом масштабе, а в масштабе отдельных стран. Я еще остановлюсь на вопросе о том, какие противоречия существуют в этом построении т. Бухарина: сейчас же напомню те цитаты и из Маркса, и из Ленина, и из Энгельса, которые частично привел т. Иоельсон в докладе, которые приведены в статье т. Иоельсона в «Большевике» и которые повторил т. Леонтьев в своей статье «Под знаменем марксизма» (Леонтьев.—А может быть наоборот?). Или наоборот, во всяком случае эти цитаты есть и там и тут, и я не хочу повторять их в третий раз. Я скажу только, что во всех этих цитатах говорится одно и то же: конкуренция рождает монополию, монополия рождает конкуренцию, монополия вырастает из конкуренции. В капиталистическом обществе, будет ли это «свободный» капитализм или современный капитализм, всякий предприниматель борется за то, чтобы овладеть рынком, чтобы достигнуть монополии. Конкуренция в этом отношении предполагает монополию. С одной стороны, монополия есть нечто противоположное конкуренции, отрицание ее, а, с другой стороны, утверждение монополии в той или другой области обязательно порождает конкуренцию как в данной области, так и между этой отраслью производства и другими отраслями производства. Эти две противоположные тенденции постоянно борются друг с другом и вместе с тем одна другую обусловливает. Что сделал т. Бухарин, подходя к этому противоречивому процессу? Вы знаете, что т. Бухарин (отнюдь не только в своей последней статье, но и в предшествовавших произведениях) представляет себе экономику современного капитализма таким образом: имеется целый ряд развитых капиталистических стран, которые хотя и не дошли еще до окончательного завершения монополистической тенденции, но которые тем не менее так близки к завершению ее, что их можно рассматривать как организованные хозяйства. Конкуренция остается и в схеме т. Бухарина, но она остается в области отношений между государственными трестами, между отдельными странами. Совершенно несомненно, что здесь т. Бухарин взял тенденцию, довел ее до конца (хотя и в масштабе одной страны), совершенно абстрагируясь от тех противоречий, которые порождаются процессом монополизации в каждой отдельной стране так же, как и во всем мире. Здесь уже указывались те противоречия, которые возникают на пути развития капитализма в направлении к единому тресту. Здесь указывали на то, что конкуренция и в системе монополистического капитализма сохраняется. Тов. Варга перечислил все виды конкуренции, которые сохраняются в монополистическом капитализме. Мне кажется, что не обращено достаточно внимания только на одну сторону вопроса, на которую Ленин обращал чрезвычайно сильное внимание. Обратите внимание на то, что, когда Ленин говорит о возникновении монополистических организаций в той или другой отрасли хозяйства, он всегда подчеркивает не то, что здесь несколько капиталистов объединились и что, следовательно, растут эле-

менты организованности в современном хозяйстве. Он подчеркивает не эту сторону, его интересует другая сторона. Капиталист связан меновыми связями отнюдь не только с другим капиталистом. Меновые связи увязывают между собой отнюдь не только представителей одного и того же класса, меновые связи в капиталистическом обществе связывают между собой и представителей различных классов, и это чрезвычайно важно. Капиталист выступает в качестве покупателя не только по отношению к снабжающим его капиталистическим предприятиям, но и по отношению к крестьянину-поставщику его сырья, а также по отношению к рабочему; он выступает в качестве продавца не только по отношению к торговому капиталисту, забирающему у него изготовленные товары: он выступает в качестве продавца также по отношению к потребителям, к массе крестьянства, к массе промежуточных слоев в капиталистическом обществе и наемному пролетариату. Что означает в таких условиях «организация» капиталистов? Что означает в таких условиях их объединение? В этих условиях оно означает не «организацию», не замену рыночных связей плановыми, как думают некоторые, оно обозначает сплочение классовых сил капиталистов против других классов. Я напомню здесь две цитаты, которые пока не приводились, но на которые, по-моему, нужно обратить внимание. Вы помните, что Ленин говорит о работе немецкого экономиста Кестнера. Существует немецкий экономист Кестнер, посвятивший особое сочинение борьбе между картелями и посторонними, т. е. не вошедшими в картель. Он назвал это сочинение «Принуждение к организации», тогда как нужно было говорить, чтобы не прикрашивать капитализма, о «принуждении к подчинению союзам монополистов».

Второй раз он говорит о Шульце-Геверните и приводит его слова:

«Господство наших крупных банков над биржей,—цитирует Ленин в другом месте Шульце-Геверница,—есть не что иное, как выражение полностью организованного немецкого промышленного государства. Если, таким образом, суживается область действия автоматически функционирующих экономических законов и чрезвычайно расширяется область сознательного регулирования через банки, то в связи с этим гигантски возрастает и народнохозяйственная ответственность немногих руководящих лиц». «Так пишет, — замечает Ленин, — немецкий профессор Шульце-Геверниц, апологет немецкого империализма, авторитет для империалистов всех стран, старающийся затушевать «мелочь» — именно, что это «сознательное регулирование» через банки состоит в обирании публики горсткой «полностью организованных монополистов» [1].

В то время как «некоторые», подходя к вопросу о развитии монополии в капиталистическом обществе, подчеркивают рост организованных начал в современном обществе (им представляется, что здесь возникают островки организованных хозяйств, которые по мере своего развития будут вытеснять обмен и сливаться в единый организованный материк), Ленин обратил внимание и ставил ударение на том, что процесс роста монополии не означает вытеснение обмена, а, наоборот, предполагает рост меновых связей, рост анархии. Он подчер-

[1] Ленин, т. XIX, с. 100.

кивает еще одну сторону; для него чрезвычайно важно, что объединение капиталистов есть объединение насилия и, следовательно, рост насилия по отношению к другим классам. Это чрезвычайно важная мысль. Тов. Бухарин подчеркивает, что в капиталистическом обществе важен в первую голову тип связи между хозяйствами, тип неорганизованной связи через обмен. Я думаю, что это нехорошая мысль. Фактически связь через обмен есть не только связь между отдельными хозяйствами. Чрезвычайно важно помнить мнение Маркса, что отдельные экономические эпохи, социальные структуры отличаются друг от друга особым характером и способом, которым осуществляется соединение рабочих со средствами производства. Характерной чертой всякой экономической формации является способ связи между рабочей силой и средствами производства. В капиталистическом обществе способ связи между рабочей силой и средствами производства включает в себя обмен. Ленин все время придерживается именно этого взгляда на различия экономических формаций. Поэтому, когда он говорит об империализме, для него важно подчеркнуть рост отношении эксплоатации и изменение отношений эксплоатации.

Откуда берется рост эксплоатации в системе империализма — он возникает совершенно очевидно из того, что прежде всего рабочему классу противостоит не раздробленный наниматель, а во все большем количестве отраслей и все чаще ему противостоят объединенные наниматели. Эти организованные наниматели выплачивают рабочему не ту заработную плату, которую диктуют стихийные законы рынка, во всяком случае, не всегда выплачивают ту заработную плату, которую диктует стихийный закон рынка. Они имеют возможность периодически весьма значительно давить на рынок рабочей силы, следовательно, организованно снижать заработную плату в той или другой отрасли производства. Однако этим вопрос не исчерпывается. Известно, что система империализма характеризуется эксплоатацией крестьянства метрополий и колоний. Для системы «свободного» чистого капитализма характерна только эксплоатация рабочего класса. Хотя и в системе чистого капитализма возможна эксплотация и других слоев населения, и практически существует эксплоатация крестьянства, эксплоатация мелких товаропроизводителей городов и т. д., но эта эксплоатация промежуточных слоев, эксплоатация мелких товаропроизводителей не входит непременной принадлежностью в систему капиталистических отношений при «свободном» капитализме. Империализм же предполагает эксплоатацию не только рабочего класса. Система империализма предполагает систему монопольных цен. Хотя бы продолжалась ожесточенная конкуренция, хотя бы эта конкуренция возрастала по сравнению со временем свободного капитализма, тем не менее мы здесь наблюдаем в целом ряде стран и в целом ряде отраслей производства по времени более длительное установление монопольных цен. Здесь монополистские организации извлекают не только прибавочную стоимость из эксплоатации рабочей силы, но они сверх того получают сверхприбыль из эксплоатации и потребителей, т. е. крестьянства, промежуточных слоев населения, а также крестьян—поставщиков сырья. Эксплоатация растет, ширится, она охватывает не только капиталистические страны, она распространяется и на аграрные страны и вместе с тем

она видоизменяется как в отношении рабочего класса (благодаря возникновению монополистических организаций), так и в отношении крестьянства. Вот этот рост насилий, рост эксплоатации — это чрезвычайно характерная черта в системе империализма. Мимо нее нельзя проходить. Между тем, т. Бухарин проходит мимо нее в своей системе. Это чрезвычайно существенная, важная черта, ибо в первую очередь обострение классовых противоречий в системе современного капитализма и делает невозможным завершение монополистической тенденции в пределах капиталистического общества. Это важно еще по одной причине. Там, где мы имеем рост эксплоатации, там обязательно обнищание населения. Ленин, говоря о возможности и неизбежности кризисов в системе империализма, подчеркивает чрезвычайно сильно, что в системе империализма масса населения живет впроголодь. Это чрезвычайно важная черта, именно отсюда возникает необходимость возникновения кризисов в системе империализма. Тов. Бухарин не признает возможности возникновения кризисов в современном капитализме только потому, что он выводит кризисы не из диспропорции между производством и потреблением, а из самой по себе анархии капиталистического производства. В его книге о накоплении капитала и империализме есть чрезвычайно интересное в этом отношении место (с. 84), где т. Бухарин подчеркивает, что хотя здесь и возможно сокращение потребления, тем не менее кризисы не возникают, ибо анархия производства внутри стран изжита. Мне кажется, что здесь сразу сделаны две ошибки: во-первых, кризисы выводятся т. Бухариным не из диспропорции между производством и потреблением, а из самой по себе анархии производства; во-вторых, анархия производства предполагается изжитой, и отсюда делается вывод о возможности избежать кризисы.

Я позволю себе вкратце перейти к дальнейшим противоречиям, которые бросаются в глаза при рассмотрении современного империализма. Само по себе противоречие между монополистической тенденцией современного капитализма и постоянным ростом конкуренции неизбежно приводит к возникновению тенденции к загниванию капитализма. Здесь выступал в прошлый раз т. Бессонов и, по-моему, не совсем верно, а может быть и совсем не верно, осветил вопрос о загнивании капитализма. У него получилась примерно такая концепция: техника капиталистического общества на современном уровне развития растет благодаря наличию кооперации в производстве, благодаря тому, что масса народа работает в одном и том же помещении. Этот производственный поток рождает сам по себе изобретения, развитие техники. Система же империализма, общественная форма производства стоит поперек этого процесса. Я думаю, что был прав т. Модест Рубинштейн, который сразу отметил эту ошибку. Конечно, здесь нельзя говорить о загнивании в таком смысле слова, а нужно говорить о загнивании совсем в другом смысле слова: прогресс техники в современном капитализме экономически вытекает не из того, что внутри производства имеется широкое развитие кооперации, рост техники в современном обществе вызывается тем, что из системы современного капитализма не только не изгнана конкуренция, но эта конкуренция растет, являясь побудителем к развитию техники. Однако вместе с тем развитие конкуренции порождает монополии, кото-

рые достигают большей или меньшей степени распространения, и тем самым порождает тенденции к застою, к загниванию. В первом случае, в первом понимании получается простое противопоставление всей системы империализма росту производительных сил, во втором понимании оказывается, что противоречия распространяются как на систему производственных отношений империализма, так и на отношения между производственными отношениями и производительными силами империализма.

Дальше, Ленин отмечает тенденцию современного империализма к паразитизму, к превращению отдельных стран в паразитарные страны, живущие на счет стрижки купонов. Весь очерченный комплекс противоречий для нас чрезвычайно важен, ибо без оценки этих противоречий, без того, чтобы проследить каждое из этих противоречий в его развитии, без того, чтобы оценить силу и степень напряжения каждого из этих противоречий, без этого нельзя решить вопроса о том, может или не может достигнуть своего завершения основная монополистическая тенденция современного капитализма. Между тем т. Бухарин, который пользуется методом мышления пределами, не только не дает оценки отдельных противоречий, он не только не идет по тому пути, по которому шел Ленин, когда на основании оценки реальных противоречий заявлял, что империализм погибнет непременно раньше, чем монополистическая тенденция окажется завершенной. Тов. Бухарин пошел по другому пути, он мыслит пределами, поэтому он прошел мимо того пути, который должен пройти империализм прежде, чем достигнет завершения тенденции к образованию единого треста. Тем самым он прошел мимо реальных противоречий современного капитализма.

Хотелось бы сказать еще несколько слов по вопросу о том, насколько отступает т. Бухарин от своего метода мышления пределами тогда, когда он говорит о сохранении анархии производства в мировом хозяйстве, в мировом масштабе. За недостатком времени я вынужден это изложить действительно в нескольких словах. Тов. Бухарин отвергает теорию ультраимпериализма, теорию мирового организованного империализма только потому, что он усматривает некоторые специфические особенности конкуренции на мировом рынке по сравнению с конкуренцией на внутреннем рынке. Тов. Бухарин рисует такую схему: на мировом рынке конкуренция перестает быть только экономической конкуренцией. В то время как внутри страны вы имеете борьбу между отдельными частными организациями капиталистов или отдельными капиталистами, на мировом рынке вы имеете столкновение госкапиталистических трестов, которые в своей конкурентной борьбе опираются не только на экономические средства, но и на целый ряд средств внеэкономического принуждения. Сюда в первую голову относятся всякого рода методы политической конкуренции, методы конкуренции в других областях общественной жизни, все эти методы, которые в своем развитии неизбежно, в конечном счете, разражаются империалистической войной. Без империалистической войны в мировом масштабе немыслима концентрация, следовательно процесс концентрации в мировом масштабе должен пройти через империалистические войны. Но империалистическая война есть довольно крепкая встряска для империализма, она вызывает обострение классовых противоречий

классовые противоречия обостряются, а посему происходит революция, которая делает невозможным организованный капитализм в мировом масштабе, т. е. образование единого мирового треста. Классовые противоречия в схеме т. Бухарина принимают участие, но они оказываются лишь внешним объектом, на который воздействуют империалистические войны. Эти классовые противоречия не принимаются во внимание в процессе всего исследования, в процессе построения его теории «организованного капитализма». Они привлекаются в конечном счете как нечто внешнее, на что империалистические войны, являющиеся результатом развития монополистического капитализма, могут извне воздействовать, обостряя их и тем самым приводя к революции. Отказ т. Бухарина от теории мирового организованного капитализма, таким образом, не только не обозначает отказа от метода мышления пределами, но, наоборот, бросает яркий свет на все построения т. Бухарина. Этот метод мышления пределами на проверку оказался методом, проходящим мимо всех противоречий капитализма, методом, который ведет не к исследованию противоречивого процесса развития капитализма, а к перескакиванию через этот процесс, и в этом как раз и сказывается насквозь механистический характер этого метода.

С. НОВИКОВ

Международная концепция т. Бухарина объемлет собою целых три теории: теория «организованного капитализма» получила здесь более или менее широкое освещение; но на ряду с этой теорией у т. Бухарина имеется своя концепция по колониальному вопросу, находящаяся в таком же непримиримом противоречии с концепцией Ленина, как бухаринская теория «организованного капитализма» и чистого империализма с ленинской теорией империализма; наконец Бухарин имеет свое учение о войне и революции. Вот эти три момента и составляют международную концепцию Бухарина.

Тов. Кон характеризовал здесь метод т. Бухарина, как метод предельных абстракций. Если взять старые работы т. Бухарина, например, его «Экономику переходного периода» или работу против Розы Люксембург, то там Бухарин действительно мыслит об организованном капитализме по методу предельных абстракций. В этих работах т. Бухарин действительно изображает «организованный капитализм» как более или менее завершенный процесс, философски выражаясь—как наличное бытие. Здесь приводилась уйма цитат из Бухарина и Ленина, поэтому я, в отличие от т. Кона, даю, и сдержу слово, что не буду приводить цитат, ибо эти цитаты настолько известны, что они, кажется, будут скоро красоваться на плакатах к XII годовщине Октябрьской революции.

Новые работы т. Бухарина, его статьи в «Правде», в известном смысле представляют собой не только рецидив,—как писал т. Ноельсон,—но и робкое отступление от старой бухаринской концепции чистого «организованного капитализма». В этих статьях т. Бухарин неоднократно высказывается против тео-

рии ультраимпериализма и словесно отмежевывается от теории «организованного капитализма». Он говорит, что стопроцентная организованность капитализма есть социал-демократическая утопия, и, в качестве коммуниста, он, конечно, с этой утопией не согласен. Есть тенденция к государственному капитализму, но нет и быть не может стопроцентной организованности капитализма. Точно так же на VI конгрессе Коминтерна в докладе по программному вопросу т. Бухарин говорил об усилении тенденции к государственному капитализму. Но и в программном докладе, и в своих последних статьях т. Бухарин вместе с тем дает более или менее скрытую теорию, если не вполне о р г а н и з о в а н н о г о, то о р г а н и з у ю щ е г о с я к а п и т а л и з м а. «Организация» капитализма берется здесь в процессе становления. Бухарин пишет, что мы имеем сейчас в Западной Европе «полупланомерное хозяйство», т. е. не что иное, как организующийся капитализм, а рядом с этим и над этим определением у Бухарина красуются известные места насчет переползания экономических противоречий «нормального» капитализма на мировую арену, насчет замирания конкуренции внутри капиталистических стран.

Итак, программный доклад на VI конгрессе Коминтерна и статьи в «Правде» не стоят на позиции «чистого», законченного, стопроцентного «организованного капитализма». Тов. Бухарин как бы делает здесь уступку и ленинской критике чистого империализма, и той критике, которая была развернута на VI конгрессе Коминтерна против специфически-бухаринских мест в проекте программы. Вместо теории законченного, «организованного капитализма» Бухарин дает теперь теорию о р г а н и з у ю щ е г о с я капитализма.

Очень знаменательно, что по коренному вопросу о конкуренции и монополии в бухаринском проекте программы Коминтерна совершенно не было указания, что конкуренция существует, по ленинскому выражению, рядом с монополией и над монополией. В программной дискуссии товарищи буквально приводили все те цитаты из Ленина, которые приводились здесь по вопросу о соотношении конкуренции и монополии. Бухарин в своем программном докладе согласился с этими товарищами, и в программу Коминтерна, в отличие от проекта, была внесена следующая поправка: «в то же время капиталистические монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, тем самым порождая ряд особенно острых и крупных противоречий, трений и конфликтов»[1]. Тут доказывали, что теория «организованного капитализма» противоречит действительности, тут приводили очень много убедительных конкретно-экономических фактов, которые бьют всю теорию т. Бухарина. Доказывать, что теория т. Бухарина противоречит Ленину, не приходится — это совершенно естественно: если она противоречит действительности, то она противоречит и Ленину. Но она противоречит и основному документу научного коммунизма, она находится в вопиющем противоречии с программой Коминтерна.

Беру второй пункт—колониальную концепцию т. Бухарина. И по этому вопросу у т. Бухарина в его знаменитых статьях есть рецидив той его колониальной

[1] Программа Коминтерна, I, 2 (эпоха финансового капитала).

теории, которую он дал в «Экономике переходного периода». В «Правде» т. Бухарин мимоходом бросает замечание, что между буржуазией и пролетариатом метрополии существует относительная общность экономических интересов на почве эксплоатации колоний. Заметьте, между буржуазией и всем пролетариатом, между буржуазией и пролетариатом вообще. Эта формулировка буквально позаимствована из последней главы «Экономики переходного периода»[1]. Для товарищей, которые имели удовольствие обучаться хотя бы в совпартшколе II ступени, должно быть очевидно и ясно, что эта сторона колониальной концепции т. Бухарина находится в вопиющем противоречии с ленинской теорией империализма и ленинским объяснением экономических корней социал-империализма. Ленин объясняет социал-империализм, как известно, подкупом не всего рабочего класса, и даже не большей части или значительной части его, а подкупом верхушки рабочего класса, рабочей аристократии, рабочей бюрократии. Бухарин, в отличие от Ленина, в «Экономике переходного периода» и в «Правде» пишет об общности, — пусть относительной и временной — все на свете относительно и временно! — но все же общности интересов между буржуазией и пролетариатом метрополии на базе колониальной эксплоатации[2].

Теперь посмотрим, что получается у т. Бухарина, если сопоставить эти два момента его международной концепции. Тов. Бухарин, — если быть даже очень объективным и взять не его «смелую» теорию организованного капитализма, а стыдливую и трусливую теорию организующегося капитализма, — так или иначе признает замирание экономических противоречий внутри капиталистических стран, но, чтобы застраховаться от обвинения в социал-демократизме, он резко подчеркивает, что, наряду с замиранием этих экономических противоречий при «организованном капитализме», в чрезвычайно высокой степени обостряются социально-классовые противоречия. Если вы заинтересуетесь, к чему сводится это обострение классовых противоречий при «организованном капитализме», глядите, пожалуйста, в колониальную концепцию т. Бухарина, и вы увидите, что это обострение классовых противоречий находит свое выражение в... общности интересов буржуазии и пролетариата метрополии на базе эксплоатации колоний. Таким образом, т. Бухарин благополучнейшим путем пришел к тезису, что «организованный капитализм» обозначает собой притупление и замирание не только экономических, но и социально-классовых противоречий.

---

[1] Бухарин, Экономика переходного периода, с. 151, ср. «Правда» 1929 г., № 118, с. 4, подвал, колонка 2—3.

[2] Через неделю после дискуссии в Комакадемии вышел в свет XI Ленсборник с замечаниями Ленина на «Экономику переходного периода». Оказывается, против утверждения Бухарина, что на базе эксплоатации колоний создавалась «возможность временной общности интересов» между империалистическим «отечеством» и рабочим классом, Ленин возражает: «Надо было сказать: верхушками рабочего класса» (Ленинский сборник XI, с. 398). Стало быть, я могу с удовольствием констатировать, что приоритет на критику колониальной концепции Бухарина принадлежит не кому иному, как Владимиру Ильичу. А т. Бухарину принадлежит приоритет на ревизию ленинизма в колониальном вопросе. Каждому свое. *С. Н.*

А если это так, то какой у т. Бухарина остается выход к проблеме революции из этой концепции притупления решительно всех противоречий капитализма? Он спрашивает: как для Бенте, который отрицает всяческие противоречия капитализма, возможен выход к проблеме революции? «Как же можно ожидать, что у него может быть проблема революции?» Я повторю этот вопрос: «как для т. Бухарина возможен выход к проблеме революции из концепции организованного или организующегося капитализма, из концепции, которая отрицает в конечном счете существование экономических и классовых противоречий внутри отдельных стран? Для Бухарина остается реально один единственный выход — выход, совершенно не соответствующий глубоко-штатскому характеру самого т. Бухарина,—выход через войну к революции. Тов. Бухарин механически сводит проблему революции к проблеме войны. В самом деле, если внутренние экономические и классовые противоречия притупляются, замирают, отмирают и ликвидируются, то на этой базе равновесия внутренних противоречий капитализма нет выхода к революции; выход к революции остается только через войну, через военный взрыв внешних противоречий мирового хозяйства, или, как т. Бухарин очень ярко и смачно выражается в работе против Розы Люксембург, через столкновение национальных, государственно-капиталистических, народно-хозяйственных тел, организованных буржуазией, через столкновение национальных организованных капитализмов[1].

Я сделаю еще несколько замечаний побочного свойства, а затем, если у меня останется время,—а его видимо не останется,—я попытаюсь дать методологический анализ логической структуры всей международной концепции т. Бухарина. Сейчас же я сделаю 2—3 замечания, бросающих дополнительный свет на всю теоретическую и политическую ценность теории т. Бухарина.

Здесь товарищи указывали не только на то обстоятельство, что теория тов. Бухарина находится в вопиющем противоречии с экономической действительностью и с ленинской теорией империализма, но и на то, что теория т. Бухарина «переползает», так сказать, на рельсы гильфердингианства и каутскианства, на рельсы всевозможных социал-демократических концепций ультраимпериализма, реалистического пацифизма, пацифистского империализма и прочих псевдонимов организованного капитализма. Я солидаризируюсь со всей этой характеристикой тенденций, заложенных в концепции т. Бухарина. Концепция т. Бухарина действительно обнаруживает сильную тенденцию к перерастанию и врастанию в социал-демократизм.

Но я должен констатировать и другое обстоятельство, что концепция т. Бухарина в апологии гармонии организованного капитализма оставляет далеко позади себя целый ряд построений совсем не ленинских теоретиков и политиков. Я не буду цитировать, я изложу для краткости одного совсем не большевистского теоретика, политика и экономиста, написавшего специальную работу о «диалектике организованного капитализма». Он констатирует, наравне с т. Бухариным, целый ряд тенденций к организованному капитализму, но он в риторической форме ставит примерно такой ряд восклицаний: организованный капитализм должен

[1] Бухарин, Империализм и накопление капитала. Гиз, изд. 4-е, с. 128.

был устранить конкуренцию, но он не в состоянии устранить ее; организованный капитализм должен был устранить кризисы, но он не в состоянии устранить их, организованный капитализм должен был устранить борьбу за цены, но он этого не в состоянии сделать; он должен был заменить иррациональную стихию рациональной организацией, но этого сделать не в состоянии; он должен был притупить классовые противоречия, но он в высокой степени обостряет классовые противоречия. Вы заинтересуетесь кто это? Это—некий Отто Ляйхтер—средний австро-марксист, который относится к Отто Бауэру, как т. Марецкий к т. Бухарину. Этот заурядный австро-марксист—довольно способный человек, который умеет недурно подделываться под ленинскую критику империализма. Теперь сопоставьте анализы экономических и классовых противоречий «организованного капитализма» у т. Бухарина и Ляйхтера:

По Бухарину, все экономические противоречия замирают, но остаются и обостряются в лучшем случае только одни социально-классовые противоречия, а что говорит этот самый австро-марксист Отто Ляйхтер? Он видит не только обострение классовых противоречий, но и существование, и обострение, и усложнение самых основных экономических противоречий капитализма, в частности—обострение конкуренции. Он говорит, например, что при «организованном капитализме» приходится считаться с сокращением капиталистических циклов, с увеличением количества кризисов, с их обострением и т. д. Так что в смысле апологии гармонии организованного капитализма т. Бухарин переапологетил этого Отто Ляйхтера. Само собой понятно, что этой мнимой критикой «организованного капитализма» Отто Ляйхтер еще не превращается в ленинниста, потому что у него эта «революционная» гора рождает австро-марксистскую мышь. Организованный капитализм должен быть преодолен на путях демократии хозяйственной, функциональной и политической.

Отто Ляйхтер—«левый» австро-марксист. Но в апологии гармонии организованного капитализма т. Бухарин перещеголял еще одного австро-марксиста, и притом ультраправого [1]. Этот второй австро-марксист в своей работе к Брюссельскому конгрессу, занимаясь проблемами мирового хозяйства, утверждает, что основное противоречие современного капитализма сводится к диалектическому противоречию между мировым и национальным хозяйствами. Он пишет, что существует очень серьезная тенденция к организованному капитализму, но жалуется, что наряду с монополией и рациональной организацией продолжает существовать бешеная конкуренция частных собственников, благодаря которой невозможно достигнуть оптимума связи между капиталистическими предприятиями. Европейский капитализм делает попытку внутренней организации. Он вынужден это делать потому, что попал в долговую зависимость от американского капитализма. Европа превращается в долговую колонию САСШ. Но национальная буржуазия, в силу своей финансовой, экономической и политической зависимости от американского капитала, не в состоянии организовать капитализм европейский и отстоять самостоятельность Европы. Вывод отсюда какой? Нужна коалиция социал-демократии с буржуазными партиями. Нужно вступить в коалицию и так или иначе

---

[1] Ср. статьи Лейхтера и Реннера в «Кампф» 1928 г., № 8—9.

принять участие во власти, ибо только социал-демократия в состоянии взять на себя миссию организации капитализма, построить государственный капитализм и таким образом подготовить ту последнюю ступень, которая ведет к социализму. Здесь тоже, как видите, проскальзывает некое подражание Ленину в самом конце, в понимании госкапитализма, как последней ступени к социализму. Этот австро-марксист не кто иной, как Карл Реннер, матерой социал-демократический волкодав, ультраревизионист, которого нам не приходится идеализировать; но, видите, даже он не переоценивает организованности капитализма, он жалуется на буржуазию, что она не в состоянии организовать капитализм, он в отличие от т. Бухарина совершенно не верит в построение орггоскапитала в каждой отдельной стране, силами одной буржуазии. Он говорит, что только социал-демократия может свершить это... чудо.

Теперь вы видите, что т. Бухарин действительно кое-в-чем переапологетил самых крупных апологетов капитализма. Спрашивается, как дошел он до жизни такой? Ответа ищите в методологии т. Бухарина, в его схоластике, эклектике и формальной логистике, в его механистической теории равновесия, которая привела т. Бухарина к теории «организованного капитализма», к теории равновесия внутренних экономических и социально-классовых противоречий капитализма. Здесь т. Бухарин смыкается с О. Бауэром, который характеризует нынешнюю фазу истории, как эпоху организованного капитализма и равновесия классовых сил. Бухаринизм врастает в бауэризм. За недостатком времени я вынужден поставить точку.

МАРКОВ

В прошлый раз и сегодня создалось такое впечатление, что в виду того, что конкретные носители теории «организованного капитализма» не явились на дискуссию, то стоит ли продолжать обсуждение этого вопроса. В прошлый раз даже было внесено предложение о том, не лучше ли вовсе прекратить прения. Я считаю, что тема еще далеко не исчерпана и что хотя мы сегодня и закончим прения, но очевидно вопросы эти должны еще быть обсуждены в дальнейшем, причем критика должна развертываться не только по той линии, как она шла здесь до сих пор, т. е., главным образом, по вопросу о том, что собою представляет «организованный капитализм», а в связи со всей концепцией и всей теоретической установкой т. Бухарина.

Меня в первую очередь интересует вот какой вопрос: вопрос об отношении между национальным и мировым хозяйством. Как вы уже знаете из статей т. Бухарина, у него получается двойное деление: одно дело противоречия внутри отдельных национальных хозяйств, а другое—в мировом хозяйстве. Правильно ли такое понимание и что дает основание т. Бухарину проводить такое неверное разграничение? В прошлый раз т. Бессонов правильно указал, что трактовка т. Бухариным мирового хозяйства как социального хозяйства заводит его очень далеко. Он указал также на то, что от отдельного хозяйства т. Бухарин переходит к «народному» хозяйству, а от «народного» хозяйства к «мировому» и что эта схема

целиком позаимствована у буржуазных ученых. Я могу это сегодня уточнить: эта схема в точности позаимствована у Гармса из его труда: «Народное хозяйство и мировое хозяйство» (с. 339). Там Гармс пишет о том, что учение о социальном хозяйстве распадается на: Einzelnwirtschaftslehre, Volkswirtschaftslehre и Weltwirtschaftslehre, и это после было воспроизведено т. Бухариным. К этому я хочу также добавить, что самый термин «социальное хозяйство», который, как известно, нигде не употребляется у Маркса и у Ленина, что этот термин также заимствован у Гармса. Немецкое выражение Sozialwirtschaft в дословном переводе значит «социальное хозяйство».

Это не должно казаться странным, ибо необходимо учесть, что как раз в 1915 г., когда писалась книга «Империализм и мировое хозяйство», т. Бухарин работал над преодолением буржуазных ученых, в том числе и Гармса. И вышло, что он так долго возился с буржуазными теоретиками, что не совсем их преодолел и кое-что у него от них осталось.

Попутно необходимо также отметить, что когда т. Бессонов критиковал определение мирового хозяйства у т. Бухарина, он высказался в том смысле (не знаю, оговорился ли он или действительно так думает), что категории мирового хозяйства вообще не существует у Маркса и что, мол, «мировое хозяйство чуждо марксизму». Должен заявить, что это неверно, ибо хоть особой науки или особого учения, как об этом говорят буржуазные ученые, действительно не существует, но категория мирового хозяйства, как экономическая категория, безусловно существует и встречается также и у Ленина. Правда, у Ленина мировое хозяйство заменяется иногда термином «всемирного хозяйства», но если учесть, в какой связи это понятие находится в общей системе империализма Ленина, то это все станет совершенно ясным.

Дальше всем известно определение т. Бухарина о том, что такое мировое хозяйство. Я могу его поэтому не цитировать. У т. Бухарина получается, что теория мирового хозяйства изучает систему производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе. Здесь, как все видят, нет разграничения между теорией мирового хозяйства и политической экономией, потому что никогда Маркс не рассматривал категории капитализма в отдельных странах, а всегда их изучал в масштабе мирового рынка, мирового хозяйства. Поэтому, когда дается такое общее определение, как у т. Бухарина, то ясно, что здесь нет никакого разграничения между политической экономией и теорией мирового хозяйства.

Но допущенная при этом путаница приводит к следующему результату, что у т. Бухарина фактически не существует больше разницы между империализмом и мировым хозяйством. Ведь все знают, что это две совершенно различные категории. У т. Бухарина они как-то сливаются воедино, идентифицируются, хотя разница между ними существует большая. Империализм, ясно, неотделим от мирового хозяйства, но мировое хозяйство не покрывает собой империализма. Разграничение между ними может быть установлено такое, что если империализм выявляет законы развития капитализма на его высшей стадии, то «мировое хозяйство» показывает преломление этих законов капитализма в окружающей его конкретно-исторической среде. Вот почему т. Бухарин, допуская такую ошибку, должен был с неизбежностью притти к совершенно ложному выводу. В самом деле,

поскольку империализм необычайно обостряет все противоречия капитализма, а мировое хозяйство. как вы видите у Бухарина, то же самое, что империализм, то именно в мировом хозяйстве в наиболее острой и всеохватывающей степени проявляются все противоречия капитализма.

Теперь перейду к вопросу о том, какое существует у т. Бухарина разграничение между народным хозяйством и мировым хозяйством. Вы все помните разграничение т. Бухарина, проведенное им в его статьях. Там он пишет, что основные противоречия капитализма: конкуренция, рынок, цены, кризисы,—все это переносится за пределы отдельных стран на основные линии мирового хозяйства.

Но я бы хотел поставить такой вопрос: могут ли существовать в мировом хозяйстве какие-либо противоречия, которые не нашли бы своего отражения в каждом отдельном народном хозяйстве. И, наоборот. могут ли существовать какие-либо противоречия в каком-либо отдельном «народном» хозяйстве, которые не нашли бы того или иного выражения в мировом хозяйстве? Я думаю, что этого быть не может. Нельзя назвать ни одного крупного экономического явления, которое имело бы место внутри отдельных стран: будет ли это относиться к заработной плате, к рынку, кризисам или ценам, и которое бы не нашло своего отражения на мировом рынке или в мировом хозяйстве. Точно так же не может быть такого противоречия в мировом хозяйстве, которое обратно не оказало бы своего влияния на отдельное «народное» хозяйство. Разграничение т. Бухарина на «организованные» народные хозяйства и анархическое мировое хозяйство является совершенно искусственным и ничем по существу не оправдывается. Я думаю, что оно просто вытекает из неправильного определения т. Бухариным мирового и «национального» хозяйств.

Невольно при этом напрашивается вопрос: откуда взялось такое разграничение у т. Бухарина? И опять ответ может быть только один: оно совпадает примерно с определением мирового хозяйства у буржуазных ученых. Возьмем, например, определение мирового хозяйства у Ценфеля. Он пишет, что «мировое хозяйство изучает совокупность хозяйственных действительностей за пределами государственных границ и развитых этим путем хозяйственных отношений». Такое же определение мирового хозяйства дается Сарториусом, в известной степени также и Гармсом. По их утверждению, мировое хозяйство изучает те связи, которые создаются за пределами государственных границ отдельных народных хозяйств. И вот с такой именно точки зрения можно дойти до бухаринского вывода, что в мировом хозяйстве может иметь место обострение всех противоречий капитализма, тогда как внутри отдельных народных хозяйств они могут замирать. В этом весь секрет.

Выступавшие здесь товарищи все время говорили о социал-демократическом уклоне т. Бухарина в вопросе об «организованном капитализме». Я должен, к сожалению, заявить, что определение мирового хозяйства т. Бухарина и понимание им отношений между мировым и народным хозяйством позаимствованы им даже не у социал-демократов, а просто у буржуазных ученых, и ничего общего с ленинизмом не имеют.

Перехожу теперь к вопросу о месте теории «организованного капитализма» во всей системе т. Бухарина. В прошлый раз т. Рубинштейн попытался несколько расширить трактовку проблемы, указывая на то, что теория «организованного

капитализма» имеет тесную связь с оценкой т. Бухариным современного состояния и положения в СССР, данной им в «Заметках экономиста». Я хочу расширить этот вопрос и поставить его в таком виде, что теория «организованного капитализма», как таковая, является теоретическим обоснованием правого уклона в целом.

По аналогии можно сказать, что если теория «перманентной революции» в свое время являлась идейной и теоретической основой троцкизма, то на данной ступени развития «организованный капитализм» — это есть «перманентная революция» правого уклона. Дело не только в том, что в статьях т. Бухарина об «организованном капитализме». капиталистическая действительность представлена в немарксистском свете. что она, мягко выражаясь, приукрашена и что самые больные, самые кричащие противоречия капитализма (по выражению т. Бухарина) совершенно замазываются. Дело заключается помимо всего прочего в тех неверных выводах. которые вытекают из такой ложной установки, как в смысле оценки международного положения, так и в смысле оценки положения в СССР.

С различными оговорками, в различных местах и по разным поводам у т. Бухарина можно найти и соответствующие конкретные выводы. Если он иногда и не договаривает и не доводит свои заключения до логического конца, то это может лишь свидетельствовать об одном: о трусливом характере правого уклона вообще. но отнюдь не об его последовательности.

Выводы же из теории «организованного капитализма» следуют примерно такие: капиталистические противоречия внутри отдельных стран постепенно замирают. затихают, ибо они переползают на основные линии мирового хозяйства, так сказать, за пределы отдельных народных хозяйств. Преобладающими и наиболее решающими в этом случае являются внешние противоречия, потому что внутренние замирают. Пролетарская революция может, таким образом, возникнуть лишь из растущих противоречий мирового хозяйства, но отнюдь не из противоречий классовых. развертывающихся внутри отдельных капиталистических стран. Так как наиболее полным выражением всех мирохозяйственных противоречий является мировая война, то т. Бухарин делает такой вывод: без мировой войны не может быть и пролетарской революции.

Теперь дальше. Если вы. товарищи, помните. т. Бухарин подозрительно много говорил на VI конгрессе Коминтерна о росте техники в третьем периоде (как будто бы во втором периоде не было роста техники) и о том, что ныне имеет место развитие новых производств, использование новых открытий и т. д. Все это, разумеется, не может свидетельствовать о расшатывании и ослаблении капиталистической стабилизации. Правда, этого сам т. Бухарин не досказал, за него это ясно высказали правые из американской компартии, но это отнюдь не противоречит общей концепции т. Бухарина. Следовательно, исходя из такого прогноза, не приходится ожидать скорой пролетарской революции в капиталистических странах. Наоборот, из такой установки можно сделать совсем обратное заключение, что стабилизация укрепляется. усиливается, а вовсе не разваливается. И поскольку это так, а в этом правые уверены, то должна быть принята Коминтерном определенная тактика для мирового коммунистического движения, а вместе с тем

и для СССР, тактика, учитывающая условия крепнущей капиталистической стабилизации.

Для СССР у т. Бухарина тоже существует совершенно ясная и стройная система мероприятий. Поскольку стабилизация капитализма укрепляется и вместе с тем затягивается наступление мировой революции, то «спасение» СССР должно быть организовано внутренними силами. Как это организовать? Ясно, что с точки зрения т. Бухарина нельзя ни в коем случае пойти на столкновение даже с частью крестьянства. Наоборот, классовая борьба должна по мере возможности ограничиваться и в известной мере замениться даже классовым миром. Необходимо поменьше нажимать на кулака, увеличить помощь индивидуальным крестьянским хозяйствам, чтобы привлечь возможно большую часть из них на «поддержку» соввласти. Отсюда также вытекает, что не следует форсировать строительство колхозов и совхозов, что следует усилить производство средств потребления и увязать это с общим планом промышленного строительства путем более ускоренного развития легкой индустрии.

А отсюда и выводы: не увлекаться темпами строительства, по одежке протягивать ножки, по «карману» развивать промышленность, из кирпичей будущего нельзя строить завод настоящего, надо развиваться по «узким местам», не отрывать промышленность от сельского хозяйства и т. д. Одним словом «благоразумие», постепенность, не спешить, сообразоваться со средствами, с мировой и внутренней обстановкой и т. д.. и т. п. Я не привел цитат из «Заметок экономиста», подтверждающих мою мысль, но это с логической последовательностью явствует из основных положений т. Бухарина.

Вот какие печальные выводы вытекают из теории «организованного капитализма». В свое время, во время борьбы с троцкизмом, в основу критики троцкизма было положено разоблачение теории «перманентной революции». Троцкисты негодовали, они нам тогда говорили, что «перманентная революция»—это пройденный этап и никакого отношения к дискуссионным вопросам не имеет. Практика борьбы с троцкизмом, однако, убедила нас в том, что без всестороннего разоблачения и теоретического преодоления «перманентной революции» нам не удалось бы так быстро смять троцкизм.

Я думаю, что мы теперь стоим перед таким же фактом. Бороться с правой опасностью можно лишь на основе борьбы с теорией «организованного капитализма», которая является теоретической основой правого уклона. При чем наша критика теории «организованного капитализма» должна охватывать все больше новых сторон, чтобы всесторонне разоблачить ошибки правого уклона и в первую очередь, оппортунистическую сущность нелепой теории «организованного капитализма» т. Бухарина.

И. БУТАЕВ

Поскольку т. Бухарин придерживался в отношении своих ошибок в области теории и практики христианского «правила» — «грешить и каяться», постольку его ошибки не мешали ему итти в ногу с партией и Коминтерном. Но не во всех грехах каялся т. Бухарин. Есть грехи, в которых он не кается. В таких случаях

и покаяния приобретают весьма условный характер, ибо греховная природа, «от которой все качества», остается. В таком случае трудно ждать, чтобы марксист-Бухарин противопоставил себя оппортунисту-Бухарину. Поэтому задача эта возлагается на коллективную марксистско-ленинскую мысль.

С чего начать, что основное?

На этот вопрос отвечает сам т. Бухарин, когда он говорит:

«... Чтобы теория двигала массы по правильному пути, нужно, чтобы она сама была правильной теорией. А чтобы была правильной теория, для этого о н а должна удовлетворять некоторым общим «методологическим требованиям»[1].

В этих некоторых «общих методологических требованиях» и заключается основной узел теоретических и практических ошибок т. Бухарина. С этого основного узла я и думаю подойти к вопросу.

Собственно, ч т о является предметом изучения для марксистов вообще и для т. Бухарина в частности?

Предметом изучения является капитализм вообще (в его возникновении, развитии и необходимости уничтожения) и империалистическая его фаза в особенности. Проблема заключается в том, чтобы установить прежде всего правильное представление о капитализме, как о целом, а затем на этой основе перейти к пониманию конкретного капитализма вообще и его империалистической фазы в частности.

Как это сделать? Чтобы приняться за это дело, очевидно надо мысленно «в голове» «приготовить» империализм для исследования. Но с чего начать— с империализма как фазы или с капитализма как целого. В этом заключается корень вопроса.

Как разрешает эту проблему т. Бухарин и как ее разрешает Ленин?

Капитализм существует как мировой капитализм. Чтобы знать его свойства и особенности, необходимо прежде всего иметь представление о внутреннем строе этой конкретности. Объективно, реально мы имеем предельное выражение этой конкретности в мировом хозяйстве. Чтобы правильно нащупать внутренний строй мирового капитализма, необходимо создать теоретическую «модель» этого, реально существующего (не только в пределах одной страны) капиталистического общества. И Маркс в качестве такой «модели» аналитически создает «абстрактный капитализм». В абстрактном обществе Маркс выделяет все с у щ е с т в е н н ы е с в о й с т в а реального капитализма. На основе изучения этих существенных его черт необходимо дальше теоретически воспроизвести капиталистическую конкретность, будет ли эта конкретность больше чем одной страны или конкретность «народного» хозяйства.

Задача, следовательно, заключается в том, чтобы после того, как постигнуть в н у т р е н н и й с т р о й капитализма, перейти на этой основе к мысленному логическому воспроизведению капитализма вообще, к воспроизведению исторических этапов развития его в частности.

О переходе от «абстрактного капитализма» к конкретному Маркс в пре-

[1] Н. Б у х а р и н. Теория пролетарской диктатуры. «Атака», изд 2-е, с 89 Разрядка моя. *И. Б.*

дисловии к «Критике политической экономии» в наиболее сжатой формулировке говорит следующее:

«Я рассматриваю систему буржуазной экономии в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, всемирный рынок» (1922, 37).

Маркс работы по этому плану не завершил. Но тем не менее, как в приведенной цитате, так и в других местах, у Маркса мы имеем указание, как перейти от «абстрактного капитализма» к воспроизведению капиталистической конкретности.

Но конкретное должно быть охвачено не только логически, — как конкретность капитализма вообще, — но одновременно и как действительный процесс капиталистического развития «в его различных фазах» (Маркс).

Каким образом эта работа должна быть выполнена?

На этот вопрос нам дает ответ ленинизм. Вот что говорит Ленин по поводу логического усвоения капиталистической конкретности:

«Мы думаем, — говорит Ленин, — что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»[1].

Тов. Бухарин наполовину прав, когда говорит, что «уже проблема империализма не позволяет нам ограничиться одной характеристикой абстрактного капитализма»[2].

Прав т. Бухарин наполовину потому, что то, что он говорит об империализме, действительно и для домонополистического капитализма, ибо «империализм есть надстройка над капитализмом» (Ленин): в «действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма».

Следовательно, неправильно считать, что только империализм выдвигает проблему перехода от абстрактного к конкретному, проблему непосредственного применения марксовой теории к действительности.

Совершенно правильно, что уже в самом определении империализма мы имеем момент государства: экспорт капитала предполагает государство. Но если мы не имеем представления о капиталистическом государстве еще в отношении домонополистического капитализма, то получается, что только при империализме оно возникает. Так же обстоит дело с проблемой об остатках докапиталистических формаций при империализме. О последнем Ленин говорит следующее:

«Только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто-империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зре-

---

[1] Ленин. Наша программа. т. II. 1899 г., с. 492.

[2] Бухарин. Программный вопрос на VI конгрессе Коминтерна, с. 13.

ния империализма и диктатуры пролетариата, мы набьем себе много шишек»[1].

И дальше: «Капиталистический способ производства,—говорит Ленин,— продолжает существовать во всем мире, часто сохраняя свои менее развитые формы, хотя империализм собрал и сконцентрировал финансовый капитал. Ни в одной развитой стране нельзя найти капитализма исключительно в его наиболее совершенной форме»[2].

Вот почему, раньше чем переходить к империалистическому этапу, необходимо разработать руководящие положения марксовой теории применительно к конкретности домонополистического капитализма.

Тов. Бухарин говорит, что «если мы анализируем проблему империализма, то мы уже не можем оперировать одним понятием «абстрактного капитализма»[3].

Мы показали, как нужно по Марксу-Ленину переходить от абстрактного к конкретному. Посмотрим теперь, как т. Бухарин перескакивает к анализу империализма через этап капиталистической конкретности домонополистического капитализма. Будто бы для того, чтобы ориентироваться в домонополистической конкретности, достаточно одного «абстрактного понятия капитализма». Ленин яснее ясного указал в приведенной нами выше цитате на необходимость разработки руководящих положений марксовой абстрактной теории применительно к особенностям различных стран, сообразно с конкретно-историческими условиями развития капитализма в этих странах.

Следовательно, не только при империализме имеется «уже нечто иное, чем простой и абстрактный «капитализм» вообще»[4], но и при домонополистическом капитализме.

Уже, следовательно, здесь мы имеем разрыв с диалектическим методом Маркса.

Однако пойдем дальше.

«Суть дела, — говорит т. Бухарин в ст. «Ленин как марксист», — заключается в том, что степень абстракции у Маркса была в очень многих вопросах настолько велика, что нужно было установление целого ряда промежуточных логических звеньев, чтобы сделать непосредственные практические выводы. Я уже упомянул: в «Капитале» имеется анализ трех классов. Там не наша действительность, там берется абстрактное капиталистическое общество, проблемы его не связываются с такими вещами, как мировое хозяйство, столкновение различных капиталистических тел, проблемы государства, поскольку они находятся в руках нашего врага, вопрос о роли государства в экономической жизни страны, т. е. ряд вопросов более конкретного порядка, в «Капитале» не анализируется.

Для того чтобы привести эту теоретическую систему к практическому действию, в особенности в нашу эпоху, нужно было образование целого ряда про-

[1] Ленин, т. XVI, с. 116. Разрядка моя. *И. Б.*
[2] Там же, с. 134.
[3] Бухарин, Программный вопрос на VI конгрессе Коминтерна, с. 13.
[4] Там же, с. 14.

межуточных логических звеньев, которые сами по себе представляют очень крупные теоретические вопросы[1].

Здесь мы имеем неуменье связать абстрактное с конкретным, разрыв с диалектическим методом. В самом деле, абстрактный капитализм представляется как капитализм, который оторван от конкретной действительности; проблема абстрактного капитализма не связана с капиталистической действительностью — с мировым хозяйством. Получается, что мысленное выделение абстрактного капиталистического общества из реального капитализма как будто не есть метод, способ воспроизведения конкретного. Получается, что «Капитал» Маркса не дает ключа к пониманию мирового хозяйства, иначе говоря, капиталистической действительности, ибо абстрактное общество противопоставляется действительному капитализму, в то время как на самом деле абстрактные законы, которые выводятся Марксом, представляют собой общие, руководящие положения для понимания конкретной действительности. То же самое в вопросе о том, что марксова теория является «серой теорией» и что жизнь гораздо сложнее этой серой теории, или такая вещь, как то, что марксова теория кончается диктатурой пролетариата и здесь остановка[2].

К чему приводит этот разрыв между абстрактным и конкретным?

К тому, что т. Бухарин рассматривает империализм не как фазу развития целого, а как самостоятельное целое.

Тов. Бухарин противопоставляет фазу — империализм — целому — капитализму вообще — и конструирует по аналогии с марксовым «абстрактным капитализмом»—«чистый тип» империализма. Тов. Бухарин империализм исследует не на основе тех общих руководящих положений, которые дает марксова теория, на основе которых познается исторически развивающаяся капиталистическая конкретность, а как некое новое «образование». Поэтому т. Бухарин приходит неизбежно к тому, что противопоставляет фазу капитализма — империализм — капитализму вообще. Диалектический метод заменяется методом аналогии, методом сопоставления. Прямолинейность, деревянность, окостенелость метода аналогий приводит т. Бухарина в результате к ошибочным представлениям об империализме, мировом хозяйстве и крахе капитализма.

Возьмем хотя бы несколько примеров:

Первый пример: т. Бухарин дает такую картину развития капитализма: торговому капитализму соответствует меркантилизм как его политика и идеология; затем мы имеем промышленный капитализм, которому соответствует как его политика и идеология — либерализм, затем следует финансовый капитализм, которому соответствует как его политика и идеология — империализм. Переход на путь аналогий приводит т. Бухарина к совершенно неправильному определению империализма как политики. Если уже придерживаться «логики» этих анало-

---

[1] Бухарин. Ленин как марксист, «Атака», изд. 2-е, с. 264—265. Разрядка моя. *И. Б.*

[2] Н. Бухарин. Теория пролетарской революции, а также—Ленин как марксист. «Атака» изд. 2-е. с. 98 и 254.

ний, то империалистическому этапу соответствует не империализм как его «политика и идеология», а **демократизм**. Но так как у Бухарина все отдельные капиталисты, крестьяне, ремесленники, вообще мелкие буржуа исчезают в его абстракциях, то о демократизме у него нет речи. Даже стоя на позициях логической последовательности системы самого т. Бухарина, неправильно считать империализм политикой и идеологией империализма. Как раз именно в том, что в политике империализму соответствует демократизм,— в этом выражаются возросшие противоречия неравномерности эксплоататорской сущности империализма и его политической надстройки.

Другой пример: в статье «Буржуазная революция и революция пролетарская» т. Бухарин говорит: «Часто повторяется и всем известен исторический пример, вернее исторические примеры, когда варварский народ-победитель, осевший на более высокие в культурном отношении племена, через некоторое время оказывался побежденным по существу; усваивал себе быт, обычаи, нормы, даже язык «побежденного» народа».

«В **похожем** на этот варварский народ положении находится и пролетариат» [1].

Я должен сказать, что такая аналогия по существу является «варварской» аналогией. ибо эта аналогия льет воду на мельницу тех оценщиков нашей революции, которые говорят, что отсталый пролетариат, захвативший власть вместе с дезертировавшими с фронта солдатскими бандами. изживет себя и уступит место культуре нормального капиталистического развития.

Вот куда приводит аналогия, что пролетариат находится в похожем на этот варварский народ положении. Нужно сказать. что не пролетариат оказывается в положении варварского народа, а в таком положении оказываются отдельные элементы из среды пролетариата, из среды партии и его идеологов. Нужно сказать, что в данном случае в положении «варвара»-победителя оказался сам теоретик, сраженный теорией «организованного» капитализма и единого капиталистического треста — теорией более «культурного» племени социал-демократических апологетов капитализма, «международной буржуазии» и Карла Каутского, «ее апостола».

Итак. марксов «абстрактный капитализм» есть **абстрагирование от несущественных черт капитализма**. бухаринский же «чистый империализм» есть **абстрагирование от существенных свойств империализма**. Империалистическая капиталистическая действительность заменяется безжизненной абстракцией.

Анализ империализма подменяется анализом мирового хозяйства, вместо «внутреннего строя» империализма берется его конкретность. Эта конкретность не связывается с конкретностью домонополистического капитализма и берется как самостоятельное целое. Таким образом, **анализ империализма заменяется т. Бухариным анализом мирового хозяйства с тем, чтобы анализ этой капиталистической конкретности заменить безжизненной абстракцией системы госкапиталистических трестов.**

---

[1] Н. Бухарин. Ленин как марксист «Атака» изд 2-е, с 237.

При этом у т. Бухарина исчезает как мирохозяйственная конкретность, так и конкретность «народного» хозяйства. Абстракция поглощает действительность. Тощая — она превращается таким образом в безжизненную, сухую, не только не помогающую познать капиталистическую действительность, но и мешающую этому познанию.

«Чтобы теория двигала массы, — говорит т. Бухарин. — нужно, чтобы она сама была правильной теорией». А чтобы была правильной теория, для этого она должна удовлетворять некоторым общим «методологическим требованиям».

Но теория т. Бухарина не может двигать массы, потому, что она неправильная теория. А неправильная она потому, что она не удовлетворяет «некоторым» общим требованиям марксова диалектического метода.

Вот почему я считал необходимым подойти к вопросу с этой стороны.

В заключение я не могу не остановиться на вопросах, выдвинутых т. Бессоновым. По вопросу о том. задерживается ли прогресс техники при монополистическом капитализме, нужно сказать, что сплошная постановка здесь будет неправильной. Процессы в области применения техники имеют в монополистический период такой же неравномерный характер, как в вопросах развития и загнивания вообще, свободной конкуренции и монополии, экстенсивного и интенсивного роста капитализма, неравномерного развития между отдельными странами и т. д.

Что касается того, что мировое хозяйство есть понятие немарксистское, то на этот счет надо сказать, что мировое хозяйство есть факт, а факт не может быть марксистским или немарксистским. Факт есть факт. Его объяснение может быть марксистским или немарксистским. Тов. Бессонову не следовало бы поэтому отрицать факта на том только основании, что т. Бухарин неправильно подменяет анализ империализма анализом мирового хозяйства.

Тов. Бессонов не уловил здесь методологически важного момента, что империализм и мирохозяйственная капиталистическая конкретность в эпоху империализма представляют единство внутреннего строя монополистического капитализма и его конкретности. Поэтому неправильно ни противопоставлять империализм мировому хозяйству, ни отрицать мировое хозяйство. Отрицать мировое хозяйство—значит отрицать конкретность капитализма. Противопоставлять империализм мировому хозяйству значит противопоставить внутренний строй капитализма его конкретности.

А. ЛЕОНТЬЕВ

Товарищи. хотя известная поговорка и говорит, что повторение — мать учения. все же мне кажется. что эту истину выступавшие товарищи принимали чересчур буквально. Разрешите мне поэтому не повторяться и. тем паче, не приводить цитат, потому что правильно здесь указывали. что в конце концов здесь фигурируют одни и те же цитаты из Ленина, Маркса и Энгельса. Должен сказать, что мне искренно было жаль т. Новикова, который обещал-было цитат

не приводить и привел все-таки цитаты из Отто Ляйхтера, цитаты, которые я приводил не менее трех раз в своих статьях. Разрешите мне не повторять всего сказанного, тем более, что мне приходилось раньше в периодической печати этот вопрос освещать довольно подробно.

Я бы хотел сегодня остановиться только на одном методологического характера вопросе, причем к этому вопросу я подошел бы вот с какой стороны. Тов. Рубинштейн в своем выступлении в прошлый раз был несомненно прав, когда он подчеркивал теснейшую связь, которая существует между взглядами т. Бухарина на современное состояние мирового хозяйства и его оценкой нашей советской экономики. Эту же мысль сегодня повторил т. Марков. Мне кажется все же, что и т. Рубинштейн и т. Марков не поставили этого вопроса достаточно глубоко. Тов. Рубинштейн ограничился — и это совершенно естественно с точки зрения тех задач, которые он ставил в своем выступлении. — освещением этого вопроса со стороны политической тактики. Действительно, если т. Бухарин переоценивает силы нашего противника — мирового капитализма, то совершенно ясно, что обратной стороной этой переоценки сил противника является недооценка наших собственных сил. Тов. Марков попытался пойти дальше, но до конца не дошел. Если мы дойдем до конца в рассмотрении этого вопроса, то мы придем, мне кажется, к выводу, что связь между оценкой современного мирового хозяйства и современного советского хозяйства у т. Бухарина заключается в том, что он и в том и в другом случае подходит к предмету исследования механистически; он заменяет марксистско-ленинскую диалектику механистическим извращением, механистической подменой диалектики. Совершенно естественно, что т. Бухарин, как крупный мыслитель, как весьма образованный марксист, даже в извращениях своих несравненно тоньше, и, повидимому, извращения его гораздо опаснее по сравнению с теми извращениями марксистской диалектики, которые допускаются другими рядовыми, так сказать, средними механистами. Глубокая методологическая связь неправильного анализа т. Бухариным явлений советского хозяйства и мирового капитализма заключается, стало быть, в том, что он подходит к тому и другому с одинаковым механистическим методом, хотя этот механистический подход у т. Бухарина сплошь да рядом прикрыт, затушеван, затуманен марксистской, якобы диалектической, фразеологией. Это показывает лишний раз, как чрезвычайно важно в настоящее время вскрывать механистические ошибки, каким бы фразеологическим одеянием они ни прикрывались.

Если с этой стороны подойти к ошибкам т. Бухарина, то прежде всего следует поставить вопрос: не впадаем ли мы в противоречия в нашей критике бухаринских выступлений последнего времени? Скажем, один из товарищей, выступавший в прошлый раз, решил, что у т. Бухарина имеется переоценка роли обмена в его анализе мирового хозяйства; всем вам, вероятно, это несколько резнуло ухо. В самом деле, т. Бухарин говорит о том, что явления цены, рынка, конкуренции, кризисов внутри отдельных стран заменяются организацией, и после этого его обвиняют в переоценке обмена. С первого взгляда, — подчеркиваю, с первого взгляда,—гораздо правильнее будет сказать, что здесь мы имеем не переоценку, а скорее уже своеобразный случай недооценки обмена. С другой стороны, возьмем бухаринскую установку в вопросах советского хо-

зяйства. Как известно, т. Бухарин утверждает, что в советском хозяйстве путь к социализму лежит, главным образом, почти исключительно через социализацию процесса обращения; в тени оставляются новые производственные формы смычки. Здесь мы имеем на первый взгляд — и это чрезвычайно ярко бросается в глаза — неприкрытый случай преувеличения, переоценки значения процесса обращения, процесса обмена.

Не наталкиваемся ли мы здесь на кажущиеся противоречия в нашей критике выступлений т. Бухарина? С одной стороны, мы его критикуем за недооценку процесса обмена; с другой стороны, мы его же критикуем за переоценку значения этого процесса. Такие же видимые, кажущиеся противоречия мы встречаем и в других случаях. Возьмем, к примеру, постановку т. Бухариным проблемы равновесия. Тов. Бухарин в период военного коммунизма в своей «Экономике переходного периода» выставил тезис о том, что равновесие на весь переходный период уничтожается, что о равновесии в течение всего переходного периода не может быть и речи, потому что, мол, это период переходный, тут нет ничего установившегося, а стало быть нет и равновесия. Это место вызвало соответствующее критическое замечание Ленина. С другой стороны в период нэпа т. Бухарин выступает с чрезвычайно яркой фетишизацией идеи равновесия, он сводит все задачи плана к намечению условий подвижного хозяйственного равновесия. Нет ли здесь противоречия? Противоречие здесь безусловно налицо, но это не противоречие нашей критики бухаринских теорий, а — совершенно очевидно — собственные внутренние противоречия концепции т. Бухарина, у которого концы оказываются неувязанными с концами. При всем том мы, однако, не должны забывать — и это особенно важно подчеркнуть в настоящей обстановке, — что между противоречивыми утверждениями т. Бухарина существует глубокая внутренняя связь, что его подчас противоположные — на первый взгляд — ошибки имеют под собой общую почву, общую основу.

В более общей постановке вопрос примет следующую форму: т. Бухарин до самого недавнего времени выступал обычно—в тех случаях, когда он отклонялся от генеральной линии партии,—как идеолог «левого» уклона. В настоящее время т. Бухарин выступает как идеолог правого уклона. Разница сразу же бросается в глаза. Не должны ли мы однако за этой разницей вскрыть то общее, что роднит прежние выступления «левого» т. Бухарина с его нынешними правыми выступлениями? По поводу последнего несовпадения я напомню о том, что Ленин со свойственной ему проницательностью, со свойственной ему гениальной прозорливостью, еще в тот период, когда т. Бухарин выступал застрельщиком «левых» уклонов предвидел, обнаружил реальный оппортунизм, который скрывался под этими «левыми» фразами. Ленин, как вы помните, в своей статье об империалистическом экономизме, опубликованной недавно в «Большевике», заявил про крайне «левого» т. Бухарина, что он фактически скатывается к апологии империализма. Само собою понятно, что апология империализма есть, прежде всего и раньше всего, источник всякого рода оппортунистических правых уклонов от выдержанной ленинской большевистской линии.

Итак, если мы ставим вопрос о том, нет ли противоречий в нашей критике

бухаринской концепции, приходится отвечать, что противоречий здесь никаких нет. Корень всей бухаринской концепции, несмотря на внутренние противоречия, ей присущие, заключается в одном и том же, а именно: в тех *механистических извращениях диалектики*, которые допускает т. Бухарин, которые отмечались Лениным, когда он критиковал т. Бухарина, и которые мы сейчас должны вскрыть со всей решительностью.

В свое время, 80 лет тому назад, Маркс писал против одного современного ему публициста, не умевшего пользоваться диалектикой, подменявшего диалектику механистическим, формально логическим подходом: «Там, где ему удается заметить различие, он не видит единства, а там, где он видит единство, он не замечает различия. Когда он устанавливает различные определения, они сейчас же затвердевают у него под руками, и он видит самую вредную софистику в стремлении так столкнуть меж собою понятия, чтобы посыпались искры». Вот эта характеристика, данная современному Марксу представителю формально-логического метода мышления, целиком и полностью подходит для всякого рода механистических уклонений от марксистской диалектики, в том числе и для механистических ошибок, которые лежат в основе нынешней политической концепции т. Бухарина. В самом деле, подойдем с этой точки зрения к тому вопросу, который я уже упоминал, к вопросу об обмене, как *социальной форме* производства. Можем ли мы сказать, что т. Бухарин является представителем меновой концепции, можем ли мы сказать, что он преувеличивает значение обмена? Это сказать можно, но нужно *тут же добавить*, если не пожелать сделать чрезвычайно вредную ошибку,—что он является не только представителем односторонней меновой концепции, но *одновременно* и представителем односторонней производственной, односторонней технической, односторонней *натуралистической* концепции. Он не только *преувеличивает* значение обмена, но он сплошь да рядом, в ряде решающих случаев *недооценивает* значение обмена, как *специфической социальной формы производства*. Если мы в этой критике бухаринских ошибок допустим *односторонность*, то эта односторонность повлечет за собою в свою очередь механистические ошибки, чреватые весьма нехорошими последствиями.

Как обстоит с обменом в самом деле? Здесь мы имеем случай, когда т. Бухарину приходится решать чрезвычайно сложный в методологическом смысле вопрос о форме и содержании. В этом вопросе механисты полностью оправдывают характеристику, которую дает Маркс в той цитате, которую я привел. Они либо видят *единство* формы и содержания, и тогда за этим единством забывают о противоречиях, о несовпадении, об относительной самостоятельности движения формы; либо они видят несовпадения, противоречия, *пропасть* между формой и содержанием, и тогда они забывают о единстве. Механист либо приколачивает форму к содержанию гвоздями, и тогда ее не оторвать ни за что на свете, либо механист располагает форму и содержание в двух этажах, и между этими этажами у него нет никакого способа сообщения.

В данном случае, в вопросе об обмене и производстве, это обнаруживается чрезвычайно ярко. В самом деле, когда мы утверждаем, что обмен, как элемент, подчиненный производству, как элемент, производный от производства, в свою очередь создает *специфичность* капиталистических производственных

отношений, то мы нередко слышим крики о меновой концепции со стороны механистов, которые видят исключительно противоположность между обменом и производством, совершенно забывая о диалектическом единстве этих двух моментов. Когда, с другой стороны, механисты видят единство производства и обмена. они совершенно забывают о том, что обмен. до известной степени, представляет собой элемент, самостоятельный от производства. в том смысле, что, возникая на данном уровне развития производства, он придает особую социальную характеристику данной исторической эпохе.

Именно, на позиции чисто-механистического понимания примата производства и стоит т. Бухарин, равно как и некоторые из его критиков. В своем подходе к мировому хозяйству он забывает, до известной степени, самостоятельную роль меновой формы, он забывает о том, что обмен определенным образом формирует производственное содержание. Тут он механистически берет это содержание без специфической меновой формы. и у него получается знаменитая модель организованного, или, как говорил т. Новиков, организующегося капитализма. Когда т. Бухарин подходит к советскому хозяйству, он, наоборот. выдвигает на первый план меновую форму. При этом он забывает, что, поскольку меняется содержание производственных отношений. постольку и сама эта форма не остается равнодушной к содержанию, эта форма претерпевает изменения в свою очередь.

Товарищи, я за недостатком времени не могу развернуть эту тему полно и подробно. Перехожу к следующему вопросу, где недостаток механистического способа мышления обнаруживается с такой же яркостью и красочностью—к вопросу о классовых отношениях и обмене. Как здесь стоит вопрос? Можно ли ограничиться голым утверждением, что обмен, что меновая форма является общей формой производственных отношений, в том числе и классовых отношений? Вряд ли сейчас найдется человек, который станет возражать против этого, хотя еще совсем недавно некоторые товарищи это упускали из виду. Этим голым утверждением дело однако не ограничивается. Нужно показать вполне конкретно, как обмен является наиболее общей специфической формой отношений в товарно-капиталистическом хозяйстве. Это прежде всего означает, что обмен является не только формой отношений между равноправными товаропроизводителями, как думают некоторые экономисты, но что он «формирует» также важнейшее специфическое отношение капитализма — отношение между рабочим классом и капиталистами. Если эту роль обмена оставить в тени, как это делают экономисты-механисты, то совершенно неизбежно скатывание к той постановке вопроса, которая имеется у Туган-Барановского в его «социальной теории распределения». Он как известно. берет классовые отношения вне этого момента меновой формы. в этом его ошибка, и к этой ошибке должен скатиться каждый экономист, который склонен забывать, что классовые отношения между рабочими и капиталистами в меновом товарно-капиталистическом обществе формируются при помощи той же меновой формы.

С этой точки зрения я в двух словах остановлюсь на некоторых других вопросах. Возьмем вопрос об общественном и техническом разделении труда. Об этом вопросе много говорилось здесь и еще больше писалось. Как этот вопрос следует разрешить? Можно ли этот вопрос разрешить таким образом, что по мере

развития капитализма уничтожается, как противоречие между общественным и техническим разделением труда, так даже и разница между ними, как пытался изобразить здесь дело один из выступавших товарищей. Можно ли разрешить вопрос таким образом, что по мере развития капитализма скрадывается, выветривается различие между общественным и техническим разделением труда, то и другое, так сказать, взаимно переходит друг в друга и получается некоторое неопределенное разделение труда, которое одновременно является и общественным, и техническим? Можно ли так ставить вопрос? Я утверждаю, что отнюдь нельзя. Нужно ставить вопрос иначе. По мере развития капитализма, в особенности на последних империалистических ступенях капиталистического развития, общественное и техническое разделение труда развиваются до невероятных пределов, причем развитие идет таким образом, что развиваются оба полюса, растет пропасть, противоречие, противоположность между общественным и техническим разделением труда. Эта пропасть, эта противоположность, это противоречие может быть уничтожено только после социальной революции, но отнюдь не в тех концернах, не в тех крупных монополистических предприятиях, которые приносит с собой империалистическая фаза.

Если мы с этой точки зрения подойдем к госкапитализму, то увидим, что т. Бухарин преувеличил значение госкапиталистических тенденций. У него из этого преувеличения растет теория «организованного капитализма». Если мы механистически подойдем к критике бухаринской концепции, тогда вся проблема госкапитализма предстанет в неверном свете. Механистическая критика бухаринской концепции легко может сбиться на неправильную постановку вопроса. В борьбе против бухаринского преувеличения госкапиталистических тенденций было бы абсолютно недопустимо забыть о специфичности, об особенностях, о том качественном отличии, которое бесспорно несет с собою современная эпоха империализма с ее госкапиталистическими тенденциями. Тогда нынешний госкапитализм растворится без остатка, сведется к общему определению, к тому абсолютно бессодержательному определению, что, мол, государство на всех стадиях развития было так или иначе связано с хозяйством. Против такого забвения специфичности, против такого недиалектического, механистического подхода к проблеме госкапитализма нужно протестовать самым решительным образом.

Точно так же дело обстоит с вопросом о мировом хозяйстве, о котором говорил несколько подробнее т. Марков. В самом деле т. Бухарин бесспорно делает ошибку, когда он устанавливает периодизацию хозяйственных эпох по образу и подобию буржуазных экономистов. Можем ли мы однако, даже будучи воодушевлены лучшими намерениями, в борьбе против неправильной концепции т. Бухарина скатиться на такую постановку вопроса, что мировое хозяйство вообще не является марксистской категорией? Это означало бы не видеть специфичности, не видеть качественного отличия современного развития империализма.

В связи с этим стоит серьезнейший вопрос, на котором я должен остановиться по необходимости кратко. Тов. Кон в своем выступлении совершенно правильно подверг критике бухаринский метод мышления при помощи предельных абстракций. Тов. Кон имел полное право выбрать именно эту сторону ошибочной концепции Бухарина по целому ряду причин, о которых я сейчас говорить

не буду. Но можем ли мы сказать, что этой ошибкой ограничивается ошибочный метод т. Бухарина? Мне кажется, что нет. Тов. Кон упрекал т. Бухарина в том, что он мыслит предельными абстракциями. И т. Кон был прав. Но Ленин в период профсоюзной дискуссии 1921 г. упрекал т. Бухарина в том, что он мыслит эклектически, что у него получается «и то, и другое», «с одной стороны — с другой стороны». Был ли Ленин прав в этом отношении? Я беру на себя смелость утверждать, что Ленин был в этом вопросе совершенно прав. Таким образом, получается, что т. Бухарин мыслит, с одной стороны, предельными абстракциями, а с другой стороны, у него эклектизм, он говорит: «и то, и другое». Отсюда ясно, что т. Кон, подвергая критике метод мышления предельными абстракциями, все же дал одностороннюю критику бухаринской методологической ошибки, поскольку он не указал, что этот метод мышления предельными абстракциями в то же время сочетается у т. Бухарина с эклектизмом; между тем, именно сочетание метода мышления предельными абстракциями с эклектизмом, который выдвигает «и то, и другое», характеризует механистическое извращение диалектики. Может быть, тов. Кон об этом сказал бы в том случае, если бы он достаточно четко подчеркнул механистический метод мышления, как основной порок бухаринской концепции.

В связи с этим я хочу сказать пару слов по вопросу о социальной школе, о которой говорил т. Бессонов. Тов. Бессонов в своем выступлении, длившемся минут 25—30, не упомянул ни разу о том, что концепция т. Бухарина является концепцией механистической. Я не сомневаюсь в том, что при подготовке нашего сборника к печати, соответствующее упоминание будет им вставлено. В то же время он считал необходимым остановиться довольно подробно на вопросе о социальной школе и опасности, грозящей нам с этой стороны. Я подчеркиваю со всей силой, что я считаю опасность, грозящую нам со стороны социальной школы, чрезвычайно серьезной. Я считаю, что с этой опасностью нужно бороться самым решительным образом. Однако необходимо иметь в виду, что эта опасность в определенном смысле чрезвычайно тесно связана с той общей механистической опасностью, которая стоит перед нами в качестве основной и главной опасности в современной обстановке. Я уже указал на примере вопроса о классовых отношениях и обмене, что механистический подход к этому вопросу приводит в конце концов к тому, что люди скатываются к концепции Туган-Барановского, который, конечно, является представителем социальной школы. Я полагаю поэтому, что опасность социальной школы и опасность механистическая—это не две совершенно разные, оторванные друг от друга опасности, как это иной раз представляется. Между той и другой опасностью существует тесная связь, при чем опасность механистического извращения диалектики является более значительной, более широкой, более всеоб'емлющей, ибо это извращение широко открывает ворота буржуазным «социальникам». Опасность социальной школы сюда входит, с определенной стороны, как неразрывный составной элемент. Когда мы говорим об опасности социальной школы, мы не должны забывать, что т. Бухарин в своей статье «К постановке некоторых проблем исторического материализма» ссылается на эту опасность с вполне определенными целями. Он говорит о том, что марксизм развивался в тот период, когда не было буржуазной социальной школы, и тогда

вполне естественна была марксистская диалектика, которая, мол мало чем отличалась от диалектики гегельянской. В настоящее время мы имеем возрастающую опасность со стороны буржуазных «социальников», и эта опасность, по мнению т. Бухарина, является достаточным оправданием того, что он предлагает диалектику в старом марксистском ее понимании, особенно плехановскую диалектику, заменить новой диалектикой, той диалектикой, которая, как он ее понимает, представляет собой не что иное, как более удачную, более скрытую перефразировку богдановской механистической концепции. Мне кажется, что когда мы слышим об опасности, грозящей нам со стороны социальной школы, мы должны самым решительным образом отклонить использование этого довода в служебных целях, использование этого довода для того, чтобы в какой-либо степени замазать ту о с н о в н у ю м е х а н и с т и ч е с к у ю о п а с н о с т ь, которая перед нами стоит, тем более, что такое использование было сделано т. Бухариным несколько лет тому назад.

Наконец, еще одно необходимое замечание в связи с выступлением т. Кона, который говорил, главным образом, о том, что мы в каждом процессе должны видеть борьбу двух противоположных тенденций, в каждом явлении должны видеть борьбу двух разных сил и т. д. Мне кажется, что в такой постановке вопроса кроется известная опасность. В самом деле, ведь диалектика нас учит видеть н е т о л ь к о б о р ь б у р а з л и ч н ы х т е н д е н ц и й. Ленин не уставал повторять, что вся суть диалектики заключается в е д и н с т в е п р о т и в о п о л о ж н о с т е й, что душа диалектики заключается в р а з д в о е н и и е д и н о г о. Не только в р а з л и ч н ы х тенденциях, не только в различных явлениях, не только в различных противоположных сторонах, противоположных предметах должны мы видеть противоречие, борьбу, столкновение, нарастание конфликтов и катаклизмов. Диалектика нас учит видеть раздвоение каждого предмета, каждой единой вещи, видеть раздвоение и противоречивость всего того, что выступает как единое. Эту поправку я считаю необходимым внести, тем более, что бухаринское истолкование диалектики теснейшим образом связано с механистической концепцией Богданова, которая в основном заключается в том что на место раздвоения единого ставится борьба антагонистических различных сил, борьба противоположных активностей. Когда мы ведем борьбу против бухаринской механистической методологии, необходимо в формулировках быть сугубо осторожным и не делать ни малейших уступок богдановщине.

На основании всего сказанного, я прихожу к выводу, что успешная критика современной бухаринской концепции и критика старых механистических ошибок т. Бухарина может быть проделана лишь при помощи о с т р о о т т о ч е н н о й м а р к с и с т с к о й д и а л е к т и к и, которую никогда, ни под каким видом и ни в какой степени нельзя заменить тупым оружием механистической методологии.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Е. ВАРГА

Товарищи, я буду говорить очень коротко! Очевидно, что я не могу дать ответа на все вопросы, на все проблемы, которые здесь были затронуты. Первое, что я считаю необходимым отметить, это то, что в нашей среде не нашлось защитников теории Бухарина об «организованном капитализме». Значит ли это, что вообще не имеется сторонников этой теории? Я думаю, что было бы ошибкой так думать. Сторонники безусловно имеются, но они настоящее время не считают подходящим для выступлений подобного рода. Я должен это подчеркнуть, потому что нашей дискуссией мы не можем считать вопрос исчерпанным. Вопрос об «организованном капитализме» необходимо еще дальше и может быть глубже разрабатывать.

Второе: когда мы слушали все выступления, имевшие место здесь, то временами проскальзывала попытка отрицать, замазывать монополистический характер капитализма в стадии его империалистического развития. В полемике против Бухарина и теории «организованного капитализма», вообще, некоторые чуть - чуть не доходили до отрицания вообще разницы между капитализмом свободной конкуренции и монополистическим капитализмом. Это также является большой ошибкой. Нельзя забывать, что хотя конкуренция продолжает существовать, но существенным отличием современного капитализма от довоенного являются монополии. Никогда нельзя забывать известную «краткую дефиницию» Ленина, что империализм есть монополистический капитализм. В конце концов в современном капитализме имеются элементы, которые могут быть, конечно, необоснованно и неправильно использованы, как основание для теории так называемого «организованного капитализма». Нельзя, борясь против неправильной теории, отрицать самый факт монополистического капитализма.

Третий вопрос: что нам дала дискуссия нового? Новое в теоретическом смысле, которое не было затронуто в первом докладе, это, по моему мнению, вопрос о методе т. Бухарина. Здесь совершенно правильно многие выступавшие: тт. Хмельницкая, Кон, Леонтьев и др.— указывали, что корень ошибок т. Бухарина лежит в его недиалектическом подходе к этому вопросу. Всем вам известный спор между механистами и так называемыми немеханистами или, как они себя называют, диалектиками проник в нашу дискуссию, но интересно отметить, что когда я слушал выступления т. Кона и т. Леонтьева (я не большой спец в этом вопросе), то у меня получилось такое впечатление, что разница между

ними не по существу. Тов. Кон сказал, что у Бухарина недиалектический подход. и развивал это положение; т. Леонтьев по существу сказал то же самое, но он называл этот недиалектический метод т. Бухарина механистическим, и, кроме другого названия, ничего больше не получилось.

Позитивно новые мысли, которые дала дискуссия, по-моему, следующие: Тов. Герцбах указал, что к вопросам современного капитализма нельзя подходить так, как это делает т. Бухарин. Последний говорит, что может быть «организованный капитализм» в одной стране, или в отдельных странах. но борьба продолжается на мировом рынке. Это означает, что он отрицает неравномерность развития капитализма в отдельных странах и принимает ее в мировом масштабе. Если мы продолжим эту мысль, то нужно будет сказать, что, если существует неравномерность развития в мировом разрезе, то это должно вести к неравномерному развитию и в отдельных странах и должно будет разрушить строй «организованного капитализма» в отдельных странах. ибо организованность капитализма возможна только в том случае, если не действует закон неравномерного развития капитализма. Эти два явления, «организованный капитализм» и неравномерность развития капитализма. не могут быть совместимы.

Дальше, интересна мысль. которую высказал тов. Лоуф-Бохен. что борьба рабочего класса есть элемент неравномерного развития капитализма. По-моему. это очень интересная и правильная мысль, которую он иллюстрировал на развитии Соед. Штатов. Дальше, интересным и новым. по моему мнению. было в выступлении т. Новикова — сопоставление концепции т. Бухарина в колониальном вопросе с тем. что т. Бухарин говорит об обострении классовых отношений в отдельных странах; если Бухарин говорит. что весь пролетариат империалистических стран вообще имеет общие интересы с капиталистами, то тогда нельзя говорить, что внутренние противоречия обостряются. хотя есть «организованный капитализм» в одной стране. Это противоречие не диалектическое, а, если хотите, механистическое противоречие. но противоречие, мимо которого нельзя пройти.

Затем. вопрос, который был здесь поставлен. но, по-моему, недостаточно ярко, это вопрос о технике и о загнивании капитализма. Здесь тоже имеется тенденция итти дальше. чем надо. Имеется некоторая тенденция отрицать вообще в наше время и в особенности в послевоенное время технический прогресс. Я думаю, товарищи. нельзя отрицать. что теперь есть и идет технический прогресс, который в общем и целом начался не меньше, чем 10 или 20 лет тому назад. Было бы ошибкой отрицать это. Но значит ли это. когда мы говорим. что технический прогресс имеется, что этим самым мы отрицаем процесс загнивания капитализма? Ни в коем случае. Загнивание капитализма может быть и продолжается. хотя одновременно с ним имеется и технический прогресс. Конечно. товарищи, в развитии монополистического капитализма имеются элементы, которые тормозят технический прогресс. При прочих равных условиях технический прогресс будет быстрее развиваться при свободной конкуренции, чем при монополистическом капитализме. Но я повторяю, что загнивание капитализма происходит и при техническом прогрессе. Как Ленин понимал загнивание капитализма? Не то. что технического прогресса вообще больше не будет, что это является единственным признаком загнивания капитализма. но что в этом определении имеются

и такие элементы, как создание большого слоя рентьеров, монополистической сверхприбыли, получаемой из колонии, и т. д., и т. п. Было бы ошибкой отрицать наличие технического прогресса для того, чтобы доказать загнивание капитализма.

Товарищи, я начал с того, что нам пришлось разрабатывать вопросы, связанные с теорией «организованного капитализма», так как т. Бухарин явился тем, кто выдвинул у нас эту теорию. Поэтому вполне понятно, что обсуждение вопроса об «организованном капитализме» идет в первую очередь по линии критики т. Бухарина. Но вопрос о теории «организованного капитализма» является одним из важнейших вопросов в борьбе с социал-демократией. Теория «организованного капитализма» связана с теорией так называемого социального государства, что является одним из самых важных орудий социал-демократов. Я сказал бы, что теория «организованного капитализма»—это есть тот мост, который ведет от старого социал-реформизма к социал-фашизму. Социал-демократы могут выступать в защиту буржуазного строя, буржуазного государства против нас, против коммунистов, против революционного рабочего движения только тогда, когда они могут обманывать рабочих уверениями, что это государство не является больше классовым государством, что современный капитализм больше не старый капитализм, а новый «организованный», «плановый» капитализм, если они могут рассказывать, что это не классовое государство, а социальное государство и т. д. Я повторяю, что теория «организованного капитализма» и все, что в это понятие входит — социальное государство, хозяйственная демократия,—составляет идеологический мост от старого социал-реформизма к социал-фашизму. Поэтому, товарищи, нам нужно этот вопрос дальше разрабатывать: наряду с борьбой против т. Бухарина, война с социал-фашизмом будет продолжаться, и в этой войне нам необходимо разбить теорию «организованного капитализма», социального государства и т. д. И если мы это хорошо сделаем, то мы поможем борьбе наших братских коммунистических партий против социал-фашизма и против капитализма.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1.

Н. БУХАРИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА У ТЕОРЕТИКОВ БУРЖУАЗИИ[1]

Современный капитализм представляет собой явление поистине замечательное. Он вновь раскрывает поразительные чудеса технического прогресса, превращая научное познание мира в мощный рычаг технического переворота. Он нагромождает исполинские башни своих монопольных организаций, которые — на первый взгляд—являются прочными стропилами капиталистического порядка. Он пронизывает все поры своего бытия духом «научного руководства предприятием». Он привязывает искусно скованной цепью—через социал-демократию, через реформистские профсоюзы — значительные слои рабочего класса, страхуя себя от восстания «наемной черни». Он крикливо возвещает в своей уличной прессе о новом цикле небывалого своего расцвета, который должен лишь оттенять «неудачу» «большевистского эксперимента»...

Но если мы от этой базарной рекламы, от идеологической сутолоки буржуазии, от ее «мелочной торговли» перейдем по ступеням буржуазного «храма науки» в ее «святая святых», то мы увидим здесь, наряду с величайшими поисками новых путей, величайшую тревогу, величайшую растерянность, а часто и величайший п е с с и м и з м. В полосу рекламируемого «нового расцвета одним из центральных, а по сути дела ц е н т р а л ь н ы м вопросом, является для буржуазии вопрос о к о н ц е к а п и т а л и з м а, о всей его с у д ь б е, о возможности его г и б е л и, о признании его у п а д к а. Возникает пессимистическая «философия капитализма». И как тут не вспомнить «колоссального старого парня»[2] Гегеля? «Когда философия,— говорил он,— начинает писать своими красками на сером фоне действительности, н е л ь з я у ж е в е р н у т ь м о л о д о с т ь, ее можно только п о з н а т ь: сова Минервы вылетает лишь в сумерки...». В лице ряда своих выдающихся идеологов капитализм ставит скорбный для себя вопрос о выполнении и завершении своей исторической миссии.

---

[1] «Правда», 26 мая 1929 г.

[2] «Den kolossalen alten Kerl» — так Э н г е л ь с называл великого философа.

Nach ewigen, ehernen,
Grossen Gesetzen
Müssen wir alle
Unseres Daseins
Kreise vollenden [1]

Старый, седой, закованный в латы, хитрый великан-разбойник приуныл. Его «сильнейшие волевые импульсы, жгучие страсти, жадные устремления» (Зомбарт [2] — о капитализме эпохи расцвета) сменяются кисло-сладкими сентенциями:

«... покорность неизбежному — лучший удел человека. Но все-таки и в наше мрачное время имеются люди — и их, пожалуй, больше, чем в недавнем прошлом, — которые находят отраду в практически бесцельном познании, читают книги лишь для внутреннего просветления...» [3].

Здесь Зомбарт неправ. Капитализм не уйдет с исторической арены, как брюсовские «мудрецы и поэты», с «отрадой» читающие, при свете «светильников», свои старые священные тексты. Огнем и мечом он будет отстаивать свое существование, этот еще сильный мировой душегуб. Но веяние зловещих крыльев смерти уже слышит он за своими плечами...

I

Один из матерых буржуазных авторов, Пауль Йосток, в своей работе: «Конец капитализма» [4], приходит к следующим интересным выводам:

«Непрестанно и бурно стремящаяся вперед, все шире распространяющаяся динамика, которая составляет внутренний жизненный закон капитализма, становится для него роковым. Правда, катастрофа невероятна (нужно же иметь утешеньице! *Н. Б.*), но вероятен поворот к статике и, может быть, медленному полному умиранию. Этой уже проявляющейся необходимости упадка идут навстречу растущие новообразования, готовые перенять господство, где оно ускользает из рук капитализма. Это, с одной стороны, те силы, которые непосредственно вырастают из самой системы, как образование различных союзов, бюрократизация и нормирование всякого труда; с другой стороны, также те социальные противоборствующие течения, которые из душевного возмущения или рационального расчета борются за превращение (капитализма. *Н. Б.*) в какую-либо форму общественного хозяйства».

---

[1] По вечным, железным,
Великим законам
Все мы должны
Бытия нашего
Круг завершить (Гете).

[2] В. Зомбарт, Современный капитализм, т. III первый полутом, Гиз. 19_9 г., с. 24.

[3] Там же. Введение, с. XXVIII.

[4] Paus Jostock, Der Ausgang des Kapitalismus. Ideengeschichte seiner Ueberwindung, München und Leipzig, Verl. Duncker u. Humblot, 1928, S. 214.

Мы выписали эту длинную цитату, ибо она сразу же вводит нас в суть дела, она сразу показывает, что «не нравится» господам буржуа, в чем видят они опасность, чего боятся, чего ожидают. Еще совсем недавно марксова теория, вскрывавшая с беспощадной и злой логической силой «законы движения» капиталистического порядка, считалась «ненаучной». Еще совсем недавно руководящие теоретики германской «исторической школы» копались в ремесле и мелкой торговле, чтобы «опровергать» законы концентрации и централизации капитала. Еще совсем недавно мы слышали с разных концов мира теоретические рулады насчет вечности, преимущества, благодетельности, непрерывного процветания и незыблемости капиталистического порядка. Но железная логика развития делала свое дело. Гигантская концентрация и централизация капитала идет на всех парах. Новые организационные формы (картели, тресты, концерны) растут непрерывно. Монополия съедает все быстрее «свободную конкуренцию». Капиталистическое государство вмешивается в процесс производства и обращения. Ростки государственного капитализма становятся все значительнее. Старые капиталистические предприниматели выделяют касту, новую олигархию мультимиллионеров. Появляются новые «хозяйственные вожди» — Сименсы, Круппы, Морганы, Форды, Лушеры, биографии которых сменяют биографии больших и малых Наполеонов. И в то же время кроваво-ярко обнаруживается проволочная изгородь великих империалистических войн и классовых баррикад революции

Развитие идет в сторону государственного капитализма. Социал-демократия выдает это за социализм. Она, затушевывая и заклеивая обостряющиеся классовые противоречия, всячески старается вползти в эту огромную эксплоататорскую систему. Буржуазные теоретики отлично понимают, что это — отнюдь не социализм. Но они понимают и другое. Они понимают, что происходящее перерождение клеточек капиталистического организма, возникновение «закованного капитализма» (проф. Шмаленбах), «конец laissez faire» (Кейнс), превращение «анархии» в «организацию» (проф. Грунцель), трансформация «высокого капитализма» в «поздний капитализм» (В. Зомбарт) и т. д.,— что все это готовит переход к социализму, создает такие материальные предпосылки нового общества, которые видны, ясны, понятны; создает такие условия классовой борьбы, которые направляют ее непосредственно против государственной власти капитала; создает такие классовые антагонизмы, которые неизбежно приводят в движение весь массив трудящегося человечества против капитализма; создает такие антагонизмы между государствами, которые раскрывают сокрушительные перспективы. Недаром В. Зомбарт, оглядываясь назад, пишет о «высоком капитализме»: «Это—один из тех странных эпизодов в истории человечества, которые, быть может, лишь пригрезились людям во сне» [1].

О «судьбах капитализма» вообще больше всего говорят, разумеется, немецкие экономисты: их «общественное бытие» толкает на этот путь их «общественное сознание», а их теоретическая квалификация дает им возможность ставить вопросы с наибольшей — в пределах буржуазного горизонта — широтой.

[1] «Современный капитализм», III, 1, с. XX.

Теоретическая дискуссия развертывается здесь вокруг докладов двух выдающихся представителей германской науки: вокруг доклада В. Зомбарта: «Метаморфозы капитализма» [1] и доклада проф. Шмаленбаха: «Закованный капитализм» [2].

Уже в предисловии к III тому «Современного капитализма» Зомбарт достаточно ярко обрисовал свою позицию, свой итоговый вывод:

> «... Мы уже не можем верить в творческую силу капитализма... Мы знаем, что, несмотря на все наши жесты и громкие слова, из капитализма не возникло ничего, имеющего какое-либо культурное значение, да и в будущем ничего не возникнет...
>
> Их («классиков» и Маркса. *Н Б.*) глаза были устремлены в будущее, наши — глядят в прошлое» [3].

В «Метаморфозах» Зомбарт останавливается специально на тех изменениях, которые определяют его пессимистический прогноз. Коротко его доклад сводится к следующему:

Территориально капитализм будет еще распространяться, продолжая свое разрушительное дело. Новый капитализм будет, прежде всего, капитализмом «цветным» (Азия, Африка). Участие в его развитии со стороны старых капиталистических стран будет не очень значительным. Причины этого: накопление капитала замедляется; новые страны сами индустриализируются, а не будут развивать чужую индустрию. Накопление капитала замедляется, ибо: 1) абсолютная прибавочная ценность не будет так быстро расти, как раньше, в силу замедленного роста населения и в силу сокращения рабочего дня, 2) относительная прибавочная ценность не будет так быстро расти, так как замедляется рост производительности труда в добывающей промышленности и прежде всего в сельском хозяйстве (пришел конец новым землям; пришел конец хищническому экстенсивному хозяйству; пришел конец эксплоатации отсталых аграрных народов). Аграрные страны сами будут развивать свою индустрию: им нечем будет платить за ввозимые средства производства, они не могут развивать и свою промышленность, и промышленность старых стран одновременно. Сейчас уже имеется период, когда аграрный вывоз из САСШ сократился, цены на сельскохозяйственные продукты за 20—30 последних лет растут, старокапиталистические страны испытывают хронический кризис сбыта. Темп индустриальной экспансии замедляется. Темп прироста промышленного населения тоже замедляется.

Изменение формы. Централизация капитала, концентрация производства, картели, концерны, гигантские предприятия. С социальной стороны: «новый феодализм, система зависимостей всевозможного рода: рабочих и служащих от капитала, потребителей от производителей, мелких предприятий от круп-

[1] W. Sombart, Die Wandlungen des Kapitalismus. Vortrag, gehalten auf der Tagung des Vereins für Sozialpolitik zu Zürich am Sept. 1928. «Weltw. Arch.» 28 B., H. 12.

[2] Prof. D-r E. Schmalenbach, Der gefesselte Kapitalismus, 4. Beilage zur «Vossischen Zeitung» № 255, 1 Juni 1928.

[3] «Совр. капитализм», III, 1, с. XXVII

ных, мелких акционеров от крупных» [1]. «Финансократия». В связи с этим: «бюджетированное хозяйство», превращение «предприятия» в «учреждение», его агентов в чиновников; уменьшение жажды прибыли (твердые дивиденды, вклады в свое предприятие); угасание специфически предпринимательского духа (риска, смелости, предпринимательского авантюризма и т. д.). Изменение порядка, строя. Правовой «свободный» строй переходит в «связанный». Хозяйственная деятельность изменяется. Система «самосвязывания» (бюрократизация предприятий, картели и т. д.). Связывание со стороны государства (охрана труда, страхование, контроль цен). Связывание со стороны рабочих (фабзавкомы, профсоюзы, тарифные договоры). Само положение рабочих становится похожим на положение чиновников (стандартизация зарплаты, пенсии и т. д., тенденция к регулированию на манер «carta del lavoro», «хартии труда», Муссолини). Старая «механика рынка» выключается. Упраздняется связанная с этим экспансионная конъюнктура. Наступает общее замедление темпа хозяйственной жизни (накопления капитала, технического прогресса, прироста населения).

Изменение удельного веса. Предпосылкой здесь должен являться не социальный монизм (один уклад), а социальный плюрализм. Ремесло держится. Крестьянство идет навстречу хорошим временам. Выдвигаются «послекапиталистические» формы: кооперативные предприятия, государственные, муниципальные, «смешанные». Теперь хозяйственная жизнь носит все признаки переходного периода, а капитализм впитал в себя «черты грядущей хозяйственной системы [2].

Изобразив такой ход событий, почтенный маэстро капиталистической теории соизволил, под громкий смех (!) своих коллег, заявить, что он не хотел бы жить через 50 или 100 лет... [3].

Нашумевший доклад Шмаленбаха, специалиста той дисциплины, которую немцы называют «Betrieblehre» (учение о предприятии и производстве в нем), а американцы — «scientific management» («научное хозяйствование», «научное управление предприятием»), не касается вопросов мирового хозяйства: он целиком опирается на исследование внутренних закономерностей в жизни предприятия; в связи с изменением техники («вещей») он исследует проблему калькуляции, в частности проблему себестоимости товаров, и из этого выводит тот интенсивный процесс картелирования и трестификации, который так ярко бросается в глаза любому наблюдателю «современного капитализма».

Шмаленбах начинает с яркого описания основной структурной тенденции этого капитализма.

> «Хозяйственная история грядущих веков будет, вероятно, обозначать XIX век, как век свободного хозяйства... Следующий за эпохой свободного хозяйства строй, как то видим мы, современники

---

[1] «Die Wandlungen», S. 248—249.

[2] Ibidem, S. 255. Разрядка наша. *Н. Б.*

[3] К сожалению, мы не имеем под рукой протоколов заседания Союза социальной политики, а лишь доклад, отпечатанный в «W. A.», где нет этих последних фактов. Их мы заимствуем из периодической немецкой печати.

> этого развития, является таким строем, который характеризуется картелями, трестами и другими монополистическими образованиями, государственной железной дорогой, государственной почтой, государственными банками, государственными страховыми предприятиями, центральными для целых стран станциями, доставляющими свет и энергию и находящимися в руках государства, смешанными обществами всяческого рода, государственным регулированием цен на уголь, калий, квартирную плату и государственным определением тарифной заработной платы; таким строем, который, в противоположность тому, что было ранее, обнаруживает разнообразные черты связанности. И следует принять, что эта тенденция к связанности в будущем еще сильно возрастет»[1].

Шмаленбах, не без «боли душевной», констатирует, что совершенно безнадежно думать о возврате «свободного хозяйства», что с этим «свободным хозяйством нужно окончательно распроститься всем тем, которые его «любили и им восхищались». Неумолимые объективные законы развития приводят к этому. Громадное возрастание доли средств производства, машин и аппаратов, гигантских сооружений, материальных предпосылок принудительного хода работы (конвейер), превращение машин в автоматы и т. д., — все это крайне увеличивает значение так называемых «основных издержек» (т. е. издержек, связанных со снашиванием основного капитала) по сравнению с «пропорциональными издержками». Этот факт и лежит в основе того, что старая эпоха «свободного хозяйства» неизбежно сменяется «связанным хозяйством». В «свободном хозяйстве» производство приспособлялось к рынку и от барометра цен получало руководящие указания. Если цены были выше себестоимости — производство расширялось. Если цены стояли ниже себестоимости — производство сокращалось. Это было возможно, однако, тогда, когда решающую роль играли «пропорциональные издержки». Пропорциональные издержки возникают и падают вместе с увеличением или, соответственно, уменьшением реально производимых продуктов. Но «если существеннейшая часть себестоимости становится «основной» («fix»), то сокращение производства вовсе не уменьшает издержек соответственным образом». В случае падения цен уже нельзя выравнивать положения пропорциональным сокращением производства: выгоднее производить даже при убыточных ценах. Таким образом, хозяйство «теряет способность приспособления производства к потреблению». В каждой крупной производственной единице есть ряд отделов, которые плохо используются, работают с «дегрессивными издержками», но их приходится даже расширять, несмотря на отсутствие соответствующего спроса, — иначе будет еще хуже. Старые методы стихийного регулирования через рынок стали невозможны. Отсюда — новые попытки приспособления: картели, тресты, «связанное хозяйство».

Однако это «новое хозяйство» имеет ряд злейших недостатков: исчезает подбор подходящих людей, в монопольных организациях сидят карьеристы, обра

[1] Schmalenbach, l. c.

зуется слой паразитов; повсеместно встречаются совершенно бесхозяйственные административные учреждения, лишние торговые инстанции, разбухший бюрократизм, чрезмерная тяжеловесность аппарата, чрезмерная дороговизна управления, слишком большие жалованья и тантьемы руководящих монопольными организациями лиц. Все это — следствие исчезновения воздуха конкуренции. Исчезает дух бодрого, полного ответственности, предпринимательства; синдикаты действуют, не исходя из хозяйственного расчета: они не делают различия между жизнеспособными и нежизнеспособными предприятиями ни вообще, ни при изменении конъюнктуры; они хотят доставлять своим участникам по возможности «равные» занятия. Это — безрасчетное хозяйство, хозяйство без калькуляции. И все-таки, несмотря на все свои «глупости», «связанное» хозяйство имеет значительные преимущества перед «свободным», ибо последнее несовместимо с господством «основных издержек».

> «Я убежден,—так заканчивает свой доклад проф. Шмаленбах,—что мы в недалеком будущем придем к такому положению, которое было и при цеховом строе: монопольные организации нового хозяйства должны получать свою монополию от государства, и, с другой стороны, государство надзирает за выполнением вытекающих из монополии обязанностей. Я не думаю, чтобы притязания картелей, направленные против всякого государственного надзора, могли на долгое время отклонить это развитие, соответствующее природе вещей».

Вопрос о всеобщей бюрократизации общественной жизни, в связи с изменениями в структуре современного капитализма, особенно резко поставил покойный Макс Вебер, безусловно самый выдающийся из идеологов буржуазии последнего времени. «Рационализация», «калькуляция» и т. д.—все это связано с возрастанием реальной мощи технически вышколенных людей, бюрократии. «Растущая «социализация» означает теперь одновременно растущую бюрократизацию» [1]. «Дорациональный» капитализм, авантюристский и хищнический, не мог знать этого явления. Современному капитализму, специфическими чертами которого является «строго рациональная организация труда на основе рациональной техники» [2], нужна эта хорошо работающая «живая машина».

Это развитие, возможно, приведет к чему-то похожему на восточно-египетский строй общественной жизни, «но в противоположность этому последнему» этот строй будет «строго рационален, как машина» [3]. В утешение Макс Вебер делает при этом такое поучительное замечание:

> «Не известно ни одного исторического примера, где бы она (бюрократия *Н. Б.*) там, где ей удалось однажды притти к полному единодержавию,—в Китае, Египте, в не такой последовательной форме в позд-

[1] Max Weber Parlament und Regierung. Verl von Duncker u. Humblot 1918. S. 16.

[2] Ibid., S. 17.

[3] Ibid., S. 31.

ней Римской империи и в Византии, — исчезла бы без полной гибели всей той культуры, носителем которой она являлась»[1].

II

Чрезвычайно интересно то обстоятельство, что профессиональные идеологи буржуазии, фельдмаршалы буржуазной теоретической мысли, никак не могут пройти мимо предсказаний Маркса. Зомбарт на дискуссии в Союзе социальной политики заявил, что он был бы рад, если бы ему удалось предсказывать так, как это удалось Марксу. Шмаленбах прямо говорит о выполнении предсказаний Маркса (старательно обходя вопрос о «катастрофе»). Изувечивая Маркса, переделывая его на более или менее «мирный» лад, они, однако, никак не могут его обойти, даже при обсуждении такого «деликатного» вопроса, как вопрос об исторической относительности капиталистического порядка вещей. Ибо под коркой частичной стабилизации капитализма течет огненная лава противоречий, которые рано или поздно взорвутся с могучей энергией.

Экономисты буржуазии, как мы видим, останавливаются на ряде важнейших проблем современного развития. Целесообразно, однако, отметить их боязнь прикоснуться как следует к проблемам противоречий мирового хозяйства, хотя руководящие политики буржуазии говорят об этом с достаточной откровенностью. В дискуссии, вызванной докладом Зомбарта, один Альфред Вебер остановился на этом вопросе. Разбив мир на три части (антикапиталистическую—СССР; докапиталистическую—Азия, Африка; капиталистическую — Европа и Америка), он заявил, что происходит борьба между первой и третьей частью, но что прогноз здесь крайне затруднителен[2]. Теоретически проблема не была поставлена. Но она отчасти была поставлена в связи с обсуждением вопроса о пределах «организованности» капитализма или, по-другому, о соотношении между монополией и конкуренцией.

Подавляющее большинство теоретиков буржуазии стоит — и не может не стоять — за монополистический капитализм. Либерализм в его классической форме умер. Даже такие люди, как Кейнс, говорят о «конце laissez faire». Какой-нибудь Кассель[3] пытается преподносить старый либеральный хлам, но и то он делает гораздо бо́льшее ударение на вредоносности монополии со стороны рабочего класса («монополизм профсоюзов»), ибо-де хозяйство больше всего страдает от высоких заработных плат[4]. На почве монополии исследуется, однако, и проблема конкуренции. В общем этот вопрос решается таким образом:

Фон-Беккерат: происходит замена «свободной конкурентной борьбы индивидуумов» «борьбой и обменом у больших организованных групп».

---

[1] Ibid., S. 28.

[2] Prof. Ernst Schultze, Sombarts «Hochkapitalismus», «Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie». XXII. B., H. 3. S. 488.

[3] Cassel, Neuere monopolistische Tendenzen in Industrie und Handel.

[4] То же у Mannstaedt'a, Die monopolistischen Bestrebungen und ihre Bedeutung für das deutsche Wirtschaftsleben vor und nach dem Kriege. См. Arnold Wolfers, Ueberproduction fixe Kosten und Kartellierung, «Archiv für Sozialwiss. u. Sozialpol.» 60 B., H. 2.

Л е н и х: «организованная конкуренция (соревнование)».

Э к к е р т: распыленная конкуренция отдельных предприятий заменяется регулируемой конкуренцией организованных предприятий («улучшение капиталистического хозяйственного положения»).

А д о л ь ф В е б е р: картели — это организации, «которые превращают разрушительную и поэтому нецелесообразную конкуренцию в конкуренцию регулируемую [1].

В этом «решении» проблемы — ни с точки зрения капитализма, ни с точки зрения объективного хода развития — нет, однако, никакого действительного решения. Что монополия и конкуренция с о с у щ е с т в у ю т,— это верно. Что теперешнее положение вещей характеризуется с м е н о й индивидуальной конкуренции, конкуренцией гигантских о р г а н и з а ц и й, — это тоже верно. Но весь этот процесс, как нам приходилось доказывать еще в «Мировом хозяйстве и империализме», — есть не что иное, как расширенное воспроизводство к а п и т а л и с т и ч е с к и х п р о т и в о р е ч и й [2]. И мыслители буржуазии обнаруживают здесь величайшую трусость мысли, когда они не решаются продумать вопрос до конца и даже не осмеливаются поставить его во всей широте. В самом деле, что является п р е д е л о м отмечаемой теперь решительно в с е м и централизационной тенденции? Государственный капитализм в его завершенной форме. Что означает государственный капитализм с точки зрения к о н к у р е н ц и и? Он означает замирание конкуренции в н у т р и капиталистической страны и величайшее о б о с т р е н и е конкуренции м е ж д у капиталистическими странами. Но из монополистической формы этих «капитализмов» вытекают и методы борьбы, которые суть методы силового давления и, в конечном счете, методы в о й н ы. Именно т а к обстоит дело. И когда проф. А д о л ь ф В е б е р приходит к выводу, что «разрушительная конкуренция» сменяется «регулируемой», то это звучит кровавой и злой н а с м е ш к о й над объективной действительностью. Конкуренция между Петровым и Сидоровым—«разрушительна». А грядущая война, скажем, между Америкой и Англией,— н е «разрушительна». Базарная сутолока — это «разруха». А мировая война — это высшее проявление мирного «регулирования»! До такого вздора, до такой теоретической пошлости трудно додуматься.

Ш м а л е н б а х по-своему показал, что н о в а я т е х н и к а, предполагающая высшую ступень обобществления труда, не укладывается в рамки старых отношений «свободного капитализма», что рост производственных сил требует планового хозяйства. Ш м а л е н б а х не хотел, да и не мог, поставить другой проблемы, проблемы воспроизводства и рынка во всей ее широте. Ш м а л е н б а х, как и другие его коллеги, тщательно избегает касаться вопроса о к л а с с о в о й сути дела, о влиянии «основных издержек» на ход классовой борьбы. Но что вытекает даже из его у р е з а н н о й постановки вопроса? В «м и р о в о м масштабе» из нее вытекает н о в а я с т у п е н ь в развитии конкуренции, бешеное з а о с т-

---

[1] W o l f e r s, l. c.; A. B r a u n t h a l, Ende des Kapitalismus und bürgerliche Nationalökonomie, «Die Gesellschaft» № 5 (VI Jahrg.).

[2] Н. Б у х а р и н, Мировое хозяйство и империализм.

рение борьбы между отдельными национально-государственными «капитализмами», борьбы, которая имеет тоже свою «производственную науку» («Betriebswissenschaft»), а именно науку «военного дела». Эта наука развилась гигантски, и вовсе не «случайно», а так же закономерно, как и «производственная наука» почтенного профессора.

Таким образом вопрос о грядущих судьбах капитализма, который стоит в центре теоретических дискуссий, не может быть решен вне понимания диалектики мирового хозяйства, вне анализа его противоречий.

На это можно было бы возразить (и так возражают нам теоретики социал-демократии, поющие с буржуазного голоса), что нельзя проблему общественного переворота «подменять» или «заменять» проблемой войны. «Подменять», конечно, нельзя. Но с всемирно-исторической точки зрения войны и революции часто связаны друг с другом (Парижская Коммуна, революция 1905 и 1917 гг. в России, революции 1918 и следующих годов в Западной Европе). Особенно правильно данное положение для эпохи империализма. Это потому, что капитализм развивается неравномерно, что в его наиболее могущественных и наиболее основных центрах на базе эксплоатации колоний создается известная, относительная общность интересов между буржуазией и пролетариатом, которая означает величайший тормоз революции, огромную консервативную силу. Эту консервативную силу ломает в значительной мере именно война, наглядно показывающая действительную цену империализму. Но это — вопросы, выходящие за пределы данной статьи и достаточно разобранные в нашей марксистской литературе.

Не будучи в состоянии поставить вопрос о загнивании капитализма и о неизбежной катастрофе, теоретики буржуазии выдвигают проблему «ожирения» капитализма, его «умирания», или, если хотите, проблему «загнивания» вместо проблемы краха.

В. Зомбарт, как мы видим, несмотря на свою общую методологию, которая сводится к анализу движения «капиталистического духа», не прочь в основу положить такой мало «духовный» фактор, как «закон убывающего плодородия почвы» или «убывающей доходности». Ибо только так можно понять его положение о неизбежном замедлении темпа развития в основных добывающих отраслях производства, и, прежде всего, в сельском хозяйстве. Это в то самое время, когда некоторые американские экономисты говорят, например, следующее: «Закон уменьшающейся доходности, в свете исторического развития, должен был бы лучше называться законом возрастающей доходности»[1]. Основная и решающая ошибка сторонников «закона убывающего плодородия почвы» («закон» состоит в том, что всякое добавочное вложение «труда и капитала» в сельскохозяйственное производство сопровождается все меньшим возрастанием получаемого продукта) заключается, — как это было в свое время блестяще

---

[1] Rexford Guy Tugwell. Experimental economics. Trend of Economics, N.-Y., Alfred A. Knopf, MCMXXIV, p. 392: «the law of diminishing returns, in the light of historical development, might better have been called increasing returns».

показано Лениным в его полемике с Булгаковым,—в том, что они исходят из стационарной, неподвижной или слабо развивающейся техники. Но где основание для того, чтобы предрекать обязательное понижение темпа технического развития? Где основание для того, чтобы именно теперь провозгласить господство «естественного» «закона убывающей доходности»? Никаких оснований к этому нет. Зомбарт прав в том отношении, что экстенсивному хищническому сельскому хозяйству Америки приходит конец. Но Зомбарт не хочет видеть того обстоятельства, что теперь значительно усиливается (относительно, и в пределах возможного для капитализма) рост влияния промышленности на сельское хозяйство. И уже совсем он неправ, когда хочет из факта исчерпания свободных земель (т. е. по существу из закона убывающего плодородия почвы) вывести и всеобщее (т. е. и для промышленности) обязательное замедление темпа технического развития.

Социально-классовый смысл всех этих зомбартовских теорем лежит в том, чтобы проблему неизбежной катастрофы, нарастающей на основе капиталистического развития и его противоречий, заменить проблемой тихого умирания и эволюционного, мирного превращения «позднего капитализма в новые формы общественного хозяйства, которые будут означать — по Зомбарту — умерщвление живого «творческого духа» и т. д. (почему, по заявлению Зомбарта, и жить не стоит), но которые придут на смену капитализму без всяких ужасов, бунтов, революций и прочих «классовых эксцессов». В этом — главное. В этом — основное. В этом — суть.

И в то же время и у Зомбарта, и у Шмаленбаха, и у целого ряда, в особенности немецких, теоретиков есть рациональное зерно: они прекрасно понимают гнилое в «монопольном хозяйстве», они вытаскивают на свет божий такую сторону современного монополистического капитализма, какую систематически замалчивает социал-демократия, в трепетном восторге взирающая на рост трестированного капитализма, на рост государственно-капиталистических тенденций и именующая эту высшую (и в то же время загнивающую, и в то же время последнюю) форму господства капитала социализмом, которому недостает лишь «хозяйственной демократии», чтобы быть самым настоящим, самым «социалистическим» социализмом. Правда, «критицизм» Зомбартов в значительной мере объясняется их старой любовью к «свободному», «несвязанному» хозяйству фритредерской, либеральной эпохи. Ведь им они «восхищались», как предметом, достойным всяческого восхищения. Но что ж из того? Суть-то в том, что они правильно подмечают ряд существеннейших черточек монопольного эксплоататорского хозяйства, которые замалчиваются другими направлениями, другими теоретиками, и прежде всего теоретиками социал-демократии. Разумеется, без общего кризиса капитализма, без углубления его противоречий, без роста СССР, без частичной деморализации господствующих классов такое явление было бы невозможно. Этот теоретический скептицизм по отношению к неизбежно развивающимся формам «скованного капитализма» сам является продуктом капиталистического кризиса и известного кризиса буржуазного сознания.

III

Индивидуалистическая до мозга костей «австрийская» теоретическая экономия умерла. Она уже не воскреснет. Происходит новый глубокий поворот в теоретическом сознании буржуазии, поворот, который сам вырастает на почве изменения в структуре современного капитализма.

В очень интересной работе Германа Бенте, носящей характерное заглавие и не менее характерный подзаголовок: «Организованная бесхозяйственность. Экономическая форма очиновниченного хозяйства и его изменения в эпоху коллективно-хозяйственного капитализма»[1], мы читаем:

> «В качестве решающего обстоятельства необходимо отметить, что данное исследование будет производиться в духе органической теории или теории целокупности (ganzheitliche Theorie), т. е. такой теории, которая,— как это будет показано позднее, — одна по существу сродни эпохе «организованного капитализма»[2].

Марксизм заражает, «инфицирует» даже отъявленных идеалистов. Ибо здесь мы видим прямое признание связи по существу между экономической общественной формой и «высочайшими» формами сознания. Автор работы — в философском отношении яростный сторонник виталистической теории Дриша, с его ярко выраженным идеализмом. Но у Дриша он берет, прежде всего, учение о «целокупности». Для либеральной политической экономии исходным пунктом был хозяйствующий индивидуум, теоретическая копия предпринимателя эпохи свободной конкуренции. «Связанное хозяйство» современного капитализма должно было убить старые теоретические представления о предмете экономической науки. Более того, оно должно было убить философский индивидуализм, поставив в центре—в той или иной форме—учение о «целом», «целокупности», «единстве» (ср., например, также так называемую «Gestalttheorie»). Вот почему происходит методологический поворот и перемещение логического центра тяжести и в экономических исследованиях:

> «Точно так же, как хозяйство прогрессивно развивается, превращаясь в организованный, интенсивный капитализм, так и наука о хозяйстве развивается, превращаясь в «интенсивную» науку — и проблема организации уже является введением в нее»[3].

Бенте совершенно верно отмечает, что до сего времени было два главных потока теоретической мысли (речь идет об идеологах буржуазии), которые ставили перед собою проблему организации: это, с одной стороны, социологически-правовое направление (Пленге, Шпан, Брифс и др.) и организационно-техническое направление, главным образом представленное американцами.

---

[1] D-r Hermann Bente. Organisierte Unwirtschaftlichkeit. Die ökonomische Gestalt verbeamteter Wirtschaft und ihre Wandlung im Zeitalter des gesamtwirtschaftlichen Kapitalismus. Jena. Gustaw, Fischer. 1929.

[2] Назв. соч., с. 6. Разрядка наша. *Н. Б.*

[3] Bente, S. 135.

Не подлежит никакому сомнению, что рано или поздно должно наметиться (и уже намечается) сближение между этими направлениями исследовательского интереса. Учение о «частном хозяйстве», о «научном управлении предприятием» должно постепенно перерастать в общественную дисциплину, поскольку само это «предприятие» перерастает самого себя вместе с ростом трестов и государственно-капиталистических тенденций, вместе с ростом гигантских электрических станций, технически объединяющих разнородные «предприятия» в единый комплекс.

Это развитие реальных экономических отношений ставит и перед идеологами буржуазии ряд новых задач, разрешаемых под новым углом зрения.

1. В известной мере исчезает проблематика рынка, хотя погоня за рынками и стоит, как жгучий практический вопрос. Картельная монополистическая цена становится господствующей формой цены. Прежний «свободный рынок» был в своем роде единственным инструментом общественно-стихийного счета, он давал свои указания для частно-капиталистической калькуляции; он вызывал гигантское расточение сил и средств, распределявшееся на огромное количество агентов товарного производства. Но он по-своему стихийно «считал», отбирая предприятия через конкурентную борьбу. Этот «свободный» рынок в значительной степени «скован» монополистическими организациями капитала. Но если это так, то где же лежит теперь база калькуляции, хозяйственного расчета? Где хозяйственный регулятор?

Проблема калькуляции в ее «почти общественном» масштабе встает, таким образом, во весь рост.

2. Вырастает огромный аппарат. Концерны и тресты, со всеми их филиалами, «дочерними обществами», зависимыми комплексами, представляют собой сложнейшую людскую машину. Но эта машина сама еще владеет людьми. «Аппарат» в значительной степени господствует над людьми, правда, по-другому, чем «стихийная сила рынка», но все же господствует. Организационная проблема, проблема наилучшей, при данных условиях, «оптимальной» организации, и притом в масштабах, выходящих далеко за пределы частного хозяйства,— все больше и больше становится на первый план.

3. Эта проблема включает в себя, прежде всего, вопрос о хозяйственной рациональности того или другого типа организации. Вопрос о централизации и децентрализации, о мере централизации, о промежуточных инстанциях, о способах связи с рынком, о соотношении разных частей аппарата; вопрос о «накладных расходах» самой организации в связи со всем вышесказанным; вопрос о влиянии организационных форм на быстроту реального экономического оборота и т. д., и т. п.,— все это составляет уже предмет тщательного научного анализа.

4. В связи с этим стоит проблема подбора людей. Сюда относится не только «психотехника», подбор рабочих и т. д. Сюда относится и проблема кадров, и проблема руководства, и проблема управления. Разумеется, буржуазная наука не может ставить этих вопросов так, как ставим их мы, прежде всего потому, что она принципиально иначе относится к массе. «Масса» и про

«научном капитализме» (Бенте) остается объектом беспощадной, все усиливающейся эксплоатации, она не может превратиться в рамках капитализма ни при каких условиях в субъекта хозяйственной жизни. Но с тем бо̀льшей остротой ставится перед буржуазией проблема хозяйственного руководства. Шмаленбах считает важнейшим злом монополистического капитализма именно гниение кадрового руководящего состава, который получает высокие доходы и монополистически жиреет тогда, когда молот конкуренции дробит головы неприспособленным. Проблема «смены хозяйственных вождей» составляет предмет величайших забот со стороны теоретиков буржуазии.

5. Тесно примыкая к этим проблемам и отчасти включая их, отчасти входя в их состав, стоит проблема бюрократии и бюрократизма. В экономической литературе буржуазии этой проблеме уже посвящено чрезвычайно большое количество работ, хотя еще мало работ обобщающего характера. Образование огромных кадров «индустриальной бюрократии» в связи с вопросом о типе организации занимает одно из центральных мест в той очень своеобразной экономической литературе, которая во все бо̀льших размерах появляется на заграничном книжном рынке.

Так изменяется весь «логический стиль» теоретической экономии буржуазии. «Способ производства», оставаясь в основном и решающем пункте, где речь идет о классовом соотношении между пролетариатом и буржуазией, принципиально тем же самым капиталистическим способом производства, тем не менее внутренне перестраивается: поскольку речь идет не о мировом хозяйстве, а о «национальных» капиталистических организмах, все ярче и отчетливее пробивается тенденция к рационализации хозяйственного процесса. И параллельно этому начинает меняться не только объект экономической науки, но и «способ представления», методология науки, ее «логический стиль». Проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации. Более или менее пассивно-окрашенная «чистая теория» рынка, цены, ценности сменяется ярко-практически ориентирующейся «наукой об организации» («Organisationslehre»).

Но здесь перед капитализмом встают задачи, практически и теоретически неразрешимые. Внутренние демонические силы развития бешено толкают его в сторону всей большей концентрации и централизации. Но тем более злобно свирепствует чудовищная стихия междугосударственной борьбы, которой никто не может овладеть. Однако и внутри любой капиталистической страны, даже там, где, как, например, в Германии, монополистический организационный процесс зашел очень далеко, он не может не развивать своих особых внутренних противоречий. Он создает «полупланомерный», но в то же время бюрократический тип хозяйственного строя, подтачиваемый червем монополистического загнивания. Он не может освободиться от этого паразита, ибо он—ни теоретически, ни практически—не может поставить вопроса об ином положении масс в системе общественного производства. А именно в этом лежит, в конечном счете, решение вопроса о бюрократическом загнивании. Мы уже не говорим о том, что теоретики буржуазной экономии боятся, по сути дела, даже прикоснуться к самой острой и самой актуальной проблеме, имеющей решающее значение для всей судьбы

капитализма, к проблеме класовых соотношений, классовых противоречий, классовой борьбы. Между тем, для «скованного капитализма» эта проблема вовсе не снимается. Наоборот, классовая структура общества обнажается до конца, пролетариат противопоставляется всей организованной буржуазии во главе с ее государственной властью. Классовые противоречия и оголяются, и неизбежно обостряются, становясь угрожающими для всей системы капитализма.

Таким образом, ни «внешняя», ни «внутренняя» проблема «современного капитализма» не могут быть решены без решения той «проблемы проблем», которая тщательно обходится учеными знахарями империализма, т. е. без решения проблемы классового господства пролетариата [1]. Но это есть проблема революции, которая выводит общество за пределы не только «свободного капитализма» доброго старого XIX века, но и за пределы послевоенного «закованного капитализма», с его электрическими центральными станциями, конвейерами, трестами, «научным управлением», государственным вмешательством, коленопреклоненной социал-демократией и прочими атрибутами.

Господа буржуа с удивлением начинают замечать, что многое—очень многое!—из марксовых предсказаний оправдывается с поразительной точностью. Живым воплощением этого является подымающаяся и растущая Страна Советов. И они начинают с любопытством снова заглядывать в суровые страницы «Капитала». Мы наблюдаем сейчас среди буржуазных ученых повышенный интерес к Марксу. Будьте уверены, синьоры и джентльмены, вам придется увидеть исполнение и самых грозных для вас его предсказаний!.

---

[1] Об организационных проблемах пролетарской диктатуры, а равно о проблемах организации в связи с бюрократизмом при капитализме речь будет итти в следующих статьях.

Н. БУХАРИН

ТЕОРИЯ „ОРГАНИЗОВАННОЙ БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТИ"[1]

Новейшие формы капитализма, глубокие внутренние, структурные изменения, наблюдаемые здесь, и в первую очередь резко возросшая тенденция к *государственному капитализму* не могли не ставить перед теоретиками буржуазии ряда новых проблем. *Второй раз* за последнее десятилетие становится предметом анализа так называемое «связанное хозяйство». Первый раз это было во время войны. Резкое усиление роли государственного вмешательства, дошедшее до наиболее последовательных, и в этом смысле «чистых», форм в блокированной Германии, хозяйство которой превратилось в изолированное *плановое военно-капиталистическое* хозяйство, дало основу для большого количества теоретических работ, посвященных анализу такого рода хозяйства. В настоящее время *государственный капитализм* растет на *новом* базисе. Условно, со всеми оговорками об относительности аналогии, можно сказать, что теперешний государственный капитализм в «передовых» капиталистических странах относится к государственному капитализму эпохи 1914—1918 гг., как теперешний строй растущего социалистического хозяйства в СССР, планового в решающих пунктах, к хозяйству так называемого военного коммунизма. Разумеется, есть *известная* преемственность внутри этих двух параллельных рядов. Но все же важно подчеркнуть принципиальную разницу между *военными* системами хозяйства (военно-государственный капитализм—в странах буржуазной диктатуры и военный коммунизм—при диктатуре пролетариата) и «мирными» хозяйственными системами (государственный капитализм и строящийся на рельсах «новой экономической политики» социализм). Военные системы ориентированы на *потребление*. Но они ориентированы на потребление вовсе не в том смысле, в каком «нормальное» социалистическое хозяйство ориентируется на удовлетворение массовых потребностей в противоположность капиталистической «погоне за прибылью» или капиталистическому принципу «производства для производства». Во-первых, военные системы ориентируются на специфический, особый вид потребления; это в первую голову непроизводительное военное потребление, «обеспечение нужд войны». Во-

[1] «Правда», 30 июня 1929 г.

вторых, здесь речь идет о потреблении на сравнительно *короткие сроки*, а вовсе не о все возрастающем—и притом непрерывно возрастающем—потреблении масс. Поэтому, в-третьих, здесь речь идет, в значительной мере, о рациональном потреблении «данного запаса благ». В-четвертых, здесь, именно потому, что речь идет о «рациональном пожирании» благ в короткие сроки, потребление происходит *за счет* производства, в *ущерб* производству, и потому в ущерб потреблению с точки зрения его *длительного развития*. Поэтому при системе военно-государственного капитализма подавлялись стимулы капиталистического производства, а при системе военного коммунизма подавлялись и стимулы простого товаропроизводителя и в известной мере производственные стимулы социалистического сектора, которые не могли быть достаточно «заведены» *вне* определенной связи с мелким товаропроизводителем—крестьянином. Капиталистическое хозяйство есть «производство для производства», это, в известной мере, производство *за счет потребления*. *Военно-капиталистическое* хозяйство есть потребление *за счет производства* (а внутри потребительского круга—военное потребление за счет потребления масс). Социалистическое хозяйство есть производство *для* потребления, а развитие потребностей масс есть могучий толчок для развития производства. *Капиталистическое* хозяйство, именно потому, что оно воплощает принцип «производства для производства», в конечном счете, *тормозит* развитие производства (ср., например, низкую зарплату и, следовательно, низкий уровень потребления масс как тормоз технического прогресса: известно, что при низкой зарплате некоторые новые машины, технически совершенные, не «рентабельны»). *Социалистическое хозяйство* именно потому, что оно должно ориентироваться на удовлетворение растущих потребностей масс, является по темпам развития наиболее совершенным. Военные системы хозяйства при капитализме и социализме имеют, конечно, диаметрально противоположные и смертельно враждебные классовые установки, и поэтому совершенно различное историческое значение. Но они имеют то сходство, что на первом плане здесь стоит военное *потребление* и его рационализация хотя бы за счет производства. Отсюда вытекает, что «второй тур» государственно-капиталистической волны отличается от первого «военного тура». Отсюда вытекает также, что и теоретические проблемы, которые выдвигаются теперь, отличны от теоретических проблем военно-хозяйственного периода. *В капиталистических странах речь идет теперь вовсе не о теории планового хозяйства осажденной капиталистической крепости* («военно-государственный капитализм»), а об анализе тенденций к *государственному капитализму, растущему как «нормальная» капиталистическая система*.

Мы уже отмечали в статье о некоторых теоретических проблемах современного капитализма, что теперешние идеологи буржуазии всемерно избегают анализа *мировых* противоречий капиталистической системы, проблемы международных конфликтов, империалистских войн и т. д. Это—явление чрезвычайно любопытное и имеющее глубокие корни в объективном развитии современ-

ного капиталистического хозяйства. Его анархическая природа переползает на основные линии международно-хозяйственных отношений. Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации. Самые больные, самые кровоточащие раны капитализма, самые кричащие его противоречия развязываются именно здесь, на мировом «поле брани». Даже проблема всех проблем, так называемый «социальный вопрос», проблема соотношения классов и классовой борьбы, является проблемой, в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны на мировом рынке. Но теоретическая мысль буржуазии не перестает быть апологетичной. Это значит, что, как определял Маркс в «Теориях прибавочной ценности», буржуазная мысль видит единство капиталистического хозяйства, но не хочет видеть его противоречий. «Лови момент», «carpe diem», «хоть день, да мой». Поэтому основной анализ идет не по линии холодного и бесстрашного вскрытия этих противоречий, а по линии их всемерного замазывания[1].

Таким образом, теоретическая ориентация наиболее «оптимистических» идеологов капитализма направляется в настоящее время на исследование его новых форм, без продумывания специфических, этим формам свойственных, методов международной борьбы или, что по существу то же, без анализа зияющих и растущих противоречий мировой системы империализма, внутри которой разыгрывается все бешенство капиталистической анархии. На этой «теоретической» платформе сходятся и так называемые «нейтральные», «беспартийные», «объективные» жрецы буржуазной науки, и фашисты с их «корпоративным государством», якобы стоящим над классами, объединяющим эти классы, на потребу великого национального «целого», и социал-де-

[1] Известна довольно широкому кругу читателей, как наиболее «бесстрашная», книжка американского инженера Чэз: «Трагедия расточительства». В этой книжке Чэз приходит к такому выводу: «Половина, и даже больше половины, нашей рабочей силы расходуется бесполезно: больше половины ежегодной добычи естественных богатств опрометчиво разбрасывается и гибнет. Миллиарды рабов механической энергии вертят ненужные колеса, тащат ненужные тяжести». Чэз робко ставит и проблему войн. Но как он мыслит, насколько он далек от исторической истины, видно из его «выводов»: все—в поведении миллионов, а предсказывать это поведение могут только маги и астрологи: положительное решение задачи пока состоит вовсе не в уничтожении капитализма, а в кооперативном движении, в демократическом рабочем движении, в «деятельности некоторых правительств и местных самоуправлений, успешно проводящих охрану лесов, рек, фауны, земных недр», в сверхсиловых установках провинции Онтарио. «Отметим также, — продолжает м-р Чэз, — назревающий раскол между дельцами-акционерами типа м-ра Гэри и дельцами-инженерами типа м-ра Форда. Для м-ра Гэри промышленность — это прежде всего выгодное помещение капитала, тогда как м-р Форд рассматривает ее как орудие для обслуживания масс, не упуская все же (!! *Н. Б.*) из виду собственной прибыли. Работа м-ра Гувера и его коллег, труды американского комитета технических стандартов, работа заводского инженера вообще — все это закладывает основы для широкого координированного контроля со сведением потерь в технических процессах, во всяком случае, к минимуму» (Стюарт Чэз, Трагедия расточительства, Гостехиздат, М. 1926 г., с. 139, 140, 141). Вот и все.

мократия с ее проповедью «защиты государства», «промышленным миром», «хозяйственной демократией», «функциональной демократией» и т. д.: на этой платформе стоят и «передовые дельцы капиталистического мира», с их направо и налево расточаемыми заверениями о «службе» на благо народа («Dienst», «service»), с их усиленной проповедью «общности интересов» между трудом и капиталом, с их компанейскими союзами, с их хитрой механикой оплаты труда и т. д., и т. п. («мондизм», «фордизм»). Общая концепция здесь такова: наступает эра нового организованного капитализма (социал-демократия добавляет, закрыв глазки на вооружения: «и мирного»): капиталист превращается в чиновника с высоким хозяйственным стажем; рабочий также заинтересован в «общем» производстве, как и его «хозяйственный руководитель», капиталист; все вносят свою лепту в «общенародное дело», которое при случае нужно «защищать» всеми средствами. Теория «Burgfrieden'a» («гражданского мира») подымается на наивысшую ступень.

* * *

Из огромной литературы, относящейся к рассматриваемому предмету, мы считаем необходимым остановиться подробно на упоминавшейся уже нами книге Германа Бенте: «Организованная бесхозяйственность. Экономические формы очиновниченного хозяйства и его изменения в эпоху коллективно-хозяйственного капитализма» [1]. Эта работа представляет собою попытку построения абстрактной теории организации, с особым ударением на выяснение природы непроизводительных трат, вытекающих из структуры «очиновниченного хозяйства». Такого рода обобщающей абстрактно-теоретической работы до сих пор не было: поэтому ознакомление с нею представляет, нам кажется, значительные интерес.

Автор в предисловии к своей работе прямо говорит о переходе к организованному капитализму, как характернейшей черте современности. Эта структура сопровождается таким видом «бесхозяйственности», который как будто бы с необходимостью вытекает из самого принципа организации. Все экономические теории до сих пор были теориями «хозяйственности». Однако нетрудно показать, что «организационная рациональность и хозяйственная рациональность могут не совпадать, как не совпадают иногда рациональность «хозяйственная» и «техническая».

«Сущность» организационной «бесхозяйственности» состоит в том, что организационные звенья, которые должны быть средствами для достижения хозяйственной цели, перерастают в самоцель».

Формы этого перерастания различны. Сюда относятся: эгализация (уравнительность), стрижка под одну чиновничью гребенку различных задач

---

[1] D-r Hermann Bente. Organisierte Unwirtschaftlichkeit. Die ökonomische Gestalt verbeamteter Wirtschaft und ihre Wandlung im Zeitalter des gesamtwirtschaftlichen Kapitalismus. Jena. Gustaw, Fischer. 1929.

и людей; им приписывается одинаковая «ценность», они одинаково трактуются. Предписание, приказ, отчет, доклад, бумажные акты становятся в центре всей работы, превращаются в самоцель. В общественных предприятиях циркуляр, формалистика и т. д. играют огромную роль; в картелях предприятия разной жизнеспособности тоже рассматриваются как равноценные; горы отчетов и докладов подавляют; «таким же бессмысленным образом часто злоупотребляют статистикой». Число промежуточных инстанций («путь инстанций», «Instanzenweg») чрезвычайно велико; иногда дело проходит через них дважды, контрольные издержки пожирают нередко все: пока дело «проходит» через эти пути, сама задача может уже отойти в область истории (Форд). Создается окостенелое (starr) разделение труда (чиновник сидит у окна и ничего не делает, а у другого окна, с другой «специальностью»—«хвосты»); в картелях—окостенелые «квоты» (доли участия в производстве). Эгализация людей (при назначении и в процессе работы; неучет различных типов работы), милитарно-чиновничья трактовка людей; связывание творческого труда, затруднения в смене (подборе) хозяйственных вождей. С другой стороны, нет достаточно дифференцированных систем вознаграждения: «Своеобразный способ употребляется обычно картелями... те заводы (Werke), которые переступают границы своей производственной квоты, должны платить штраф, идущий в первую очередь в пользу членов картеля, которые недовыполняют своей квоты» (32). К формам превращения организационного средства в самоцель относятся, далее, некоторые организационные методы. Поскольку у хозяйственной организации отсутствует ориентировка на ценность (у Бенте под ценностью разумеется понятие более широкое, чем обычно, это есть «цель целей», в противоположность средству, которое является, так сказать, «промежуточной целью. *(.Б Н.,*постольку все... рабочие задания и факторы различаются исключительно по внеэкономическим признакам или по таким признакам, которые вытекают из первой целевой ориентировки (т. е. когда первая, непосредственная цель-средство» становится «целью целей». *Н. Б.)* (с. 33); к числу внехозяйственных критериев в системе организованной бесхозяйственности относится выпячивание на первый план физической величины как классификационного принципа: вместо экономической оценки выступает «группирование вещей по их пространственной или временной величине». Примеры тому: недооценка научной и переоценка механической работы, ибо за последней стоит «количество», «число», «масса» («Menge»); непонимание качественного характера творческих функций: на первом плане—«люди экзамена». «бюрократия от науки» («Wissenschaftsbureaukratie»), а вовсе не головы, ставящие новые проблемы, видящие новые связи и побуждающие молодежь идти новыми, необычными путями: нередко «стремятся доказать свою важность и значение тем, что... с чувством величайшей болезненности охраняют свою компетенцию, увеличивают по возможности свое бюро так, чтобы большее число подчиненных делало необходимым повышение ранга. Тактика должна вести к отличию (по службе) там, где это не в состоянии сделать работа»[1]. Бюрократическая политика по отношению к лицам

[1] Otto Heinrich von d. Gablentz, Industriebüreaukratie, «Schmollers Jahrbücher», 50. Jahrg., 1926, S. 522 ff., цит. у Бенте, стр. 34.

покоится на тех же основах: курьезный пример — Вильгельм I любил «длинных» солдат; теперь нередко критерием при подборе лиц служит возраст; дипломы (Scheine) стали самоцелью, превратились в формальные признаки личности. При выборе места для административных бюро исходят вовсе не из удобства публики и не из внутренней целесообразности предприятия: решающее слово говорит... в особенности ранг («положение», «чин». *Н. Б.)* лица, подлежащего устройству, его отношение к начальству. «Отдельная комната становится не средством для спокойной работы чрезвычайно занятого человека, а знаком отличия для того, кого нужно двигать» (Gablentz); поэтому обычно бюро помещается в нижнем этаже, а многоголовая публика бегает вверх и вниз, теряя огромное количество времени (оборот тем самым замедляется).

К случаям перерастания средства в самоцель относится, наконец, преимущественное положение «формы» и «дела» (в чиновничьем смысле слова). «Повсюду, где формальный момент (das Formale) становится над материальным. буква над духом, приказ над свободным решением, доклад над жизненным опытом, порядок над моментом действия, закон над жизнью, — наступает извращенное (lebenswirdig) соотношение» (38). Fiat justitia, pereat mundus (пусть торжествует справедливая законность, хотя бы от этого погиб мир). Бюрократ видит сущность всей своей работы в том, чтобы «втискивать все вещи и отношения общественной, а по возможности и личной, жизни в определенные формулы, предписания и параграфы... Всякое понимание ценности времени у него отсутствует» (148); окостенелый, мертвый «порядок» становится важнейшим мерилом; необходимое разделение труда заменяется чиновничьим отказом сделать хотя бы движение «не свое»; политика, касающаяся лиц, имеет своей целью не столько «на надлежащее место ставить дельного человека», сколько поощрять людей, которые не привносят в предприятие беспокойства»; «дисциплина становится самоцелью» (39); люди, ищущие реформ, не получают никуда доступа. Такого рода положение, — а оно типично для «позднего капитализма», — грозит умиранием. Для чиновника в области его работы характерно, что они удалены от хозяйственной борьбы: «чиновник — благодаря своему постоянному месту, его деятельность—благодаря ее монопольному характеру» (40). Мертвые «дела» — «предписание», «приказ» — душат живое дело. Наблюдается гипертрофия идей «профессии» (Ueberspannung des Berufsgedankens) и т. д. Еще М о о л ь (Mohl) писал, что слишком часто анализ жизни и руководство жизнью заменяются исключительно расточительной тратой чернил... бумажный контроль, волокита (Verschleppung), торможение (Hemmung) действительной работы, успешное убиение всякой гениальной мысли». К о б л е р отмечает, что бюрократ думает, будто можно учиться только по «бумагам»: «он не питает никакого уважения к чужому опыту, он преисполнен почтения только перед авторитетами и напечатанными тезисами». Таковы формы «организованной бесхозяйственности».

П р е д п о с ы л к и этой «бесхозяйственности» имеются трех родов: естественно-технические, организационные и психические. «Всеобщая причина бесхозяйственности заключается в удаленности от жизни (Lebensferne) элементов, ее (бесхозяйственность. *Н. Б.*) обусловливающих: она растет с увеличивающейся удаленностью от жизни и исчезает с увеличивающейся близостью

к жизни» (44). В хозяйстве необходимо различать две области, на которые направлена деятельность людей: царство неорганического — явления, относящиеся к вещам, и царство органического — жизненные явления: каждая категория явлений подчиняется особым законам. В области механической работы (работа поршня, техника вообще) смысл рационализации заключается в том, чтобы различие, неравномерность, многообразие методов исключать и заменять это многообразие и т. д. возможно более совершенным единообразием (Gleichförmigkeit). В области явлений жизни законом является рост многообразия (подушный налог и современные дифференцированные формы обложения, 10 заповедей и современные кодексы законов, «бюджет» дикаря и бюджет современного рабочего). Царство организованной бесхозяйственности относится к области, где речь идет об «организации» жизненных явлений. Естественно-техническая удаленность от жизни наступает, когда 1) объект отдален от «жизни» во времени или в пространстве, 2) когда по существу таков «род службы». Первое бывает обычно, когда руководящие хозяйственные инстанции удалены от рынка; последний давит через ряд инстанций на центр, а центр распоряжается обратно через промежуточные звенья. Давление жизни (здесь: рынка) «теряет свою первоначальную силу и не поправляет в необходимом месте», оно поражает не наиболее слабые, организационно или технически, звенья, а те, где имеются тактически менее ловкие или наиболее обделенные руководители предприятия или отделения (50). Еще более, чем этот вид «удаленности от жизни», важен случай монополий или общественного управления предприятиями. Монополии могут «работать» весьма «хозяйственно», но при исключительном господстве над рынком у них нет понудительного средства, толкающего к экономии; поэтому они легко поддаются окостенению и весьма склонны развивать бюрократизм. Такое же действие имеет политика, связывающая конкуренцию. Область наивысшего процветания организованной бесхозяйственности — это общественно-управляемые предприятия, культурные учреждения и т. д., где обычно эффективность не измеряется в цене. Здесь отсутствует почти всякий хозяйственный критерий. Наконец, следует упомянуть еще о промежуточных инстанциях внутри предприятия, которые вдвойне удалены от жизни: и во вне и внутри предприятия. Все эти виды удаленности от жизни вырастают вместе с ростом концентрации предприятий, связанности хозяйственной деятельности, ростом монополий и т. д., и т. п.

Организационные предпосылки бесхозяйственности состоят в бюрократически-централистическом регулировании, т. е. таком, где руководство предприятием действует из одного пункта через чрезвычайно ограниченные («связанные», starrgebundene) соподчиненные инстанции путем стоящих в противоречии с жизнью предписаний» (53). Очиновничение хозяйства — это судьба капитализма. Однако бюрократию нельзя смешивать с бюрократизмом: может быть небюрократическая бюрократия. Макс Вебер определяет бюрократическое управление как бюрократическо-монократическое, по бумагам проводимое, отличающееся точностью, постоянством, дисциплиной, четкостью, надежностью, интенсивностью и экстенсивностью работы, универ-

сальной приложимостью к разного рода задачам, техническим совершенствам, формально-наивысшей рациональностью; однако тот же Вебер предсказывает новое крепостное право, хозяйственную летаргию и пр., как следствие неизбежного развития бюрократических методов управления хозяйством. Вебер смешивает организацию, управляемую специальными людьми (чиновниками), бюрократическую организацию — с бюрократистической организацией, где царствует «организованная бесхозяйственность». Бюрократистическая организация вовсе не всегда «технически совершенна», а если речь идет о техническом совершенстве, то как можно говорить о гибели, упадке и т. д.?

Итак, централистически-бюрократистическая организация обязательно отличается удаленностью от жизни: она работает «предписанием» — с одной стороны, «докладами» — с другой, причем «предписания» составляются обычно на основе «докладов». Источником информации служит не живой опыт руководства, а акты, отчеты, доклады. На основе этого возникает предписание, оторванное от живых индивидуальных «случаев»; если даже оно соответствовало жизни, то оно застывает в формулу, в формулу, противоречащую текучей жизни; оно становится из средства самоцелью и господином над людьми.

Основанием бюрократистической централизации является огромная величина хозяйственных тел, что делает невозможным непосредственно личное наблюдение, и сложность предприятий. Однако, чем длиннее путь инстанций, тем труднее приводить в движение всю машину. Поэтому с «известного пункта лучше поступиться выгодами абсолютно самостоятельного руководства и искусственные звенья заменить живыми, т. е. «предписания» — людьми» (55). Жизнь разнообразна. Нужно на нее реагировать разнообразно. Здесь действует «закон однократности», причем он касается и объекта и субъекта; это значит, что на разнообразие жизни нельзя отвечать шаблонным «предписанием», а, с другой стороны, «новый человек требует новых форм; если он их не творит, если он боязливо цепляется за «испытанные» методы своего предшественника, он никогда не сделается вождем, он опустится до роли простого управляющего...» (58). «Чем больше предписаний, тем больше бесхозяйственность». По Геббелю миллионы трудчасов теряются каждый год благодаря неподходящим законам и бюрократическому стилю. Из всего этого вытекает, что централизация имеет свои пределы и что необходимо давать известную самостоятельность подчиненным инстанциям: в определенных рамках они должны быть самостоятельны и ответственны. Предписания из центра должны ограничиваться постановкой задачи исключительно в ее «идее»: конкретная расшифровка есть дело низших инстанций, которые действуют в зависимости от конкретных условий жизни.

Психические предпосылки «организованной бесхозяйственности»: 1) недостаточное развитие хозяйственного образа мыслей (Gesinnung): идеология пацифизма в области хозяйства, политики, религии и т. д. — симптом усталости, отсутствия воли к жизни; теперь мыслят «антихозяйственно», «социально-политически» (с. 61, 62); по Альфреду Веберу, «героем дня» является «герой в туфлях», «филистер профессии»; 2) фетишизм формы (недаром в хозаппаратах Германии сидит

масса бывших военных, с их фельдфебельским тоном и лозунгом: «руки по швам»; «фанатизм порядка», боязнь самодеятельно действовать и думать, боязнь ответственности (161). «Чиновник... хочет... прежде всего быть покрытым, иначе ему грозит опасность потерять место или подвегнуться другим неприятностям» (Зальц).

Последствия «организованной бесхозяйственности»: 1) расточительные траты материального характера (sächliche Vergeudung). Техническим идеалом является в области организации — максимум порядка; экономическим — максимум эффективности (Leistungsmaximum); они не обязательно совпадают. В царстве цены та и другая величины координированы и могут быть сравниваемы. Идеалом становится организация, которая при том же самом полезном эффекте является наиболее дешевой. При «организованной бесхозяйственности» потери происходят от ряда причин: эгализирование разных видов деятельности, разбухание рабочего аппарата; излишняя трата материалов (формуляры, акты), наполнение предприятия лишними людьми всовозможных категорий, их неправильная расстановка; расширение звеньев аппарата, удлинение пути по инстанциям, медленный и громоздкий процесс работы, трата времени; недостаточная оценка времени и т. д. Отсюда добавочные непроизводительные издержки. Особый и специфический характер этих издержек заключается в том, что они представляют собою чистую расточительность, которая никому не идет на пользу (в противоположность, например, добавочной прибыли капиталиста); 2) извращение отношений в работе. Так как средство становится самоцелью, то получается цепь извращенных соотношений: «не оптимальный эффект определяет собой форму организации, но организация определяет своей формой, в какой мере она удовлетворяет экономическим потребностям» (75); например, возраст при назначении лиц, а не способности как решающая величина; не потребности посетителей библиотеки или почты при устройстве этих учреждений, а какие-либо другие «целесообразности»; словом, народ для чиновника, а не чиновник для народа; лишние виды занятий, создаваемые ради лиц; параллелизм в работе; разнородные и не связанные отрасли работы в одной и той же инстанции. Все это означает извращение разделения труда, излишние накладные расходы, неясность в разграничении функций, отсутствие чувства ответственности, невозможность обозреть все поле труда; с одной стороны — лишний труд, с другой — недостаточное использование труда. Персонально общественное смещение рангов: тон в обращении с людьми (ср., например, тон в частном магазине по отношению к покупателю и тон чиновника), то же по отношению к подчиненным (ср., например, «вызовы» вместо простого телефонного звонка); чиновничье высокомерие, «кастовый дух» (79): 3) путь к хозяйственной летаргии. Бюрократизм есть хозяйственный артериосклероз, застопоривание кругооборота жизни; обычно он появляется в старости и является признаком угасания. Организованная бесхозяйственность есть предвестник отмирания индивидуалистического капитализма, а не капитализма вообще. С бюрократизмом отмирают хозяйственные вожди, с ними —

творческий человек, с творцом—и его творение. Типичны для теперешнего времени рутинеры, непосредственности, специалисты, чистые бюрократы, дельцы (Штейнгаузен). Все это—явления дегенерации (он же).

Метаморфозы общества. На смену индивидуалистическому капитализму идет коллективно-хозяйственный или организованный капитализм. причем крайне повышается элемент всеобщей рационализации хозяйственного процесса (die Vernünftigung). Пути этого процесса: 1) обезличение предметов потребления (вместо обуви вообще производится обувь: обычная обувь футбольная, обувь для гулянья и т. д., чем дана возможность и индивидуального выбора, и стандартизованного массового производства); 2) замена органических моментов неорганическими (замена человека машиной, принудительный ход трудового процесса. вытеснение животного и растения из хозяйственного процесса — ср. кучер и шоффер); 3) обезличение предприятия (акционерная форма. большая свобода перемещения капиталов через куплю-продажу акций, повышение возможности организации всего хозяйства; отделение предприятия от лица допускает возможность известной рациональной децентрализации); 4) рационализация (Verstandung) руководства: на место интуитивного действия выступает продуманное, рациональное, покоящееся на точном расчете; это все не значит, что исчезает основа для творческой предпринимательской деятельности: она остается для высших, так называемых «последних», решений; остальное—дело «науки об управлении предприятием». Оценка заменяется измерением (размещение факторов производства, психотехника, научный прогноз конъюнктуры). Таким образом тенденция развития заключается в том, что область действия, направленного на «органическое», «жизнь» (Bereichlebengemässen Handels), абсолютно уменьшается и тем самым сокращается основа для «организованной бесхозяйственности» (98). Но если область подобного рода «решений» сокращается количественно, то она вместе с ростом монополий и т. д. увеличивается качественно. От «последних решений» зависит большой хозяйственный комплекс. Поэтому хозяйственные руководители приобретают общеэкономическое значение, поэтому же значение всякой ошибки колоссально возрастает, и проблема руководства становится центральной проблемой.

Органическое построение управления и руководства должно решить эту проблему. Эгалитарно-демократическое управление—антихозяйственно, оно неизбежно ведет к централистически-бюрократистическому типу руководства; коллегиальность ведет к громоздкости, замедлению всего оборота, она затрудняется принятием быстрых и точных решений. Наиболее целесообразная формулирующая деятельность должна основываться на положении: «Согласно единой идее в бесконечном разнообразии формы к целостности». Такова суть органического построения. «На место централистической, работающей путем предписания, организации» необходимо построить такую, где бы «живой человек взял на себя задачу предписания». «Решение приносит иерархически построенная система управления (rangordnungsmässige Aufbau der Entscheidungsgewalt), т. е. такое построение, где каждой воле обеспечивается в ее области свобода, но решающие воли так ступен-

чато наслаиваются одна на другую, что они, наподобие пирамиды, координированы в одной высшей воле» (105). Здесь, следовательно, имеется налицо самоуправление частей целого: каждый автономный центр свободен в выборе **формы** действия, но связан в **идее** поставленной задачи. «Связанность в идее мешает анархическому вырождению, свобода в форме—бюрократическому перерождению» (105). Этот тип организации (обычно трактуемый как децентрализация, хотя это неверно), по **Петерсу**, является превосходным средством против бюрократизма, приближает граждан к аппарату, уменьшает перегруженность центра мелочной работой, уничтожает замедление и торможение оборота, развязывает инициативу, повышает чувство ответственности.

Хозяйственная идеология коллективно-хозяйственного капитализма точно так же представляет большое своеобразие по сравнение и со «свободным» капитализмом и с периодом его отмирания, т. е. периодом максимальной «организованной бесхозяйственности». «На место индивидуалистического принципа становится общественно-хозяйственный принцип» (114). Речь идет не о количественном, а о **качественном** изменении. Непосредственная цель—общественное благо. Принцип Форда: «низкие цены—высокая зарплата—наивысшая прибыль». «Так как пробивает себе дорогу взгляд, что прибыль повышает вместе с совершенством служения обществу, а не просто проистекает из бездушного и независимого механизма спроса и предложения, то только считающий купец и только борющийся за зарплату рабочий превращаются в творческих производителей» (115). **Мориц Бонн** говорит о превращении американской цивилизации в «альтруистически-социальную» (172). Это превращение погони за прибылью в общественное служение «целому» («Dienst», «service») имеет ряд огромных последствий. Вновь «вещи» из цели превращаются в «средство», отмирает гипертрофированная идея профессии, на место формальной хозяйственной этики становится «содержательная» этика, решающе изменяется соотношение классов.

> «Возможно, что отсюда произойдет изменение и в направлении **классовой борьбы**. Борьба против «капиталистов», как владельцев капитала становится бессмысленной в той мере, в какой капитал становится составной частью обезличенного совокупного аппарата, а доход капиталиста в огромнейшей своей части вновь инвестируется. Ибо тогда народнохозяйственное значение заключается в том, **как** производительно применять (капитал); благодаря этому частное владение и общественное владение становится на одинаковую ступень. Под флагом обоих титулов владения возможно как хозяйственное, так и бесхозяйственное применение: в этом отношении правовое регулирование не дает никому привилегии. В целом вредное с народно-хозяйственной точки зрения расточение, которое может производить капиталист благодаря своему личному потреблению,—как бы он ни стремился к наслаждениям и какому бы мотовству он ни предавался — во всяком случае, почти совершенно не идет в счет по сравнению с тем расточительством, которое ежедневно производится самыми честными, самыми добросовестными, но поставленными не на то

место чиновниками и хозяйственниками, которые сами бесхозяйственно работают и заставляют так же бесхозяйственно работать других» (119).

Таким образом классовая борьба—это «малость» по сравнению с борьбой против расточительности и бесхозяйственности.

Этой борьбе будет помогать «органическая экономическая наука», долженствующая создать «социальную систему национальной экономии».

* * *

Такова теоретическая концепция Бенте. Как, вероятно, уже заметил читатель, в этой теоретической концепции причудливо перепутываются правильные и оригинальные положения с кричащим апологетическим вздором. И этот вздор тем более кричащ, чем более принципиальный вопрос разбирает автор. В этом сказывается с замечательной яркостью специфическая особенность буржуазного мышления, которое не может перескочить за черту капиталистического миропорядка и создает (и для «себя», и для «других») тысячу и одну иллюзию, общественный смысл которых неизбежно антисоциалистичен и, следовательно, контрреволюционен.

Мы начнем разбор теории Бенте с его философской установки, которую мы почти обошли в изложении его работы. Бенте, не в пример другим, отлично сознает социальную обусловленность всего «организационного» течения в современной буржуазной экономической мысли. Более того. Он ясно видит связь между концом индивидуалистического капитализма и концом индивидуалистической методологии в экономической науке: эту связь он точно, ярко и даже вызывающе-подчеркнуто формулирует. Он делает из этого правильный вывод, а именно тот вывод, что необходимо ориентироваться на анализ «целого» (т. е. иметь общественную методологическую установку), а не заниматься экономическими робинзонадами старого образца. Но при этом он опирается на виталистическую, сугубо идеалистическую, теорию Дриша. У Дриша понятие «целокупности» (Ganzheit) является основным понятием для органического ряда, причем одушевленной природе соответствует особый вид причинности, а именно «причинность целокупности». «Цель и направление» живому дает особый агент, аристотелева «энтелехия», тело направляют «психоиды» и т. д. Этот таинственный агент, эта метафизическая «жизненная сила» по сути дела превращает причинность в телеологию, а особую специфичность жизненного ряда в принципиальный отрыв органического мира от всей остальной природы, т. е. превращает относительную особенность органического в особность абсолютную. Тем самым дается «воля» метафизическо-идеалистической и религиозной чепухе. В действительности идея «целого» есть универсальная идея, ибо изучение всякой системы предполагает не только аналитическое изучение ее частей, но и синтетическое изучение целого: специфическая закономерность целого не может быть дана «по частям». Что же касается специфических свойств органического ряда, то признание их вовсе не предполагает обязательности виталистической точки зрения. Бенте же целиком стоит на платформе метафизического идеализма. Но здесь автору разбираемой работы приходится довольно туго. Он кокетничает с необходимостью подчеркнуть качественную особенность жиз-

венного ряда, т. е. «органического». Однако почему он не продолжает этой, в основе правильной (но неправильно, по-виталистически, расшифровываемой), мысли дальше? Почему он останавливается на полпути и не требует подчеркивания качественной особенности общественного (социологического) ряда явлений? Ведь человеческое общество не просто «вид» одного из животных, но имеет тоже специфические особенности. Тут мы подходим к классовой сердцевине всего построения Бенте. В основе его теории лежит подновленная и подкрашенная органическая теория общества и хозяйства. «Смысл» органической теории состоит, однако, в том, что своими аналогиями между различными группами общества и общественными функциями этих групп, с одной стороны, органами тела и их функциями, с другой—она пропагандирует невозможность революционных принципиальных изменений общественной структуры: как нельзя, дескать, руками заменить мозга, так нельзя пролетариат поставить у власти в обществе. Буржуазный идеолог не хочет видеть ни специфичности общественного ряда, ни тем более специфичности общественно-исторических форм. Между тем ряд общественных функций может вовсе «отмереть»: например, функция эксплоатации, функция управления над людьми и т. д. Отнюдь не всеобщей является и идея ранга, общественной иерархии: она тоже обречена на слом. С другой стороны, ряд важнейших до сего времени общественно-трудовых функций отделяется от людских групп: мы полагаем, что при коммунизме уничтожится не только противоположность города и деревни, но и всякое разделение труда. Это вовсе не значит, что будет производиться только один чудовищный однородный продукт, т. е. что уничтожатся отрасли производства: это означает лишь, что данный вид труда не будет связан постоянно с теми же группами людей, или, вернее, что люди не будут как каторжники к тачке привязаны на всю жизнь к одному и тому же виду труда. Все это никак не укладывается в рамки органической теории. Но именно потому, что это не укладывается в ее рамки, Герман Бенте и стоит на ее методологической основе. Это, однако, сказывается и на ряде важнейших выводов разбираемой работы.

Если классы подобны органам тела, то проблема революции бессмысленна. В связи с этим Бенте ставит свои прогнозы: умирает не капитализм, умирает лишь его индивидуалистическая корка, его изжитая древняя форма, на смену которой идет «коллективно-хозяйственный» капитализм. Оставим в стороне то чрезвычайно существенное обстоятельство, что автор «деликатно» обходит важнейшие противоречия капитализма, как такового. Даже с ограниченной точки зрения автора дело у него явно не клеится. «Организованная бесхозяйственность» ведь не есть категория индивидуалистического капитализма: она как раз и вытекает из принципа организации, т. е. из перехода к «коллективно-хозяйственному» капитализму, если говорить в терминах Бенте. Понятна критика монополии с точки зрения конкуренции. Главное зло-де в том, что «жало конкуренции» с ростом монополий исчезает и исчезает стимул хозяйственной деятельности капиталиста, грозит хозяйственная летаргия. Но как же можно в таком случае пробудиться от этой летаргии? В одном месте Бенте говорит, что конкуренция все же остается между отраслями производства? А вертикальная концентрация? А комбинаты? И где действительно остается

главным образом конкуренция? Мы об этом уже говорили выше: она разыгрывается с особой силой на мировом рынке. Но конкуренция на мировом рынке есть война. А от этой проблемы Бенте бежит, как чорт от ладана. Противоречия мирового хозяйства у него не существуют, проблема империализма не существует, проблема войны не существует. Как же можно ожидать, что у него может быть проблема революции?

Однако, с другой стороны: если дело дойдет «до совершенства» и «организованный капитализм» станет стопроцентной реальностью (чего быть не может, но что мы условно допускаем, чтобы бить Бенте даже его оружием), то как же все-таки будет дело с движущими силами капиталистического хозяйства? Ведь тогда конкуренция исчезнет. Теперь явления загнивания, которые есть налицо и которые отмечает сам Бенте, парализуются международной конкуренцией. Страна наибольшей организованности (и, по Бенте, наибольшего бюрократизма), Германия, ставит мировые рекорды рационализации, будучи подхлестываема жестоко бьющим кнутом международной конкуренции. Всеобщность монополии, убив «жало конкуренции», привела бы к паразитарному перерождению огромного масштаба. Это вытекает и из посылок автора. Социализм дает выход. Он продолжает быстрым темпом (но с другим классовым знаком и по-своему) организационную линию. Но он заражает все хозяйствование могучим импульсом роста массовых потребностей. Все хозяйство начинает ориентироваться по-другому. Толчки, идущие от массы, которая хочет и должна жить лучше, систематическое давление со стороны массы, уничтожение с корнем капиталистического «проклятого отсутствия потребностей» — с лихвою заменяют кнут капиталистической конкуренции и являются основной гарантией против бюрократического перерождения кадрового состава. Но это делает социализм. А капитализм? Чем он заменяет стимул конкуренции? Его заменить нечем.

Но если его заменить нечем «реально», то его может «идеально» заменить капиталистическая контрреволюционная утопия. Правда, и сама универсальная организованность капитализма (т. е., по сути дела, «ультраимпериализм») есть утопия. Но организованный и не загнивающий капитализм есть утопия в квадрате. Бенте строит эту утопию, опять-таки исходя из «органической» теории, когда он изображает сантиментальную идиллию общественного служения капиталиста, пекущегося о благе народном, но не забывающего и про свой собственный карман, и рабочего, преисполненного любви к своему «хозяйственному руководителю», на основе науки ведущему все общество к процветанию и прогрессу.

Бенте, в унисон со многими и многими, превозносит до небес американские отношения. В Америке царит святая идиллия без классовой борьбы, и мистеры Форды являются воплощением «социального» начала. Здесь у Бенте есть и противоречие с самим собой, ибо он сам объявил «социальную политику» занятием антихозяйственным. Но это мимоходом, ибо это не существенно. Существенным является, во-первых, несоответствие этой картины элементарным фактам (стабильность зарплаты, хищническое потребление рабочей силы, гигантская безработица, неквалифицированный труд и т. д.); во-вторых, непонимание автором

особой роли САСШ (монопольное положение, наивысшая техника, сверхприбыли, исключительность всей обстановки). Американские капиталисты платят более высокую зарплату, но они получают еще более высокую прибыль. Относительное «спокойствие» в САСШ есть результат их ультрамонопольного положения. Приводить этот пример для «опровержения» теории классовой борьбы так же остроумно, как приводить пример старого тред-юнионизма эпохи английской всесветной монополии. По сути дела вопрос стоит ребром: или Бенте думает, что «организованный капитализм» уничтожает факт эксплоатации,— тогда почему это капитализм (а Бенте усиленно подчеркивает это последнее обстоятельство, что делает ему честь по сравнению с социал-демократами)? Или он не уничтожает факта эксплоатации,— тогда тем самым остается проблема классовой борьбы со всеми последствиями.

От этой постановки вопроса автор пытается увильнуть, заменив ее аргументом поистине смехотворным: капиталист-де гораздо больше инвестирует, чем потребляет. Но это отнюдь не новое явление. Пуританские капиталистические ханжи еще большую долю «накопляли» и были благочестивы, как постное масло, а тем не менее отнюдь не переставали быть капиталистами, с соответствующим противоречием своей позиции к позиции пролетариата.

Смысл аргументации Бенте, однако, состоит в том, что раз капиталист (или «коллективный капиталист») «ест» мало, а «руководит» хорошо, причем будет руководить еще лучше, то отчего бы рабочим не умилиться и не возвести в вечность такого превосходного положения; не лучше ли обратить внимание на борьбу с непроизводительными тратами (борьбу с «расточительностью») вместо «бесполезной», «бессмысленной» и пр. классовой борьбы?

Эта аргументация, становящаяся крайне модной (она звучит «производственно», она «технически-прогрессивна», она воспевает «организованность» и т. д., и т. п.), исходит из крайне примитивного понимания сложных общественных отношений. Мы не говорим уже о том, что непроизводительное личное потребление господствующих классов и в связи с этим соответствующее распределение производительных сил, направление производственной деятельности — вовсе не такой маловажный фактор, как это представляет Бенте. Вопрос гораздо более глубок, чем это кажется автору «теории бесхозяйственности». Речь идет (великий исторический спор идет) не только о статическом дележе дохода «на сегодня»; вопрос идет о всей динамике общественного развития. Траты на милитаризм и войны мы хотим уничтожить, а это невозможно в пределах капитализма; систематическое недопотребление масс мы хотим уничтожить, а это невозможно в пределах капитализма: принцип развития массовых потребностей, как основной хозяйственный принцип, мы хотим сделать действительным рычагом развития, что обеспечит самые быстрые темпы хозяйственного роста, — но это невозможно при капитализме; иное положение работающих масс в процессе производства, развязывание всей массовой энергии, господство труда есть цель рабочего класса,—но это немыслимо без свержения капитализма. И так далее и тому подобное. Вот почему совершеннейшими пустяками являются су-

ждения Бенте относительно ликвидации классовой борьбы вместе с тенденцией к государственному капитализму. Но социализм есть высшая, более производительная организация общественного труда: он воплощает высший принцип организации по сравнению с капитализмом. Поэтому продумывание до конца принципа борьбы с расточительностью опрокидывает навзничь капиталистические представления самого Бенте. В самом деле: если нужно радикально бороться с «расточительностью» (т. е. с непроизводительным потреблением и с непроизводительными расходами вообще), то нужно свести до минимума непроизводительное личное потребление господствующих классов, изменить направление производства, уничтожить поземельную ренту и значительную часть прибылей (не только накопляемую часть, но и потребляемую), уничтожить милитаризм, уничтожить издержки конкуренции, уничтожить перегородки частной собственности, мешающие производству, уничтожить монополию образования, расширить для всей массы трудящихся возможность продвигаться вперед и т. д., и т. п. Но все это можно сделать, лишь ниспровергнув капитализм. Ибо капитализм по сравнению с социализмом есть тормоз общественного развития.

Чтобы уйти от этого вывода, Бенте отождествляет «капиталистическое» с «хозяйственным» вообще. «Антикапиталистическое», это у него «антихозяйственное». Но здесь он запутывается самым беспощадным образом. Он воспевает «организованный капитализм», а критерием «хозяйственного» берет рыночную цену: она у него—альфа и омега. Но полная организованность уничтожает категорию цены, а другого критерия Бенте не нашел и не выдвигает. Ибо здесь можно выдвинуть только одну мерку, а именно мерку человеческого труда. Но тогда вся система организованного капитализма сразу обнаружила бы себя как высший тип эксплоататорской системы. Это допустить Бенте тоже не может. Поэтому он берет критерием рынок и цену, одновременно их уничтожая. Он останавливается как раз на пороге той задачи, которую нужно разрешить. Но разрешить эту задачу не дано теоретикам буржуазии.

Бенте, исходя из основных своих установок, по всему фронту выскабливает самым тщательным образом вопрос о классовой борьбе. Размахнувшись на то, чтобы дать широкое полотно эпохи, он заявляет:

> «Рационализация, научное руководство предприятием, фордовский принцип общественного служения, компанейские союзы, национальное и интернациональное картелирование, изучение конъюнктуры и конъюнктурная политика, фашистская хозяйственная диктатура и большевистское плановое хозяйство,— все это в основе своей — хотя и бессознательно—есть выражение полной мысли: систематически сдерживать непроизводительную растрату энергии (Kraftvergeudung) и создать организованный капитализм» (с. III).

Остается непонятным лишь то обстоятельство, что коллеги г-на Бенте по классу скопом и каждый за себя восстают против «большевистского планового хозяйства», хотя оно ничем «в основе» не отличается будто бы от «фа-

листской хозяйственной диктатуры» и господства трестированного капитала. Бенте настолько «последовательно» вычеркивает проблему классовой борьбы, что договаривается до подобных теоретических пошлостей. В связи с этим стоит и явная недооценка «планового начала»: подробно отмечая мелочи из области «организованной бесхозяйственности», он нигде не анализирует огромных преимуществ крупного, в общественном масштабе организованного, планового хозяйства. Ублюдочная позиция Бенте в этом вопросе объясняется тем, что при капитализме реально может быть лишь ублюдочный «план». Предпосылкой общественного планового хозяйства является на деле лишь диктатура революционного пролетариата.

* * *

Бенте—отнюдь не одиночка. Аналогичная литература быстро растет и в Европе, и в Америке. Мы взяли работу Бенте потому, что это—наиболее обобщающая, наиболее синтетически построенная попытка теории новейшего капитализма, взятого с точки зрения его специфических организационных форм. Если государственный капитализм, тенденции к которому за последнее время снова быстро нарастают, является последней попыткой спасти капитализм, его бытие, от надвигающегося крушения, то, с другой стороны, теории, аналогичные теориям Бенте, являются подведением соответствующего идеологического базиса: эти теории одновременно занимаются и апологией новейшего капитализма, и дают ряд дельных указаний практикам капиталистической хозяйственной жизни. В этих рамках они являются достаточно яркой капиталистической самокритикой, довольно смело вскрывающей частичные пороки современной капиталистической системы: таково освещение проблем централизации, бюрократизма и т. д.

Советского читателя поразит формальное сходство некоторых организационных проблем, которые ставятся и решаются Бенте, с проблемами, которые ставит в порядок дня и решает советская практика. Забегая несколько вперед, мы должны отметить, однако, что даже те вопросы, которые Бенте решает в общем правильно, у нас стоят по-иному: так, например, проблема бюрократизма у нас имеет не только «чисто-организационный», но одновременно и классовый смысл, поскольку нет классовой однородности аппарата; проблема «централизации-децентрализации» вместе с проблемой бюрократизма упирается в проблему масс: проблема конкуренции и борьбы с монопольным загниванием—в проблему повышения жизненного уровня масс—с одной стороны, проблему социалистического соревнования—с другой. Мы уже не говорим о ряде крупнейших проблем, связанных с вопросами отношения города и деревни. Но все же попытка Бенте заслуживает нашего внимания: она ставит во весь рост проблему аппарата в целом как научную проблему. Она отчетливо показывает нам, насколько эта проблема назрела у «них». У нас практика социалистического строительства ставит аналогичные проблемы еще более настойчиво. За их разработку нам нужно взяться во что бы то ни стало.

В ПРЕЗИДИУМ ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА ПРИ КОМАКАДЕМИИ

Уважаемые товарищи!

Направляя вам выправленную стенограмму моего выступления в диспуте об «организованном капитализме», прошу присоединить к стенограмме следующее мое заявление, касающееся выступления т. Леонтьева.

В своей речи т. Леонтьев обвинил меня в том, что я будто бы усматриваю **единственный** дефект метода т. Бухарина в склонности его к «мышлению пределами» и прохожу мимо эклектизма т. Бухарина и элементов субъективизма, свойственных т. Бухарину, как и другим представителям механистического направления. Между тем, как видно из стенограммы, я уже в самом начале речи оговорился, что «собираюсь дать и эту методологическую критику не целиком, а только некоторые части ее». Тем самым я указал, что критика «мышления пределами» не исчерпывает всей критики механистического метода т. Бухарина. Тов. Леонтьев далее, основываясь на том, что я говорил о борьбе различных тенденций в процессе развития капитализма, приписал мне представление о противоречии, как о результате столкновения двух сил, направленных в прямо противоположные стороны. Обращаю внимание на то, что я говорил о противоположных тенденциях, **внутренне присущих** одному и тому же явлению и порождаемых **внутренним** противоречием.

Тов. Леонтьев далее упрекал меня в том, что я лишь в конце речи указал на механистичность метода т. Бухарина. Тов. Леонтьев, повидимому, не понял, что я на протяжении всей речи подводил слушателя именно к тому выводу, который и сделал в конце речи.

С комприветом **Александр Кон.**